

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 2, 2015

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин,
кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент
(ответственный за выпуск),
М. А. Антипов, кандидат философских наук,
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент,
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (София, Болгария),
А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения),
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия),
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия),
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия),
З. М. Исламов, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан),
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия),
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия),
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия),
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия),
М. О. Насимов, кандидат политических наук (Кызылорда, Казахстан),
М. Сапик, PhD., доцент (Колин, Чехия),
Е. Н. Сердобинцева, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия),
Д. Танцошова, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия),
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария),
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия),
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий. Материалы, опубликованные в журнале, размещаются в российской системе научного цитирования (РИНЦ) – на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ), а также в международной базе научных публикаций Directory of open access journals (DOAJ), и индексируются в системе научного цитирования Google Scholar.

Журнал индексируется в:

Электронной научной библиотеки (Россия),
Directory of open access journals (Швеция),
Open Academic Journal Index (Россия),
Research Bible (Китай),
Scientific Indexing Services (США),
Global Impact Factor (Австралия),
Cite Factor (Канада)

Импакт-фактор (Global Impact Factor) за 2014 г. – 0,784.

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский
центр «Социосфера», 2015.
© Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия, 2015.

Scientifically-methodical and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 2, 2015

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

Editor-in-Chief – Boris Doroshin,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

Editorial board

Ilona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (responsible for release),
Michail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor,
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor,
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor.

International editorial council

N. Arabadzhiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria),
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia),
A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia),
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia),
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia),
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia),
Z. M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan),
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic),
N. Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria),
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia),
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia),
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia),
M. O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan),
M. Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic),
E. N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia),
J. Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia),
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia),
L. Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities. The papers that are published in the journal are placed in the Russian system of scientific citation (RISC) – on the site of Scientific electronic library (SEL), and also in the international database of scientific publications Directory of open access journals (DOAJ), and are indexed in the science citation system Google Scholar.

The journal is indexed by:

Electronic Research Library (Russia),
Directory of Open Access Journals (Sweden),
Open Academic Journal Index (Russia),
Research Bible (China),
Scientific Indexing Services (USA),
Global Impact Factor (Australia),
Cite Factor (Canada)

Impact factor of the journal (Global Impact Factor) in 2014 – 0,784.

ISSN 2078-7081

© The science publishing
centre «Sociosphere», 2015.
© Samara State Academy
of Social Sciences and Humanities, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора11

НАУКА

ЭКОЛОГИЯ

Батыркаев Р. Р., Паначев В. Д., Морозов А. П., Фазлеев М. Т.
Анализ экологической обстановки в местах занятий физической культурой и спортом по оценкам студентов 14

ИСТОРИЯ

Бекмирзаев И. И.
Особенности делопроизводства в учреждениях кази Маверауннахра 18

Иванов А. А.
Екатерина Брешковская: сибирский период биографии
(по малоизвестным материалам). Часть 1..... 21

Сагдиев Х.
Искреннее отношение к правителю в исламе.....28

ФИЛОСОФИЯ

Платонова С. И.
Концепт «Социальное знание» как предмет философского дискурса33

Тюрина Т. А., Басилаиа М. А.
Путь к ноосфере в ходе естественнонаучной эволюции.....39

ФИЛОЛОГИЯ

Андреева А. А., Васильева А. А.
Структурно-семантическая характеристика китайских эргонимов
на примере названий магазинов женской одежды.....42

Борисова Ю. Б., Васильева А. А.
Семантика современных китайских личных имен46

Васильева А. А.
Четырехморфемная структура китайского рекламного слогана50

Dzyubenko A. I.
Male epistolary discourse: pragmatic perspective..... 53

Калимова Ж. У.
Фразеологическая активность имен существительных
в современном английском языке..... 56

Кулачикова А. А.
Диахронический аспект лексико-стилистических особенностей
сезонных слов «киго» в японских хайку62

Куликова И. М.
Художественное воплощение темы войны в современной
региональной прозе Югры 65

Логачева М. И.
К проблеме описания английских фразеологических антонимов.....70

Николаева Т. Н. Якутские междометия в гендерном аспекте	75
Топка Л. В. Языковая маркированность социального статуса говорящего субъекта в языках разных типов.....	78

ПЕДАГОГИКА

Александрова Л. М. Развитие творческой самостоятельности младших школьников на уроках изобразительного искусства в ходе педагогических практик.....	84
Asyllbekova M. P., Abibulayeva A. B. Application of innovative technologies in training of future specialists to work with orphans	87
Живаева Л. Н., Наумова Н. И., Кондалова Т. А. Проектные задачи в начальной школе на материале детского фольклора	91
Барашкина С. Б., Наумова Н. И., Тихонова Н. Б. День науки в начальной школе	96
Боброва Л. В. Квалиметрические методы в управлении образовательным процессом	102
Жарбулова С. Т., Тайман С. Т. Новый подход в организации групповой работы на занятиях по практическому русскому языку в казахской аудитории	105
Исмаилова Г. К., Хасенова К. Е., Кабдылманова Л. Т. Инновационные формы контроля обучающихся	109
Кучер Т. П., Корчевский В. Е. Особенности конструирования математических заданий с ориентацией на международные исследования PISA.....	113
Petrova G. A., Koshel E. Y., Rura E. G., Efimova O. V., Duchko A. N., Podberesina E. I. Topic-related creative writing as a means of forming foreign language productive skills.....	121
Редченко Н. Н. Функции интердисциплинарного обучения иностранному языку	124

ПСИХОЛОГИЯ

Потявина В. В., Москвичева Н. Л. Личностные ресурсы профессиональной карьеры врачей, преподающих в высшей школе	128
Stoyanova S. K. Social and psychological dimensions of the leadership phenomenon in management.....	133

СОЦИОЛОГИЯ

Абрамкина М. О. Социологический анализ абсентеизма москвичей на выборах мэра г. Москвы в 2013 г.	138
Чаленко А. В. Жилье для современной российской молодой семьи как актуальная социальная проблема	142

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алимова Н. М.

Современные тенденции изменения геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в других регионах исламского мира 144

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мухамеджанова С. И.

Трансформация стилей и направлений изобразительного искусства в графическом дизайне рекламы (на примере наружной рекламы Узбекистана) 149

Сараева Л. П.

Музыкальный фольклор в аспекте специфики культурогенеза Белгородского края 156

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Басырова С. Г.

Российская историческая наука в первой половине 1990-х годов: общие тенденции развития 160

Беляева В. П.

Аннотация рабочей программы учебной дисциплины «Новейшие тенденции и направления современной политологии» 167

Чулкова Е. Н.

Развитие риторической компетентности курсантов высших военных заведений. Методическая разработка по дисциплине «Русский язык и культура речи» 171

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году.....175

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 176

Всероссийский конкурс учебно-методических разработок педагогов общеобразовательной школы «Педагогические инновации»177

Информация о журнале «Acta Humanitas» 178

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 180

CONTENTS

From the editor-in-chief.....11

SCIENCE

ECOLOGY

Batyrkaev R. R., Panachev V. D., Morozov A. P., Fazleev M. T.
Analiz ambiences on occupation of the physical culture
in estimation student..... 14

HISTORY

Bekmirzaev I.
Features of office in the institutions of the qadi Maveraunnahra 18

Ivanov A. A.
Ekaterina Breshkovskaya: the siberian period of the biography
(on little-known materials). Part 1 21

Sagdiev K.
Sincere attitude to the ruler in Islam28

PHILOSOPHY

Platonova S. I.
The concept «social knowledge» as an subject of philosophical discourse33

Tyurina T. A., Basilaia M. A.
Way to noosphere in the course of natural sciences evolution39

PHILOLOGY

Andreeva A. A., Vasilieva A. A.
Structural and semantic characteristics of Chinese ergonyms in terms
of the names of women's clothing stores42

Borisova Y. B., Vasilieva A. A.
The semantic of modern Chinese given names46

Vasilieva A. A.
The structure of Chinese advertising slogan.....50

Dzyubenko A. I.
Male epistolary discourse: pragmatic perspective.....53

Kalimova Zh. U.
Phraseological activity of nouns in Modern English56

Kulachikova A. A.
Diachronic aspect of the lexical and stylistic features of kigo
in Japanese haiku62

Kulikova I. M.
Artistic realization of the theme of war in modern regional prose Ugray..... 65

Logacheva M. I.
Some characteristics of english phraseological antonyms70

Nikolaeva T. N.
The gender perspective of Yakut interjections 75

Topka L. V. Linguistic markedness of the speaker's social status in different types of languages	78
---	----

PEDAGOGICS

Alekcandrova L. M. Development of creative independence in primary school for the arts lessons during the pedagogical practices	84
Asyllbekova M. P., Abibulayeva A. B. Application of innovative technologies in training of future specialists to work with orphans	87
Naumova N. I., Zhivaeva L. N., Kondalova T. A. Project tasks in primary school based on children's folklore material	91
Barashkina S. B., Naumova N. I., Tihonova N. B. Science day in primary school.....	96
Bobrova L. V. Kvalimetrichekoj methods educational management	102
Zharbulova S. T., Taiman S. T. A new approach in organization of group work on employment of practical Russian language in the Kazakh audience	105
Ismailova G. K., Khassenova K. E., Kabdylmanova L. T. Innovative forms of learner control	109
Kucher T. P., Korchevsky V. E. Features of the construction of mathematical tasks with a focus on international PISA study	113
Petrova G. A., Rura E. G., Efimova O. V., Duchko A. N., Podberesina E. I. Topic-related creative writing as a means of forming foreign language productive skills	121
Redchenko N. N. Functions of interdisciplinary learning a foreign language.....	124

PSYCHOLOGY

Potiavina V. V., Moskvicheva N. L. Personal resources of occupational career of doctors, who teach at higher school	128
Stoyanova S. K. Social and psychological dimensions of the leadership phenomenon in management.....	133

SOCIOLOGY

Abramkina M. O. Sociological analysis of absenteeism of Moscow residents in the mayoral election in Moscow in 2013	138
Chalenko A. V. Housing for the modern Russian young family as an actual social problem.....	142

POLITICAL SCIENCE**Alimova N. M.**Modern tendencies of transformation of geopolitical situation
in middle east and in other regions of Islamic world 144**CULTUROLOGY****Mukhamedjanova S. I.**Transformation of styles and directions fine arts
in the graphic design of advertising (on the example
of outdoor advertising of Uzbekistan) 149**Sarajeva L. P.**Musical folklore in the aspect of the specificity of cultural genesis
of the Belgorod region 156**IN THE HELP TO THE HIGHER SCHOOL TEACHER****Basyrova S. G.**Russian historical science in the first half of the 1990s:
general trends of development..... 160**Belyaeva V. P.**Summary of the working training modules «Latest trends and directions
of contemporary political science» 167**Chulkova E. N.**The development of rhetorical competence of cadets of the highest military
institutions. Methodical development on discipline «Russian language
and the standard of speech» 171**IN THE HELP TO A GRADUATE STUDENT**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана
и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году.....175

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 176

Всероссийский конкурс учебно-методических разработок педагогов
общеобразовательной школы «Пединновации»177

Information about the journal «Acta Humanitas»..... 178

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»181

От главного редактора

Мы живём в многообразном и сложном мире, где развёртываются и обретают всё большую глубину и размах масштабные процессы, коренным образом изменяющие многое в экономике, социальных отношениях, политике, но прежде всего благодаря возможностям современной инфокоммуникационной среды охватывающие индивидуальное и коллективное сознание, культуру различных субъектов общественной жизни.

В условиях возрастающей интенсивности, неопределённости и многовариантности развития этих процессов становится особенно важным познание сущностных черт и специфических характеристик психоментальной сферы представителей различных цивилизаций, народов, общественных классов, слоёв и групп. Именно эти черты и особенности во многом определяют их выбор и дальнейшую линию поведения в тех или иных коллизиях актуального социального бытия.

Во многих странах мира порубежье текущего и предшествовавшего тысячелетий ознаменовалось бурными судьбоносными преобразованиями. Их общий вектор предполагает модернизацию, ориентированную примерами социально-экономического благосостояния обществ западного типа. Но ход этих преобразований со всей наглядностью выявил недостаточность применения в практике такого рода только лишь универсальных по своей природе теоретических и управленческих схем и алгоритмов, а также необходимость их корректировки и дополнения с учётом особенностей мироощущения и мышления представителей тех социумов, где осуществляются данные трансформации.

Эти особенности, зачастую обобщённо маркируемые понятием «ментальность», активно проявляются в индивидуальной психике и поведении как некие инвариантные элементы, детерминируя базу идентичности того

или иного субъекта к определённому этносу, социуму и времени. При этом ментальности, характерные общностям различного масштаба, эпохам и периодам различной протяжённости, изменяются хотя и не с одинаковой, но преимущественно с весьма небольшой скоростью. Данное обстоятельство является одним из существенных факторов задержки и отклонения в траектории развития тех или иных реформ, внедрения новаций и утверждения новых порядков и укладов, как правило, усваиваемых массами в некоем адаптированном к привычным для них устоям виде, а нередко и вовсе отторгаемых ими в завуалированной или вполне открытой форме.

Поэтому не только организационно-управленческая, но и любая другая, относящаяся к различным уровням и ареалам социального пространства, новаторская творческая деятельность объективно предполагает востребованность изучения исторически сложившихся в данном обществе, а также в составляющих его объединениях и категориях населения структур коллективного сознания с присущими ему комплексами традиций и системами ценностей.

Без обращения к исследованиям по данной проблематике едва ли можно ожидать сколь-нибудь значительного эффекта от каких бы то ни было общих программ и конкретных мер, направленных на качественный рост и поступательное развитие в отдельных сферах общественной жизни или же во всей их совокупности, поскольку подлинными реформы всегда являют собой хотя и эволюционные, но в достаточной мере кардинальные изменения основ жизни, которые сполна охватывают мировоззренческие представления людей, сложившиеся у них убеждения и стереотипы, свойственные им нормы и ценностные ориентации. Примечателен в связи с этим опыт модернизационных

процессов в ряде не западных обществ, показавший, что для последних с доминирующими в их ментальностях незыблемостью традиций и приматом общинного начала, коллективизма, препятствующим нуждающемуся в частной инициативе быстрому инновационному развитию, необходимы более обоснованные и долговременные трансформационные проекты.

Ментальность находится в отношениях перманентного взаимодействия и взаимозависимости с культурой. Не имея возможности существовать вне национального менталитета, всякая национальная культура представляет собой результат деятельности национальной ментальности. Соответственно, учёт изменения ментального фактора культуры даёт возможность не только отразить её уже наличествующее состояние, появившееся в результате предшествующей ментальной деятельности, но и осмыслить предопределённость возможного результата его трансформации реально функционирующим национальным менталитетом.

В свою очередь, развитие ментальности обусловлено культурой, традициями, социальными институтами, структурами и факторами; всей средой обитания людей. Изменение даже некоторых более или менее существенных из этих детерминант закономерно приводит к трансформации ментальности человека или различных социальных групп. В силу этого возникает, бытует и с неизбежностью сменяется новыми множество различных исторических типов ментальностей.

Исторически заданная ментальность, определяя историческое самосознание, в различных социокультурных условиях может находить своё выражение в соответствующих формах – стихийно интуитивных чувствований смысла истории; религиозных доктрин, довольно жёстко предписывающих, какой смысл можно постичь в определённых исторических событиях и их развёртывании в череде последствий; наконец, в философско-теоретических построениях. В ряде этих последних ментальность выступает как способ экзистирования человеческой рациональности, что послужило основой моделей

исторического прогресса, специфика объяснения которыми внутренних механизмов общественного развития придала им характер моделей исторического разума.

Однако в рамках и под влиянием психологического, и, в частности, психоаналитического рассмотрения ментальности внимание исследователей всё более концентрировалось на её иррациональных, бессознательных аспектах. В конечном счёте, ментальность была осмыслена как наиболее сложный и многоаспектный социосемантический феномен культуры. Данный факт, тем не менее, не снял противоречий в её трактовке представителями различных наук, в т.ч. лингвистики, культурологии, логики, социологии и др. Это предопределяет необходимость выработки новых подходов, формирования адекватной современным императивам теории функционирования и развития социокультурной ментальности. Продвижение в этом направлении, в свою очередь, обуславливает потребность в создании эффективной методологии, которая сочетала бы широкий междисциплинарный синтез с интегральным философским взглядом и дала бы возможность целостно и всесторонне рассматривать феномен ментальности как активный, креативный, смыслообразующий фактор социального бытия.

Вопросы, относящиеся к проблематике ментальности, получили отражение в ряде публикаций данного выпуска нашего журнала. Некоторые из них затрагивают её религиозные и социально-политические аспекты; богословские концепции, определяющие установки верующих по отношению к властвующим персонам; психоментальные особенности представителей революционного движения; мотивы электорального абсентизма; социально-исторические и политико-правовые условия развития сопряжённых с религией и межконфессиональными отношениями составляющих общественного сознания; коренящиеся в евразийском духовном наследии; предпосылки развития ноосферной цивилизации и некоторые ориентиры формирования соответствующего ей менталитета.

Другая часть материалов номера касается диалектики традиционного и современного в ментальных основаниях языка и культуры, раскрывая отражение национального сознания в фразеологизмах, антонимах и междометиях; этноспецифические особенности способов языковой маркированности социального статуса; этнокультурные детерминанты антропоники, эргоники и рекламного дискурса; воздействие рекламы на чувства и умонастроения потребителей; выражение национального и регионального менталитета в поэзии и прозе; смысловые формы и ценностные доминанты традиционной культуры.

Формированию различных составляющих ментальности посредством использования детского фольклора и постфольклора, групповой работы и культурно-образовательных мероприятий, интердисциплинарного обучения посвящены статьи педагогической тематики.

Психоментальные особенности специалистов в различных областях профессиональной деятельности получили отражение в статьях, затрагивающих психологические состояния должностных лиц, занятых делопроизводством; влияние ментальности исследователя на конструирование исторического факта; математизацию сознания педагогов в связи с широким внедрением в образовательную среду информационных технологий; личностные ресурсы врачей, совмещающих медицинскую практику с преподаванием.

Как видим, содержание данного номера журнала охватывает довольно широкий круг теоретических и практических вопросов, относящихся к генезису, трансформациям и функционированию ментальности, что даёт основания полагать, что издание и его авторы следуют в русле требований времени и вносят свой вклад в разработку столь актуальной на сегодняшний день категории социально-гуманитарного познания.

Б. А. Дорошин

УДК 396

АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МЕСТАХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ ПО ОЦЕНКАМ СТУДЕНТОВ

Р. Р. Батыркаев
В. Д. Паначев
А. П. Морозов
М. Т. Фазлеев

*Старший преподаватель,
доктор социологических наук, профессор,
студент,
старший преподаватель,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Россия*

ANALIZ AMBIENCES ON OCCUPATION OF THE PHYSICAL CULTURE IN ESTIMATION STUDENT

R. R. Baturkaev
V. D. Panachev
A. P. Morozov
M. T. Fazleev

*Teacher,
Doctor of Sociological Sciences, professor,
student,
teacher,
Perm National Exploratory Polytechnic University,
Perm, Russia*

Summary. In given article happens to the analysis a result sociological study about condition surrounding atmosphere in places occupation physical culture on territory high school Perm on answer student. Plenty of defects are revealed in the course of questioning student on ecological situation in atheletic buildings of each high school since ecological condition in places occupation by physical culture and sport for student negativly influences upon health student, concerning with in disadvantage for health condition. The atheletic buildings and platforms for occupation by physical culture and sport are locate nee car transport pathways. Such proximity inadmissible for sanitary technology of the physical culture and sport that have confirmed our studies.

Keywords: health; physical culture; condition surrounding ambiances; zones of the ecological load.

Главная задача проведения занятий по физической культуре – оздоровительная направленность для студентов всех групп подготовки. Актуальность данного исследования заключается в том, что учебные занятия проходят в условиях миллионного города, где большинство спортивных сооружений проектируется, строится и эксплуатируется без учета влияния экологической обстановки в данном районе расположения учебного заведения. И хотя традиционно вопросы экологического состояния окружающей среды в местах занятий физи-

ческой культурой и спортом рассматриваются методами экологической науки, для представления полноценной картины экологической ситуации, особенно в местах занятий физической культурой и спортом студентов вузов Перми, методов экологии не всегда бывает достаточно. Дело в том, что от состояния экологической обстановки зависит здоровье студентов, занимающихся на спортивных объектах во время учебных занятий и во внеучебное время – спортивно-оздоровительная работа с группами здоровья и дополнительные занятия со студентами

специального медицинского отделения. Назревшая проблема экологического качества окружающей среды носит в том числе и социальный характер, поскольку именно студенчество выступает ее субъектом, одновременно испытывая негативное влияние экологических факторов на процесс своей жизнедеятельности. Привлечение методов социальных наук, в частности социологии, в данном контексте представляется наиболее оправданным и необходимым [1–7].

В 2014–2015 учебном году нами было проведено социологическое исследование, носившее комплексный аналитический характер. Целью исследования являлось аналитическое мониторинговое составление объективной картины мнений и определение уровня знаний студентов об экологическом состоянии окружающей среды в местах занятий физической культурой и спортом. В качестве основного мониторингового метода исследования выступил выборочный формализованный опрос по месту расположения вуза и учебы респондентов. Объектом исследования являлись студенты вузов Перми, всего был охвачен 1541 респондент из 5 вузов. Первоначально город был разбит на несколько зон различной экологической обстановки по данным института экопатологии, в каждой из которых случайным образом отбирались районы расположения вузов для обследования. В зону чрезвычайно высокой экологической обстановки вошли Индустриальный и Орджоникидзевский районы; в зону высокой экологической обстановки – Кировский район; в зону умеренной экологической обстановки – Ленинский; в зону допустимой экологической обстановки – Свердловский район и вузы данного района. На втором этапе исследования отбирались учебные заведения в каждом районе, на третьем – непосредственные респонденты, студенты отобранных вузов. Полученные в ходе исследования данные были проанализированы, статистические материалы обработаны с помощью компьютерной программы. В итоге социологическое исследование показало, что пробле-

ма влияния экологической ситуации на здоровье студентов представляется чрезвычайно важной (90 % опрошенных отмечают факт влияния экологического состояния окружающей среды на здоровье). Процент не отметивших данный факт очень низок: лишь 5 % респондентов заявили о том, что состояние экологии окружающей среды никак не сказывается на здоровье. По данным исследования наблюдается зависимость уровня знаний респондентов об экологическом состоянии территории, прилегающей к вузу, на которой проходят учебные занятия по физической культуре и спортивно-массовая работа со студентами. Анализ ответов респондентов на вопрос об экологическом состоянии окружающей среды в районе расположения вуза в сравнении с другими вузами района показал, что лишь 18 % опрошенных первой зоны экологической обстановки оценили состояние окружающей среды в районе своего вуза как лучшее, чем в других вузах района; 32 % заявили о худшем, чем в других вузах района, экологическом состоянии окружающей среды; еще треть (33 %) сочла уровень экологической загрязненности окружающей среды в районе расположения вуза таким же, как и в других вузах. Среди респондентов самой чистой экологической зоны лишь 17 % заявили о лучшем, чем в других вузах города Перми, экологическом состоянии окружающей среды, 16 % опрошенных склонились к аналогичному с другими вузами уровню экологической загрязненности района расположения вуза. В зоне высокой экологической обстановки 35 % респондентов ответили, что состояние окружающей среды в районах их вуза лучше, чем в прочих, еще 33 % определили его так же, как и в других вузах района.

Данные результаты говорят о том, что студенты не обладают достаточными знаниями, в целом не могут адекватно оценить состояние окружающей среды в районе расположения их вуза. При определении неблагоприятного экологического состояния среды, в наибольшей степени сказывающегося на состоянии здоровья студентов,

большинством респондентов (58 %) было отмечено плохое качество атмосферного воздуха. Чуть меньше трети респондентов (25 %) указали на неблагоприятное качество питьевой воды, 21 % – плохое качество пищевых продуктов и лишь 1 % – на высокий уровень шума. Интересно, что о влиянии последнего фактора сказали только респонденты первой, самой загрязненной экологической зоны. Среди всех респондентов 35 % отметили, что занятия на улице негативно сказываются на здоровье в условиях загрязненности окружающей среды, вред занятий в спортзале отметили 12 % опрошенных. Об отсутствии влияния на здоровье занятий физической культурой на улице в условиях загрязненности заявили 19 %, в спортзале – 14 % опрошенных. Две трети респондентов сказали, что необходимо учитывать данные факторы, а для этого следует создавать соответствующие экологические методики для учебных заведений; 17 % опрошенных заявили о том, что учитывать экологические факторы при низком качестве жизни не нужно.

Наблюдается следующая зависимость: чем грязнее экологическая зона расположения вуза, тем скорее студенты видят необходимость учета данных факторов. В первой зоне экологической обстановки о том, что в данном учете нет необходимости, заявили 15 % респондентов, во второй – 25 %, а в третьей – уже 33 %. Вместе с тем студенты зоны чрезвычайно высокой экологической обстановки чаще всего учитывают особенности окружающей среды при проведении занятий (таких ответов в первой зоне 12 %).

Таким образом, на основании вышеизложенного о проведенном социологическом исследовании можно сделать следующие выводы: студенты вузов Перми осознают влияние экологического состояния окружающей среды на собственное здоровье во время занятий физической культурой и спортом; большая часть респондентов предполагает наличие у них информации об отрицательных условиях внешней среды в месте расположения вуза, однако самооценка

опрошенных не соответствует объективному уровню информированности – большинство студентов не может правильно определить зону экологической обстановки в районе вуза в силу своей некомпетентности. Результаты работы позволяют сделать еще один вывод о том, что подобные исследования необходимо проводить с целью оздоровления студентов на занятиях физической культурой, а также нужно разрабатывать индивидуальные дифференцированные программы по физическому воспитанию для вузов, расположенных на территориях экологического неблагополучия.

Библиографический список

1. Виленский М. Я. Физическое воспитание и здоровый образ жизни студента. – М.: Гардарики, 2007. – 138 с.
2. Корепанова Ю. А., Паначев В. Д. Оздоровление студентов – главная стратегия будущего России. Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений // Тезисы докл. II Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 26 апреля 2012 г. – Екатеринбург, 2012. – С. 78–81.
3. Корепанова Ю. А. Проблемы здоровья студентов. Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии // Компетентностный подход: материалы: материалы XII всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 23 апр. 2013 г. / Перм. нац. исслед. политех. ун-т. – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. – Т. 2. – С. 183–187.
4. Корепанова Ю. А. Анализ здоровья современного студента // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – Курск, 2015. – № 2. – С. 86–88.
5. Оплетин А. А. Внедрение в учебный процесс здоровьесберегающей и спортивно ориентированной физической культуры // Теория и практика физической культуры. – 2007. – № 10. – С. 20–23.
6. Паначев В. Д. Физическая культура и спорт – средство социально-педагогического развития личности // Мониторинг качества здоровья в практике формирования безопасной здоровьесберегающей образовательной среды: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 25–27 ноября 2011 г. – Волгоград, 2011. – С. 28–32.
7. Паначев В. Д. Анализ физической культуры и здорового образа жизни // Международный журнал экспериментального образования. – Москва, 2013. – № 4 (2). – С. 40–45.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vilenskij M. Ja. Fizicheskoe vospitanie i zdorovyj obraz zhizni studenta. – M.: Gardariki, 2007. – 138 s.
2. Korepanova Ju. A., Panachev V. D. Ozdorovlenie studentov – glavnaja strategija budushhego Rossii. Problemy kachestva fizkulturno-ozdorovitelnoj i zdorovesberegajushhej dejatel'nosti obrazovatelnyh uchrezhdenij // Tezisy dokl. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ekaterinburg, 26 aprelya 2012 g. – Ekaterinburg, 2012. – S. 78–81.
3. Korepanova Ju. A. Problemy zdorovja studentov. Formirovanie gumanitarnoj sredy v vuze: innovacionnye obrazovatelnye tehnologii // Kompetentnostnyj podhod: materialy: materialy XII vseros. nauch.-prakt. konf., g. Perm, 23 apr. 2013 g. / Perm. nac. issled. politeh. un-t. – Perm: Izd-vo PNIPU, 2013. – T. 2. – S. 183–187.
4. Korepanova Ju. A. Analiz zdorovja sovremenno-go studenta // Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov. – Kursk, 2015. – № 2. – S. 86–88.
5. Opletin A. A. Vnedrenie v uchebnyj process zdorovesberegajushhej i sportivno orientirovannoj fizicheskoj kultury // Teorija i praktika fizicheskoj kultury. – 2007. – № 10. – S. 20–23.
6. Panachev V. D. Fizicheskaja kultura i sport – sredstvo socialno-pedagogicheskogo razvitija lichnosti // Monitoring kachestva zdorovja v praktike formirovanija bezopasnoj zdorovesberegajushhej obrazovatelnoj sredy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Volgograd, 25–27 nojabrja 2011 g. – Volgograd, 2011. – S. 28–32.
7. Panachev V. D. Analiz fizicheskoj kultury i zdorovogo obraza zhizni // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. – Moskva, 2013. – № 4 (2). – S. 40–45.

© Батыркаев Р. Р., Морозов А. П.,
Фазлеев М. Т., 2015

ИСТОРИЯ

УДК 930.2

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА
В УЧРЕЖДЕНИЯХ КАЗИ МАВЕРАУННАХРА

И. И. Бекмирзаев

Кандидат исторических наук,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан

FEATURES OF OFFICE IN THE INSTITUTIONS
OF THE QADI MAVERAUNNAHRA

I. Bekmirzaev

Candidate of Historical Sciences,
Tashkent Islamic University,
Tashkent, Uzbekistan

Summary. This article inform about the sources containing legal documents in Ma-varannahr (Transoxiana) such as shurut, mahdar, and sijill documents which were used in the activity of qadi court. And the way of registering of the other documents in qadi court. Author tried to analyze them from a new point of view.

Keywords: shurut; mahdar; sijill; qadi; fatawa; Samarqandi; al-Muhit; Transoxiana; Hanafi; madhab.

Исследуется опыт сформировав-шегося делопроизводства учреждений кази в Маверауннахре. В X–XIII веках форма печатей, используемых в официальных делах учреждений кази, была различной: круглой, миндалевидной или трех-, четырех-, шести-, восьмиугольной [3]. В формировании учреждений кази важное место занимают также и арбитражные суды (см.: Закон о деятельности арбитражных судов в Республике Узбекистан (от 16 октября 2006 г.). Эти суды назывались советом судей *каза ат-тахким*.

В Маверауннахре *муфти*, *шамсу-л ай’имма* считались самыми высокими степенями ислама, мнения которых принимали во внимание не только народные массы, но и руководители государства. Кази Маверауннахра при ведении дел учреждений кази уделяли особое внимание деятельности секретаря. В Маверауннахре правительственным кази выдавалась месячная зарплата. В X–XIII веках кази Самарканда и Бухары, считавшихся центральными городами Маверауннахра, получали шестьсот гитрифов или пятьсот *тамга-*

чий тенге¹. Эта сумма была самой большой месячной заработной платой того времени.

Бурхануддин Махмуд в своем произведении «Аль-Мухит» приводит сведения о документах вакф, относящихся к истории Самарканда и оформленных в средние века: причина этого в том, что эти договоры вакф составлены казиями Самарканда, которых знал факих. Эти документы содержат информацию о вакфах, выделенных для медресе и больниц Самарканда одним из каганов государства западных Караханидов (период правления: 433/1041–608/1212) Абу Исхаком Ибрахимом ибн Наср Караханом (период правления: 1052–1068). Эти вакфы подтверждают положительное отношение правящего сословия того времени к сферам образования и здравоохранения Самарканда [2].

¹ *тамгачи* (طمغاجي) – валютная купюра в средневековых Маверауннахра. Гитриф – тенге, который создал эмир Хорасан Гитриф ибн Ата’ в 185/801–02 гг. См.: Му’ин ал-фукара. Тарихи Муллазода / Форс-тожик тилидан таржима, сўзбоши ва изоҳлар муаллифи Ш. Воҳидов, Б. Аминов. – Ташкент : Янги аср авлоди, 2009. – 95-изох.

Рассматриваются произведения Абу Насра ас-Самарканди (ум. 550/1155), посвященные истории, видам и структуре документов, действовавших на территории Маверауннахра.

Надо отметить, что жизнь, научное наследие Абу Насра ас-Самарканди и место, которое он занимал в социально-политической жизни Маверауннахра XI–XIII веков, не исследованы в полной мере. Несмотря на то, что Абу Наср ас-Самарканди был ханафитским факихом, до нас дошли только его произведения, относящиеся к ведению дел в казийских учреждениях [1].

Абу Наср ас-Самарканди, опираясь на свой иджтихад, коренным образом реформировал казийские учреждения, ведущие делопроизводство в центральных городах Маверауннахра средних веков, создал такие ценные произведения, как «Аш-Шурут ва 'улум ас-сукук», «Илм аш-шурут ва-л-васа'ик», «Русум аль-кузат», основанные на новых методах и стиле. Документы, приведенные в его произведениях и относящиеся к деятельности казийских учреждений, можно изучить, систематизировав их по 10 отделам.

В фикхе диван, где хранились документы кази, назывался *قمطرة القاضي* (киматра аль-кази). В первом отделе хранились протокольные документы мазхар – показания свидетелей – исторические документы, заверенные печатью кази. Во втором отделе хранились показания свидетелей с указанием даты и месяца. В третьем отделе хранились документы, связанные с заключенными и их делами, в четвертом отделе – документы, связанные с делами женщин-преступниц, в пятом – документы, относящиеся к имуществу вакф и их расположению, в шестом – сведения о лицах, ответственных за имущество вакфа и документы финансового прихода и расхода имущества вакфа. В седьмом отделе хранились отчеты, предоставляемые ответственными лицами за имущество вакфа кази, в восьмом отделе хранились сведения о действующих или действовавших живущих или живших в городах и вилаятах кази, факихах, султанах, эмирах, поколениях пророка, визирях, военных предводителей и других лицах, имеющих отношение

к другим государственным учреждениям. В девятом отделе хранились документы, относящиеся к представителям, находящимся под контролем казийских учреждений, в десятом – отчеты о проведенной работе представителей в каждом городе.

Значит, уже в X–XIII веках в центральных городах Маверауннахра появились термины, связанные со сферой имущественных отношений; с этой точки зрения можно увидеть, что в исламском мире хорошо была развита сфера юриспруденции.

Анализируются взгляды на казийскую деятельность Хусамуддина ас-Садра аш-Шахида (ум. 536/1141) и его произведение «Шарх адаб аль-кози ли-л-Хассаф», которое было подробно изучено с научной точки зрения иракским источниковедом Махий Хилалом Сарханом в 1978 году. Это произведение Хассафа весьма знаменито среди ханафитских факихов, всего написано девять знаменитых комментариев, посвященных тафсиру этого источника. Шесть из этих комментариев созданы на территории Маверауннахра [4].

Свой комментарий факих делит на 120 глав, каждый вопрос начинает с мысли Хассафа. Затем вносит в этот вопрос ясность и приводит собственные размышления по этому поводу. С первой главы комментария вплоть до четырнадцатой освещаются вопросы, относящиеся к должности кази и его полномочиям. Среди этих вопросов освещаются проблемы ответственности занимающего данную должность, его поведения, разрешенных и запрещенных положений и состояний кази, иджтихад и диван кази, казийские учреждения, виды исков, Советы кази, психологическое и душевное состояние кази, вопрос получения взятки или подарка кази.

В комментарии ас-Садра аш-Шахида с пятнадцатой главы до тридцатой освещены вопросы и порядок проведения судебного процесса, проходящего в казийском учреждении. В частности, здесь рассмотрены вопросы, касающиеся истцов и ответчиков, выдвигаемых к ним требований, клятв и клятвопринятий, возлагания вины за преступление, отказа от клятвы, дачи гарантий и других вопросов, относящихся

к различным видам исков, рассматриваемых в казийских учреждениях [5].

В главах «Аль-Адаб аль-кази», начиная с тридцать первой и оканчивая сто двадцатой, ас-Садр аш-Шахид останавливается на вопросах, относящихся к преступлениям. Здесь подробно анализируются проблемы, связанные с деятельностью казийских учреждений, с заключением преступников под стражу и работой со свидетелями, с видами исков, относящихся к различным общественно-социальным связям, с вопросами о полномочном представительстве, пособиях, торговых договорах, свидетельствовании и его видах.

Библиографический список

1. Абу Наср ас-Самарканди. Русум ал-кузат / под ред. Мухаммад Жасим ал-Хадиси. – Багдад: Дор ал-хурийя ли-т-тиба'а, 1985. – 450 с.
2. Ал-Мухит // ТАШГИВ ЦР. Рукопись № 5835. В. 472а – 473б.
3. Центр восточных рукописей имени Абу Райхана Бируни при Ташкентском государственном институте востоковедения. Мажма' ал-васа'ик. // ТАШГИВ ЦР. Рукописи № 9490, 9491, 9492, 9493.
4. Хусамуддин ас-Садр аш-Шахид. Шарх адаб ал-кази ли-л-Хассаф. 4 томный / под ред. Махи Хилал ас-Сархан. – Багдад: Дор ал-'араб, 1977–78. Авторы комментариев: Абу Бакр Жассас (ум. 370/980), Абу Жа'фар Мухаммад ибн 'Абдаллах аль-Хиндувани (ум. 362/973), Абу Хусейн Ахмад ибн Мухаммад ал-Кудури (ум. 438/1046), Али ибн ал-Хусейн ас-Сугди (ум. 461/1069), Шамсу-л
5. А'имма Мухаммад ибн Ахмад ас-Сарахси (ум. 483/1090), Шамсу-л А'имма Абдулазиз Ахмад ал-Халвани (ум. 456/1064), Абу Бакр Мухаммад Хохарзода (ум. 483/1090), Хусамуддин ас-Садр аш-Шахид (ум. 536/1141), Фахруддин ал-Хасан ибн Мансур ал-Узжанди ал-Казихан (ум. 592/1196).
5. Шарх адаб ал-кази. Т. 3. – 205 – 497 с., Т. 4. – 3–564 с.

Bibliograficheski spisok

1. Abu Nasr as-Samarkandi. Rusum al-kuzat / Pod red. Muhammad Zhasim al-Hadisi. – Bagdad : Dor al-xurijja li-t-tiba'a, 1985. – 450 s.
2. Al-Muhit // TASHGIV CR. Rukopis' № 5835. V. 472a – 473b.
3. Centr vostochnyh rukopisej imeni Abu Rajhana Biruni pri Tashkentском gosudarstvennom institute vostokovedenija. Mazhma' al-vasa'ik // TASHGIV CR. Rukopisi № 9490, 9491, 9492, 9493.
4. Husamuddin as-Sadr ash-Shahid. Sharh adab al-kazi li-l-Hassaf. 4 tomnyj / pod red. Mahi Hilal as-Sarhan. – Bagdad: Dor al-'arab, 1977–78. Avtory komentarijev: Abu Bakr Zhasas (um. 370/980), Abu Zha'far Muhammad ibn 'Abdallah al'-Hinduvani (um. 362/973), Abu Husejn Ahmad ibn Muhammad al-Kuduri (um. 438/1046), Ali ibn al-Husejn as-Sugdi (um. 461/1069), Shamsu-l A'imma Muhammad ibn Ahmad as-Sarahsi (um. 483/1090), Shamsu-l A'imma Abdulaziz Ahmad al-Halvani (um. 456/1064), Abu Bakr Muhammad Hoharzoda (um. 483/1090), Husamuddin as-Sadr ash-Shahid (um. 536/1141), Fahrud-din al-Hasan ibn Mansur al-Uzzhandi al-Kazihan (um. 592/1196).
5. Sharh adab al-kazi. T. 3. – 205 – 497 s., T. 4. – 3–564.

© Бекмурзаев И. И., 2015

УДК 930.2

**ЕКАТЕРИНА БРЕШКОВСКАЯ: СИБИРСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ
(ПО МАЛОИЗВЕСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Часть 1

А. А. Иванов

*Доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

**EKATERINA BRESHKOVSKAYA: THE SIBERIAN PERIOD
OF THE BIOGRAPHY (ON LITTLE-KNOWN MATERIALS)**

Part 1

A. A. Ivanov

*Doctor of Historical Sciences, professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Summary. Article is devoted to research of little-known pages of a Siberian exile of E. K. Breshko-Breshkovskaya of the end of XIX – the beginnings of the XX century, an active narodnitsa, one of organizers of party of revolutionary socialists. «Grandmother of the Russian revolution» as contemporaries called it, carried out in Irkutsk a general governorship of 25 years, but didn't change the belief, including the imperial government responsible for all troubles of Russia. Thus she didn't accept also October revolution, emigrated from the country and finished the life in the Czech Republic in 1934, doing charity work and memoirs.

Keywords: populism; Siberian political exile; Transbaikalia; public life; Irkutsk of the end of the XIX century.

В истории революционного движения России Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская занимает особое место. Она – активная участница «хождения в народ» 1874 года, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, выступавшая за «крестьянский» террор. «Бабушка русской революции» – так называли её современники. «При желании, – писал о ней А. Ф. Керенский, – можно написать политическую историю России, не упоминая о Брешковской, но без неё не может уже обойтись сама история, ибо без Бабушки духовно ущербной оказалась бы современная Россия» [13, с. 393].

Несмотря на большие заслуги перед революционным движением, невероятнейшую популярность у современников, жизнь и деятельность Брешко-Брешковской в Сибири изучена слабо, и её творческое наследие (а это несколько десятков статей-воспоминаний, в которых автор, безыскусно описывая свою жизнь, поднимается до подлинно научных обобщений, размышляя об истоках противостояния государства и обще-

ства в России), практически полностью обойдено вниманием историков. В немногочисленных исследованиях 1920-х годов о Брешковской преобладали работы откровенно популистского характера [14], утверждавшие её в качестве символа революции, а после её эмиграции это имя фактически было предано забвению, вычеркнуто из нашей истории.

Интерес к знаменитой народнице был возобновлен лишь в первое десятилетие нового века – именно в этот период о ней стали появляться научно-популярные статьи, меняться стереотипы, сложившиеся в Советскую эпоху. В 2000–2010 годах были опубликованы и подлинно научные работы [19]. Хороший импульс к изучению жизни Брешко-Брешковской был сделан изданием её воспоминаний [5], правда, под совершенно надуманным и нелепым названием.

Несмотря на возросший интерес научного сообщества к творчеству Брешковской, исследований её сибирского периода (за редким исключением [16]), так и не появилось. Настоящая статья призвана, хотя бы отчасти,

восполнить этот пробел и продолжить исследование её жизни за Уральским камнем.

Как известно, Екатерина Константиновна Вериго родилась в 1844 году в семье отставного поручика, имевшего польские корни. В конце 1860-х, выйдя замуж за помещика Брешко-Брешковского, она с большим воодушевлением занималась «культурной работой» среди крестьян его имения. В 1873 году вошла в кружок чайковцев, вела пропаганду среди рабочих, «ходила в народ», принимала деятельное участие в «киевской коммуне». В сентябре 1874 года была арестована в Тульчине, содержалась в нескольких тюрьмах, затем в Петропавловской крепости, потом в январе 1878 года Особым присутствием Правительствующего Сената по «процессу 193-х» была осуждена и приговорена к пяти годам каторжных работ.

20 июля 1878 года Брешковскую и её товарищей из Литовского замка отправили в Сибирь. Политических ссыльных 1850–1870-х годов старались везти к месту каторги отдельно, в сопровождении офицера и нижних жандармских чинов. Такое движение было намного легче следования с общим этапом и, по сравнению с тюремным заключением, в котором революционеры проводили в ожидании приговора по несколько месяцев, а то и лет, напомидало всё-таки «невольное путешествие». Как вспоминал, например, Н. А. Чарушин, арестантов с процесса 193-х, следующих в Забайкальскую область на каторгу, из Петербурга в Москву отправили поездом в специальном вагоне, прицепленном к обычному товарному поезду. Их сопровождала команда жандармов, возглавляемая ротмистром. Затем в Москве осужденных перевели на другой вокзал и также в отдельном вагоне отправили до Нижнего Новгорода. В дороге «политики» пользовались относительной свободой, жандармы не стесняли их бесед и даже выполняли мелкие поручения по закупке провианта на станциях.

В Нижнем ссыльных пересадили на арестантскую баржу, в которой по Волге они добрались до Перми. Здесь

пересели на тройки и до Тюмени «мчались день и ночь, делая лишь короткие остановки для приема пищи». После Тюмени арестованных вновь погрузили на баржу и сплавили до Томска, откуда опять же, на почтовых, без длительных остановок довели до Иркутска [20, с. 9–14].

Согласно донесению Иркутского полицмейстера гражданскому губернатору «государственные преступники: Тимофей Квятковский, Николай Чарушин, Сергей Синегуб и Екатерина Брешковская», были доставлены в город 30 августа, «помещены в здешний тюремный замок в двух секретных камерах», а уже первого сентября под конвоем тех же жандармов «отправлены в Забайкальскую область на Карийскую политическую каторгу». Таким образом, весь путь от Петербурга до Иркутска ссыльные проделали меньше чем за 40 суток [8, л. 22].

Гораздо дольше и тяжелее был путь революционера, если он следовал в Сибирь этапом, вместе с партией уголовных ссыльных. Такое «путешествие» могло длиться от полугода до полутора лет и превращалось в суровое испытание, отнимая все силы, а нередко здоровье и даже жизнь. Так, например, дорога от Петербурга до Петровского Завода для ссыльных гарибальдийцев заняла почти восемь месяцев – с июля 1863 по февраль 1864 года [10, с. 262]. В. К. Дебогорий-Мокриевич проделал в 1879 году подобный изнурительный путь с арестантской партией от Киева до Тельмы за полгода [11, стб. 100]. Народнику Я. Белому в 1880 году понадобился ровно месяц только на дорогу от Красноярска до Иркутска [2, с. 109].

На Карийскую каторгу Е. К. Брешковская прибыла 17 сентября – почти через два месяца с отъезда из Петербурга. Так начался сибирский период в её биографии. Здесь – на каторге, в тюрьмах и на поселении – она провела в целом четверть века (1878 г. – Кара, 1879 г. – Баргузин, 1881 г. – Кара, 1885 г. – Селенгинск, 1892 г. – Иркутск, 1896 г. – Тобольск; 1910 г. – Нижне-Илимск, Киренск, 1913 г. – Иркутск, 1915 г. – Якутск, 1916–1917 гг. – Минусинск). Надо сказать, что суровые

испытания не сломили силу духа народоволки: и в 1878 году, и в 1917-м она была полна стремлением служить своему «народу», «вернуть ему землю», отобрав её у того класса, к которому принадлежала сама.

Карийская каторга – это несколько деревянных тюрем на реке Каре, притоке Шилки в Забайкальской области, недалеко от границы с Монголией. С 1830-х годов здесь силами уголовных ссыльных разрабатывались золотосодержащие породы, что приносило стабильный доход частным владельцам. Затем, с ростом революционного движения в стране, сюда стали ссылать и политических. С середины 1870-х, вплоть до закрытия тюрем в 1898 году, на Каре отбыли наказание не менее 300 «политиков» со всей страны [15].

Сразу скажем, режим содержания в этих тюрьмах не отличался ни жестокостью, ни даже строгостью. Как правило, политические ссыльные жили отдельно от уголовных, пользовались своей кухней, практически не носили кандалы, им разрешалось иметь своё платье и обувь, вести переписку с родными из Европейской России. Невольных работ, кроме санитарных, также не было. Как пишет Чарушин, ссыльные «ничем не стеснялись»: они свободно общались друг с другом, много гуляли, занимались самообразованием. Так как Карийская тюрьма не была приспособлена для содержания женщин, Брешковскую и супругу Квятковского поселили в помещении детского приюта, организованного политическим ссыльным А. К. Кузнецовым еще в 1870-х годах, где был сад с оранжевой и цветниками, а также мастерские для детей каторжан. «Жизнь у них, – пишет автор, – протекала безболезненно, по преимуществу в кругу своих близких людей» [20, с. 33].

Может показаться, что отсутствие каторжных работ, «вольное» содержание в тюрьме, возможность общения с родственниками и близкими делали пребывание политических преступников в сибирской ссылке таким отдохновением от тягот революционной борьбы. Конечно же, это не так: тюрьма оставалась тюрьмой,

изоляция – изоляцией. Самое страшное испытание, по признанию самих политкаторжан, несло так называемое «вынужденное общение», когда, казалось бы, пустяковые недостатки товарищей-сокамерников со временем делались все более невыносимыми и становились причиной нервных срывов, постоянных конфликтов и тяжких драм и даже суицидов.

Впрочем, первая Карийская каторга закончилась для Е. К. быстро: в общий каторжный срок ей зачли предварительное тюремное заключение и уже в 1879 году выпустили на поселение, назначив местом отбывания наказания городок Баргузин Забайкальской области.

Брешковская поступила в Баргузин в 1879 году. Здесь уже была небольшая колония ссыльных – Н. С. Тютчев, затем С. Агапов, Г. Баламез, А. Гернет, И. Горяинов, И. Л. Линева, Д. Г. Любовец, М. Морейнис, И. Окушко, А. Рожков, Л. Чернявский, К. Я. Шамарин. Как доносил местный исправник, «Екатерина Брешковская, находясь в Баргузине под гласным без срока надзором и занимаясь шитьем белья и платья, получала пособие в 72 рубля в год» [6, л. 4–8].

Как вспоминает Н. С. Тютчев, решение бежать из ссылки зародилось у него ещё до приезда в Баргузин, на этапе. Это стремление точно совпало с желанием Брешковской, «все мысли» которой были направлены на скорейшее возвращение к активной агитационной работе. Подготовка к побегу поэтому началась еще в 1879 году: была сформирована группа из четырёх человек, на краю города, подальше от праздных взоров был снят большой дом, закупились лошади и провиант, аккумулировались денежные средства.

Весной 1881 года организация «самовольной отлучки», как об этом потом напишет сама Брешковская, вступила в решающую стадию – политссыльные совершили несколько разведочных походов в окрестности Баргузина, нашли проводника из местных жителей, разработали совершенно утопичный маршрут – «пройти тайгой к истокам Амура, спуститься

вниз по реке, пробраться затем в Японию, а дальше вернуться в Россию» [18, с. 210].

Из телеграммы верхнеудинских властей в Иркутск председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири можно установить день побега революционеров из города: «Девятого июня бежали Баргузина государственные преступники Николай Тютчев, Константин Шамарин, Иван Линеv, Екатерина Брешковская. Селенгинскому, Троицкосавскому и Акшинскому исправникам учредить надзор на направлении всей Китайской границы и прочим полицейским властям приказано принять все меры к розысканию преступников» [7, л. 1].

Побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а её действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьезности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел Иркутскому генерал-губернатору с предложением «принять самые решительные меры к розысканию скрывшихся государственных преступников» и доложить ему «для доклада Его Величеству» [7, л. 8].

История этого побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, воспоминания о нём оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъёмы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, – вспоминала Брешковская, – что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючить коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и избитого, с большими усилиями к нам наверх. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...» [4].

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли всех лошадей, запасы продуктов и, окруженные чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не при-

няв боя (он был бы бессмысленным), сдаться. Их привезли в Верхнеудинск и содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 года: Линеv, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было, наказав розгами, отправить повторно на Кару.

Трудно сказать точно, но, видимо, именно здесь, в тайге, Е. К. Брешковская и К. Я. Шамарин сблизились настолько, что предстоящая разлука пойманных беглецов была для обоих просто невыносимой. Об этой строке в биографии Екатерины Константиновны сохранилось несколько документов. Прочитываем её прошение на имя иркутского генерал-губернатора: «Ваше Высокопревосходительство, зная, что мне предстоит поселение в одной из отдаленнейших местностей Восточной Сибири, и что такая же участь предстоит товарищам моим по последнему делу: отлучки из города Баргузина, я осмеливаюсь обратиться ...с покорнейшей просьбой: назначить мне местом ссылки тот же самый город или местность, которая назначена административно-ссылному Константину Яковлеву Шамарину. Моя личная привязанность к этому человеку, в котором в настоящее время заключается вся семья моя – составляет для меня единственное утешение и единственный смысл жизни, какой еще остался в моем положении. Рассчитывая на Ваше беспристрастие и на Ваше нежелание ставить людей в безвыходное положение, я осмеливаюсь надеяться...» [7, л. 43].

И К. Я. Шамарин просит о том же: «...разрешить мне следовать в тот город, в который будет поселена госпожа Екатерина Брешковская, или назначить ей для жительства тот же город, который будет назначен мне. Моя привязанность к этой особе после всего, что было со мной и с нею, побуждает меня сознаться при настоящих обстоятельствах, что разлука с нею отнимает смысл моей жизни» [7, л. 46].

Письмо датировано 8 ноября 1881 года. Но господин генерал-губернатор «не сообразовал» удов-

летворить просьбу, и уже 14 ноября Шамарин был отправлен в Якутскую область, а Брешковская возвращается на Кару.

Эта история имела продолжение. Отбыв срок ссылки в Якутской области, Шамарин был переведен в Селенгинск, куда после Карийской каторги была назначена и Брешковская. Здесь Шамарин работал с городским архивом, приводил в порядок и составлял описи документов. Однако в 1885 году срок ссылки Шамарина окончился, он выехал в Россию, но, как пишет Н. С. Тютчев, «недолго пожил на родине и умер от болезни сердца» [18, с. 26].

Наказывать розгами революционерку все-таки не стали – побоялись широкого резонанса, и в 1882 году Брешковская была вновь отправлена на Карийскую каторгу. Вот как она сама вспоминает об этом: «Для меня вторичный приезд на Кару был скорее праздником. В первый приезд не было женщин-каторжанок кроме меня – еще не вошло в моду ссылать в рудники и женщин. Теперь же я застала 16–18 подруг (старых и новых знакомых) и всю вторичную каторгу провела в обществе, лучшем в мире. Заводские работы считались 8 месяцев за год, и срок мой пролетел незаметно. Одно было тяжело – видеть, как более слабые здоровьем постепенно хирели и верными шагами приближались к могиле» [1, с. 7].

В 1885 году (по другим источникам в 1884-м) Брешковская вышла на поселение в маленький город Селенгинск Забайкальской области. Восемилетняя селенгинская ссылка была для неё наиболее суровым испытанием. Американский журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший Брешковскую в Селенгинске в 1885 году, сумел нарисовать яркий и впечатляющий портрет Е. К.: «Это была женщина лет, наверное, тридцати пяти, с энергичным и умным, но некрасивым лицом; она держалась свободно и непринужденно, и мне показалось, что у нее доброе, пылкое и отзывчивое сердце. На лице ее лежала печать перенесенных больших страданий, а густые, темные, вью-

щиеся волосы, коротко обретенные в тюрьме на рудниках, были тронуты сединой; ...она была очень образованной женщиной, обучавшейся сперва на женских курсах у себя на родине, а затем – в Цюрихе, в Швейцарии. Она говорила по-французски, по-немецки и по-английски, была отличной музыкантшей и произвела на меня впечатление женщины привлекательной и интересной во всех отношениях...» [12, с. 89].

Дж. Кеннан был поражен силой духа революционерки, её непреклонной верой в торжество своего дела. Вернувшись в Америку, автор много сделал для привлечения общественности к проблемам политической ссылки в России – читал лекции, выступал на митингах, поддерживал материально русских революционеров-эмигрантов. Впоследствии во многом благодаря Дж. Кеннану имя Брешковской стало необычайно популярным в Северной Америке, а это, в свою очередь, помогло ей собрать значительные материальные средства для организации партии социалистов-революционеров во время эмиграции 1903–1905 гг.

Вот как описывает это время сама «бабушка»: «В 1885 г. я снова на поселении в Забайкалье в мертвом городе Селенгинске, где прожила 8 самых грустных лет в моей жизни. Голая степь, заколоченные домики и неустанная слежка полиции стали моим уделом. Мне не давали крестьянства, ни тем более паспорта по Сибири. А сердце горело страстным желанием бежать... Искала, боролась, старалась – все напрасно. Ни железной дороги, ни пароходства не было ещё. Степь Забайкалья безбрежная, степь Монголии, а на севере Байкал неприступный... Одинокая, вечно рвущаяся, выходила я в степь и громким голосом изливала в пространство тоскую по свободе сердце... Никто, решительно никто не брался помочь: все, кому можно было довериться, считали побег заранее обреченным на неудачу [1, с. 12].

Селенгинская ссылка оставила у Брешковской тягостные воспоминания не только из-за личной драмы. Здесь революционерка испытала

сильнейшее разочарование в местном крестьянине как объекте народнической пропаганды. «Тамошние крестьяне, – писала она позднее, – складом своего ума и характера настолько отличались от крестьян российских губерний, что при ближайшем с ними ознакомлении, не вызывали во мне большой охоты беседовать. ... Обилие земли и почти полное отсутствие начальства, особенно в глухих местах, выработали из восточного сибиряка настоящего «янки», индивидуалиста, занятого исключительно собственным благосостоянием» [3, с. 117].

Невосприимчивость крестьянина-сибиряка к народническим догматам о социальном равенстве заставила Брешковскую в этот период обратиться к разнообразной «культурной работе»: в Баргузине и Селенгинске она обучала местных детей грамоте, взрослых жителей – шитью и огородничеству. Кроме этого «бабушка» стала весьма успешно лечить бурят, до этого практически ничего не знавших о медицине, и пользовалась всяким случаем, чтобы пополнять, конечно же, за собственный счет, свою «аптеку». «Для каждого человека, с которым она приходила в соприкосновение, у нее находилось доброе слово, приветливая улыбка и интересная тема для беседы. Она была чрезвычайно проста в обращении и внушала к себе доверие с первой же встречи. Дети, молодежь, пожилые люди – все чувствовали себя у нее в доме так легко, как в доме родного человека», – такие несколько идиллические воспоминания оставил о «бабушке» политический ссыльный М. А. Кроль [17, с. 126–127].

В 1891 году Брешковская по царскому «всемиловитейшему» манифесту получила формальное право на приписку к одному из мещанских или крестьянских обществ Сибири. Это означало возможность уехать из Селенгинска, однако местные власти не спешили давать разрешения. Наконец, после продолжительной переписки и жалоб, 14 июня 1892 года ей был выдан паспорт «крестьянки из государственных ссыльных» Иволгинской волости Селенгинского округа Зуйского

селения, а уже 15 июля она выехала в столицу Восточной Сибири [9, л. 12].

Впереди был иркутский период ссылки.

Библиографический список

1. Бабушка Е. К. Брешко-Брешковская о самой себе. – Пг. : Артистическое заведение творчества А. Ф. Маркс, 1917.
2. Белый Я. Воспоминания ссыльного 80 годов // Каторга и ссылка. – 1923. – № 6.
3. Брешковская К. Воспоминания и думы // Социалист-революционер (Париж). – 1912. – Вып. IV.
4. Брешковская Е. К. Побег (отрывок из воспоминаний) // Дни. (Берлин). – 1924, 20 янв.
5. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. – М. : ЗАО «Центрополиграф», 2006.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оп. Д. 951.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 82.
8. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 349.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3689.
10. Гулин А. С. Гарibaldiйцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Сибирская ссылка : сб. науч. статей. – Иркутск : Отгиск, 2011. – Вып. 6 (18).
11. Дебогорий-Мокриевич В. К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России : энциклопедический словарь Гранат. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – Стб. 100–102.
12. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т. II. – СПб. : БЛИЦ, 1999.
13. Керенский А. К. К. Брешковская (некролог) // Современные записки. Т. LVI. – Париж, 1934.
14. Колосов Е. Жизненный путь Е. К. Брешковской, бабушки русской революции // Наш голос. – 1917. – № 1.
15. Константинов А. В., Мошкина З. В. Карийская каторга // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=4997>.
16. Константинова Т. А. 150 лет со дня рождения Е. К. Брешко-Брешковской, политической ссыльной, отбывавшей ссылку на Карийской каторге (1834–1934) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1994 год. – Чита, 1994. – С. 152–158.
17. Кроль М. А. Страницы моей жизни. – М. – Иерусалим : Мосты культуры, 2008.
18. Тютчев Н. Побег из Сибири политических // Каторга и ссылка. – 1924. – № 2.
19. Фролова Е. И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская // Вопросы истории. – 2004. – № 8. – С. 83–98.
20. Чарушин Н. А. О далеком прошлом на Каре. – М. : Изд-во ВОПКиС, 1929.

Bibliograficheskij spisok

1. Babushka E. K. Breshko-Breshkovskaja o samoj sebe. – Pg. : Artisticheskoe zavedenie tvorchestva A. F. Marks, 1917.
2. Belyj Ja. Vospominanija ssylnogo 80 godov // Katorga i ssylka. – 1923. – № 6.
3. Breshkovskaja K. Vospominanija i dumy // Socialist-revoljucioner (Parizh). – 1912. – Vyp. IV.
4. Breshkovskaja E. K. Pobeg (otryvok iz vospominanij) // Dni. (Berlin). – 1924, 20 janv.
5. Breshko-Breshkovskaja E. Skrytye korni ruskoj revoljucii. Otrechenie velikoj revoljucionerki. 1873–1920. – M. : ZAO «Centropoligraf», 2006.
6. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO). F. 24. Op. Oc. D. 951.
7. GAIO. F. 24. Op. 3. D. 82.
8. GAIO. F. 32. Op. 1. D. 349.
9. GAIO. F. 32. Op. 1. D. 3689.
10. Gulin A. S. Garibaldijcy na Nerchinskoj katorge 1863–1867 gg. // Sibirskaja ssylka : sb. nauch. statej. – Irkutsk : Ottisk, 2011. – Vyp. 6 (18).
11. Debogorij-Mokrievich V. K. Avtobiografija // Dejateli SSSR i revoljucionnogo dvizhenija v Rossii : jenciklopedicheskij slovar Granat. – M. : Sov. jenciklopedija, 1989. – Stb. 100–102.
12. Kennan Dzh. Sibir i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.). T. II. – SPb. : BLIC, 1999.
13. Kerenskij A. K. K. Breshkovskaja (nekrolog) // Sovremennye zapiski. T. LVI. – Parizh, 1934.
14. Kolosov E. Zhiznennyj put E. K. Breshkovskoj, babushki ruskoj revoljucii // Nash golos. – 1917. – № 1.
15. Konstantinov A. V., Moshkina Z. V. Karijskaja katorga // Jenciklopedija Zabajkaja. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=4997>.
16. Konstantinova T. A. 150 let so dnja rozhdenija E. K. Breshko-Breshkovskoj, politicheskoy ssylnoj, otyvavshej ssylku na Karijskoj katorge (1834–1934) // Kalendar znamenatelnyh i pamjatnyh dat Chitinskoj oblasti na 1994 god. – Chita, 1994. – S. 152–158.
17. Krol M. A. Stranicy moej zhizni. – M. – Ierusalim : Mosty kultury, 2008.
18. Tjutchev N. Pobegi iz Sibiri politicheskikh // Katorga i ssylka. – 1924. – № 2.
19. Frolova E. I. Ekaterina Konstantinovna Breshko-Breshkovskaja // Voprosy istorii. – 2004. – № 8. – S. 83–98.
20. Charushin N. A. O dalekom proshlom na Kare. – M. : Izd-vo VOPKiS, 1929.

© Иванов А. А., 2015

ИСКРЕННЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЮ В ИСЛАМЕ

Х. Сагдиев

Докторант,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан

SINCERE ATTITUDE TO THE RULER IN ISLAM

K. Sagdiev

Doctoral applicant,
Tashkent Islamic University,
Tashkent, Uzbekistan

Summary. The article gives commentaries of various scientists on theological treatise of Hanafi scholar Abu Jaafar at-Tahawi, where the main topic is a sincere attitude to the rulers. Also it deals with the refutation scientists of «Ahl as-Sunna wa al-Jama`ah» against theological views of representatives of «Kharijites» and «mu`tazilites», as well as their latter-day representatives on the question of the ruler.

Keywords: ruler; obedience; revolt; entreaty.

Заглянув в историю человечества, можно узнать, что роль правителя в том или ином государстве, будь оно республикой или монархией, имеет очень большое значение. Население и граждане под его началом всегда имели свои взгляды на его деятельность, исходя из воли и разума, данными им, будь эти мнения критическими, умеренными или восхваляющими. Это было испокон веков и до настоящего времени. Как и каждое мировоззрение в обществе, позиция религии к правителю тоже имеет право на существование. Несмотря на то, что тема насыщенная, в статье сделана попытка отразить взгляды представителей ортодоксального ислама, которые именуется «Ахл ас-Сунна ва ал-Джамаа». Приблизительно 88% населения Узбекистана придерживаются суннитского течения, преобладающей частью которого являются последователи школы (мазхаба) Абу Ханифы (ум. 767 г., богослов, факих, мухаддис, основатель и эпоним ханафитской школы в суннитском исламе).

Хотя во времена сподвижников Пророка Мухаммада вопрос отношения к правителю в теологических темах ислама не являлся краеугольным, по истечении времени (в период последователей сподвижников) этот вопрос был причислен к догматическим соображениям. Этому послужили восстания против правителей, вследствие чего были многочисленны и неоправданные кровопролития среди невинных людей. В качестве основного источни-

ка статьи выбран текст из трактата известного египетского ученого-ханафита Абу Джа`фара ат-Тахави (ум. 931 г.) «ал-Акида ат-Тахавия», который отражает догматическую позицию ортодоксального ислама по отношению к правителю. Это произведение является до сегодняшнего дня одним из самых влиятельных и читаемых трактатов во всех авторитетных исламских учебных заведениях мира, независимо от того, какой школы (мазхаб) они придерживаются, включая институт и медресе при мусульманском духовенстве Узбекистана. К этому трактату сделано много комментариев в средние века, а также в наши дни. Дабы быть объективными, далее мы приводим толкования и ортодоксальных, и опальных, и противоречивых ученых ислама, так как в нашей Республике найдется немало сторонников и последователей взглядов вышеназванных последних двух категорий ученых.

Абу Джа`фар ат-Тахави в своем трактате говорит: «И мы не считаем, что нам следует восставать против наших руководителей и наших правителей, даже если они станут притеснять людей. И мы не будем ни проклинать их, ни выходить из повиновения им. Мы считаем, что повиновение им является обязательным и вытекает из необходимости повиноваться Всемогущему и Великому Аллаху, однако повиноваться им надо будет лишь до тех пор, пока они не повелят нам совершать то, что является грехом. И мы молим Аллаха, чтобы

Он привёл их (руководителей) к благочестию и исцелению» [2, с. 24].

Известный ханафитский ученый Абу ал-Изз ал-Ханафи (ум. 1390 г.), комментарий которого все ученые «Ахл ас-Сунна ва ал-Джамаа» считают самым удачным из всех существующих, разъясняя этот текст, приводит в качестве довода аят из Корана: **«О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику и обладающим влиянием среди вас» (ан-Ниса, 59-аят)**, [10, с. 104]; тем самым указывает, насколько значимая роль уделена правителю в обществе. Подкрепляя этот аят, ученый приводит слова Пророка Мухаммада: *«Тот, кто повинуется мне, тот повинуется Аллаху, а тот, кто ослушается меня, тот ослушается Аллаха, и тот, кто подчиняется своему руководителю, тот подчиняется мне, тот же, кто ослушается своего руководителя, тот ослушается меня»* [3, с. 595]. Кроме этого, ученый говорит: «Коран и Сунна свидетельствуют об обязательности подчинения правителю до тех пор, пока он не призывает к греху. Что же касается подчинения им даже в тех случаях, когда они притесняют своих подданных, то это объясняется тем, что в восстании против правителей заключено зло, во много раз превосходящее их несправедливость, а значит в терпении их притеснений – прощение грехов и большая награда. Всевышний Аллах поставил их над нами по причине греховности наших деяний, и это воздаяние соответствует нашим делам, поэтому мы должны усердствовать в мольбах о прощении, покаянии и исправлении своих деяний» [9, с. 371]. И приводит аят из Корана: **«Любое бедствие постигает вас лишь за то, что приобрели ваши руки, и Он прощает вам многое» (аш-Шура, 30-аят)** [10, с. 637]. Ученый, комментируя текст трактата, приводит еще 3 аята из Корана и 9 хадисов Пророка Мухаммада.

Один из современных, противоречивых ученых, которого считают представителем «Ахл ал-Хадис», мухаддис (ученый-хадисовед, занимается наукой о хадисах и их методологией), Мухаммад Насир ад-Дин ал-Албани (ум. 1999 г.), разъясняя комментарий Абу ал-Изза ал-Ханафи по поводу текста

трактата, говорит: «Комментатор приводит на эту тему много хадисов. Данные слова в тексте трактата не довод на то, чтобы совершать военный переворот, восстав против правителя с оружием на руках, как думают некоторые. Это считается нововведением современного мира и противоречит текстам шариата. Ибо шариат требует от людей изменить самих себя в лучшую сторону» [7, с. 77]. В Коране сказано: **«Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя» (ар-Рад, 11-аят)** [10, с. 304]. Ученый, продолжая объяснения этих текстов, приводит убедительный довод из Корана: **«Если бы Аллах не позволил одним людям защищаться от других, то были бы разрушены кельи, церкви, синагоги и мечети, в которых премного поминают имя Аллаха» (Хаджж, 40-аят)** [10, с. 422]. Этот аят приведен в защиту правителей мусульман и даже в некоторых случаях не мусульман, которые отстаивают интересы своих граждан, независимо от их религии» [7, с. 78–79].

Ханбалитский ученый Ибрахим бин Мане` ат-Тамими (ум. 1975 г.), комментируя слова Абу Джа`фара ат-Тахави, утверждает: «В этих выражениях отражен здоровый религиозный взгляд человека. В спорных вопросах нужно принимать мнение большинства ученых. Ибо противоречивость к мнению большинства считается исключением, и на нее не опираются» [4, т. 3, с. 6].

Один из современных ученых, которого считают салафитом, Абд ар-Рахман бин Носир бин ал-Баррак (род. 1933 г.) по поводу вышесказанного текста Абу Джа`фара ат-Тахави говорит: «Когда он выразился в своем трактате «... мы считаем», то он имел в виду «Ахл ас-Сунна ва ал-Джамаа». Под словами «восставать» подразумевалось восстать против правителя с мечом или другим оружием. Слова «наших руководителей и наших правителей» обозначают предводителей и правителей мусульман. А под словами «...если они станут притеснять» подразумевается, что даже к правителю, угнетающему народ, надо проявлять терпение и кротость. Слова же «мы не будем ни проклинать их...», означают, что подчиненные должны молить Всевышнего, желая правителю

добра. И наконец, касательно слов «мы считаем, что повинование им является обязательным и вытекает из необходимости повиноваться Всемогущему и Великому Аллаху», понимается, что когда правитель велит к чему-либо благому, выполнять это обязательно. Ибо это тоже считается повинованием Аллаху» [1, с. 268–269].

Продолжая свое разъяснение, ибн Баррак говорит: «Это один из самых значимых правил ахл ас-Сунны. Это догма – наставление к правителю, а также мольба к Аллаху со стороны общины о послании правителю любви, здоровья, блага для справедливого и благочестивого управления народом. Кроме этого, в данном вероучении имеется совершенное увещание для общины. И это – призыв не восставать против правителя с оружием в руках из-за его греховности и притеснения народа. Что касается му'тазилитов («обособившиеся», «отделившиеся» – му'тазилиты, представители первого крупного направления в каламе, игравшие значительную роль в религиозно-политической жизни Дамасского и Багдадского халифата в VII–IX вв.), то они противоречат по данной догме представителям «ахл ас-Сунны». По одному из пяти теологических принципов му'тазилитов, которое называется «побуждения к одобряемому и удержания от порицаемого» (амри бил ма`руф ва нахи анил мункар), они считают обязательным восстание против притесняющего правителя. На самом деле это противоречит наставлениям Пророка Мухаммада, которые переданы достоверным путем, догме ахл ас-Сунны, а также правилам «амри бил ма`руф ва нахи анил мункар» [1, с. 269–270].

Ибн Баррак, привязывая тексты трактата к настоящему времени, говорит: «В нынешнее время часто наблюдается восстание против правителя под лозунгами осуществления реформ. Вследствие чего людям приходится постоянно страдать, и они вынуждены проживать в плохих условиях, а также проливается невинная кровь, унижается честь, разграбляется имущество и всесторонне вспыхивает раздор. В частности, когда наблюдается послушание повелениям правителей, масштаб бедствий еще более расширяется,

и создаются благоприятные условия для осуществления беззаконниками преступлений» [1, с. 271].

Ханбалитский ученый, член комиссии знатных ученых состава исламского совещания, член комиссии объединения юридическо-богословской лиги в Мекке, доктор Салих бин Фавзан (род. 1935 г.), комментируя текст трактата, говорит: «И мы не считаем, что нам следует восставать против наших руководителей и наших правителей», эти слова – один из важных вопросов догмы «ахл ас-Сунны». Так как представители «ахл ас-Сунны» не считают дозволенным восстание против мусульманских правителей» [6, с. 168–169]. Салих бин Фавзан приводит в качестве довода аят из Корана (сура ан-Ниса, 59-аят) и хадис Пророка (Бухари 2956), которые были приведены выше. Разъясняя эти доводы, он говорит: «Запрещается восстание против правителей, даже если они порочны, так как ему же присягнули подчиненные и дали власть в его руки. Сподвижник Убада бин ас-Самит передает: *«(В своё время) Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, призвал нас к себе, а мы дали ему клятву, и среди прочего он потребовал от нас поклясться ему, что мы станем повиноваться (ему), когда будем деятельными и станем проявлять нерадение, когда нам будет трудно и когда будет легко, а также в тех случаях, когда нас станут лишать того, что нам будет положено по праву. (И мы поклялись, что) не будем пытаться лишить власти законного правителя, если только не увидим, (что он впал в) явное неверие, относительно чего будут у нас доказательства от Аллаха»* [3, с. 589]. Восстание против правителей из-за их порочности несет за собой большие беды и раздоры, а также ведет к расколу среди людей, разногласию мнений, потере мира. Порочность и греховность правителя не может быть причиной восстания народа. Продолжая свои разъяснения, Салих бин Фавзан приводит слова одного из опальных ученых, заложивших теоретические основы салафизма, Таки ад-Дина бин Теймия (ум. 1328 г.), который сказал: «Положение народа, бунтующего против своего правителя, несомненно, будет намного хуже, чем до восстания» [6, с. 169].

Относительно слов трактата «даже если они станут притеснять людей», Салих бин Фавзан комментирует: «В случае, если правитель отберет имущество своих подчиненных, применяя насилие, или даже лишив их жизни, восстание против него (правителя) не одобряется. Пророк Мухаммад сказал: «... если даже побьет тебя по спине и отберет твое имущество, слушайся его и подчиняйся» [3, с. 1010]. Проявление терпения предпочтительнее, чем восстание против правителей, потому что вреда от восстания намного больше. По правилам ахл ас-Сунны, из двух зол выбирают наименьшее. Что касается слов трактата «... и мы не будем ни проклинать их», имеется в виду не проклинать правителей, так как проклятие считается духовным восстанием. Проклятие равно восстанию с оружием. Некоторые, проклиная правителей, оправдываются, что это «проявления гнева и усердия на пути Аллаха». На самом деле это считается неоправданным гневом, и такое действие является причиной зарождения раздора. Когда Ахмад бин Ханбал (ум. 855 г., правовед, эпоним одного из четырех правовых школ суннитского Ислама) был подвергнут пыткам во времена смуты «михна» (испытание, которому с 833 г. при аббасидских халифах ал-Ма'муне, ал-Му'тасиме и ал-Васике подвергались богословы для установления их лояльности или нелояльности существующему режиму), он не произнес проклятий или каких-либо порочащих слов в адрес правителя. Наоборот, он проявил терпение и достиг успеха. Это путь «ахл ас-Сунны». Некоторые считают проповеди, посвященные правителям, подлизыванием, лицемерием и двуличием. Но такое действие считается сунной Пророка [6, с. 172–174].

Ханбалитский ученый, доктор Салих бин Абд ал-Азиз Ол аш-Шайх, бывший министр по исламским делам вакуфов, призыва и наставления Саудовской Аравии (род. 1958 г.), комментировал текст трактата Абу Джа'фара ат-Тахави, подробно разделив их на 8 пунктов. Вкратце он отметил: «Под словами «И мы не считаем, что нам следует восставать против наших руководителей и наших правителей, даже если они станут притеснять людей», нужно понимать, что, по догме предшественников (сподвижников,

последователи сподвижников и последователи последователей сподвижников Пророка Мухаммада), если правитель не проявляет открытое неверие и нет достоверных доводов на это, то мусульманин обязан слушаться и подчиняться ему и продолжать присягать.

На счет слов «... И мы не будем ни проклинать их», то здесь ат-Тахави своими словами выразил, что предшественники не проклинали правителей и руководителей. Восстание против правителей может быть или в действиях, или по убеждению. Предшественники не проклинали правителей, а благословляли их. Проклятие правителей пробуждает в сердцах ненависть по отношению к ним и формирует убеждение восстания против них. Как говорится – цель оправдывает средство. И здесь целью является восстание против правителя. Восстание против правителя по убеждению известных ученых «ахл ас-Сунны» запрещено. Также ведущие к этому средства, такие как проклятие правителя, тоже считаются запретными. А слова «... И мы молим Аллаха, чтобы Он привёл их (руководителей) к благочестию и исцелению», выражают одно из важных убеждений великих имамов ислама, то есть представители «ахл ас-Сунны» не проклинают правителя, а обращаются с мольбой к Аллаху об их благочестии и исцелении. Несомненно, желания благословения правителям считаются мольбой для благополучия общины. Здесь же слово «исцеление» несет за собой мольбу к Аллаху, чтобы он защитил правителя от бед и испытаний, а также уберег в упущении при руководстве своими подчиненными. Так, Ахмад бин Ханбал сказал: «Если бы я знал, что имею мольбу, которая примется от меня, то я бы обратился с молитвой за правителей».

Что касается слов «...ни выходить из повиновения им», надо отметить, что эти слова неоднократно приведены в произведениях великих ученых в качестве утверждения. В этих словах подразумевается, что после принятия присяги в повиновении не нарушается обет в верности. Так как нарушение присяги одно из качеств хариджитов (последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между сторонниками 'Али б. Аби Талиба и Му'авии)» [5, с. 653–673].

В заключение нужно подчеркнуть тот факт, что в нынешнее время всемирной глобализации, когда в различных уголках мира бушуют всякого рода восстания против правителей, названные цветами и временами года, вследствие чего проливается невинная кровь, рушатся города, где процветание, экономика и прогресс останавливается, а также отстает на несколько десятков лет, важно ценить мир и спокойствие, которые царят в Узбекистане. Немаловажен тот факт, что президент Республики Узбекистан предлагает большие усилия во внешней и внутренней политике для сохранения мира и спокойствия, а также толерантного равновесия между религиями, национальностями и расами, которые есть в стране. Любая личность, в том числе и мусульманин, при получении той или иной информации в социальных сетях интернета обязательно сталкивается с ложными материалами об исламе, которые привлекательно окутывают читателя доводами из Корана и Сунны, интерпретированные убеждениями экстремистских течений и сект, тем самым заставляя необразованную религиозную часть общества бродить в потёмках невежества. Учитывая это, необходимо обратить серьезное внимание на то, где сегодня верующие мусульмане получают знания по основам исламской религии и на какие источники опираются. Признание равноправными разных форм бытования ислама внутри мусульманского сообщества обуславливает признание таковыми форм существования и других религий, что в свою очередь должно стать основой веротерпимости в человеческом сообществе. Объединение усилий мусульманских ученых и светских востоковедов в области распространения научных знаний об исламе не может быть успешным, пока не будут предприняты соответствующие меры по предотвращению и предупреждению нездоровых и псевдонаучных толкований со стороны экстремистских сил, прикрывающихся идеями исламской религии.

Библиографический список

1. Абд ар-Рахман бин Носир бин ал-Баррак. Шарх ал-акида ат-Тахавия. – Эр-Рияд : «Дар ат-Тадмурия», 2008.
2. Абу Джа`фар ат-Тахави. Матн ал-акида ат-Тахавия баян акида ахли ас-Сунна ва ал-джамаа. – Бейрут-Ливан : «Дар ибн Хазм», 1995.
3. Ал-Кутуб ас-Ситта. – Эр-Рияд : «Дар ас-Салам», 2008.
4. Джами` ад-Дурус ал-Акадия фи шарх ал-Акида ат-Тахавия ли Аби Джа`фар ат-Тахави. – Каир : «Дар ибн Хазм», 2009.
5. Доктор Салих бин Мухаммад Ол аш-Шайх. Шарх ал-акида ат-Тахавия. – Эр-Рияд : «Дар ал-мавадда», 2011.
6. Доктор Салих бин Фавзан. Ат-Та`ликат ал-мухтасара ала матн ал-акида ат-Тахавия. – Эр-Рияд : «Дар ал-асима ли-н-нашр ва ат-тавзия», 2000.
7. Мухаммад Насир ад-Дин ал-Албани. Ал-акида ат-Тахавия. Шарх ва та`лик. – Эр-Рияд : «Мактаба ал-маариф ли-н-нашр ва ат-тавзи», 2001.
8. Мухаммад Насир ад-Дин ал-Албани. Ал-акида ат-Тахавия. Шарх ва та`лик. – Эр-Рияд : «Мактаба ал-маариф ли-н-нашр ва ат-тавзи», 2001.
9. Садр ад-Дин бин Аби ал-Иzz ал-Ханафи. Шарх ат-Тахавия фи ал-акида ас-салафия. – Эр-Рияд : «Визара аш-Шуун ал-исламия ва ал-авкаф ва ад-да`ва ва ал-иршад», 1997.
10. Кулиев Э. Смысловой перевод священного Корана на русский язык (перевод с арабского). – Медина, Саудовская Аравия : «Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана», 2002.

Bibliograficheski spisok

1. Abd ar-Rahman bin Nosir bin al-Barrak. Sharh al-akida at-Tahavija. – Jer-Rijad : «Dar at-Tadmuriya», 2008.
2. Abu Dzha`far at-Tahavi. Matn al-akida at-Tahavija bayan akida ahli as-Sunna va al-dzhamaa. – Bejrut-Livan : «Dar ibn Hazm», 1995.
3. Al-Kutub as-Sitta. – Jer-Rijad : «Dar as-Salam», 2008.
4. Dzhami` ad-Durus al-Akadija fi sharh al-Akida at-Tahavija li Abi Dzha`far at-Tahavi. – Kair : «Dar ibn Hazm», 2009.
5. Doktor Salih bin Muhammad Ol ash-Shajh. Sharh al-akida at-Tahovija. – Jer-Rijad : «Dar al-mavadda», 2011.
6. Doktor Salih bin Favzan. At-Ta`likat al-muhtasara ala matn al-akida at-Tahavija. – Jer-Rijad : «Dar al-asima li-n-nashr va at-tavzia», 2000.
7. Muhammad Nasir ad-Din al-Albani. Al-akida at-Tahavija. Sharh va ta`lik. – Jer-Rijad : «Maktaba al-maarif li-n-nashr va at-tavzi», 2001.
8. Muhammad Nasir ad-Din al-Albani. Al-akida at-Tahavija. Sharh va ta`lik. – Jer-Rijad : «Maktaba al-maarif li-n-nashr va at-tavzi», 2001.
9. Sadr ad-Din bin Abi al-Izz al-Hanafi. Sharh at-Tahavija fi al-akida as-salafija. – Jer-Rijad : «Vizara ash-Shuun al-islamija va al-avkaf va ad-da`va va al-irshad», 1997.
10. Kuliev Je. Smyslovoj perevod svjashhennogo Korana na russkij jazyk (perevod s arabского). – Medina, Saudovskaja Aravija : «Kompleks imeni Korolja Fahda po izdaniju svjashhennogo Korana», 2002.

© Сагдиев Х., 2015

УДК 303.01

**КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ»
КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА****С. И. Платонова***Кандидат философских наук, доцент,
Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия,
г. Ижевск, Удмуртия, Россия***THE CONCEPT «SOCIAL KNOWLEDGE»
AS AN SUBJECT OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE****S. I. Platonova***Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Izhevsk State Agricultural Academy,
Izhevsk, Udmurtia, Russia*

Summary. The article discusses the concept “social knowledge” as a subject of philosophical discourse, the problem of the relation of social and humanitarian knowledge. The author comes to the conclusion that the illegality of the division of social-human sciences to the social sciences and humanities.

Keywords: social knowledge; social and human sciences; methodology.

Концепт «социальное знание», несмотря на кажущуюся простоту, является на самом деле одним из самых сложных и дискуссионных в методологии социального познания. Действительно, если мы попробуем найти существующие точные определения данного понятия, то столкнемся с трудностями, так как многие социальные теоретики, рассматривая особенности социального познания, при этом не дают четкого и строгого определения понятию «социальное знание».

Кроме того, еще одной методологической трудностью, по нашему мнению, является отождествление некоторыми социальными теоретиками концептов «познание» и «знание». Например, А. И. Ракитов, исследуя особенности исторического познания, отмечает: «До сих пор термины «историческое познание» и «историческое знание» употреблялись как равноценные, взаимозаменяемые. Пока это не приводило к недоразумениям, необходимости в специальных уточнениях не было» [7, с. 95]. При этом сам А. И. Ракитов, предвидя возможные методологиче-

ские затруднения, предлагает использовать термин «историческое познание» для характеристики процесса «создания», «конструирования» информации о прошлом. «Моментальный срез» информации в фиксированном интервале времени можно определить как «историческое знание».

Необходимо отметить, что А. И. Ракитов выделяет важную особенность социального познания, да и познания в целом: разграничить познание и знание можно лишь условно. Действительно, процесс познания является бесконечным, особенно если речь идет о непрерывно изменяющихся объектах. Это особенно относится к современной науке, изучающей сложные саморазвивающиеся системы и объекты. Таким неравновесным, нестабильным, нелинейно развивающимся объектом является современное общество. Знания о таких объектах никогда не могут быть завершенными, законченными, поэтому проводить жесткую демаркацию между знанием и познанием можно лишь с определенной долей условности. Видимо, в частности этой особенностью

можно объяснить отождествление многими исследователями понятий познание и знание, отсутствие четкого определения понятия «социальное знание».

В контексте заявленной темы можно сформулировать ряд весьма важных и дискуссионных вопросов: что такое социальное знание? можно ли провести демаркацию между социальным и гуманитарным знанием? к социальным или гуманитарным наукам относятся история, психология, экономика, социология и другие науки обществovedческого направления? как соотносятся социальное знание и социально-филоsoфское знание?

Во многих современных исследованиях рассматриваются философско-методологические особенности отдельных социальных и гуманитарных наук: например, аксиологические элементы историко-социального познания, эпистемология экономического познания, исторического познания. Однако при этом остается неясным, что обществоведы понимают под социальным знанием. Это тем более вызывает недоумение, так как конечной целью социально-научного познания является получение социального знания. Мы полагаем, что сложившаяся ситуация не является результатом некоторой теоретической небрежности теоретиков, а связана с многозначностью термина «социальное знание» и, соответственно, со сложностью определения данного концепта.

В новой философской энциклопедии «знание» определяется как «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [3]. Автор данной статьи, известный философ и специалист в области социальной эпистемологии И. Т. Касавин, подчеркивает, что «знание выступает как объективная идеальная форма всякой деятельности и общения, как их возможная форма в том смысле, что оно представляет собой предпосылку расширения горизонта человеческого бытия» [3].

Это определение, на наш взгляд, является предельно общим, так как включает в себя не только социальное

знание, но также и естественнонаучное знание, не только обыденное, но и другие формы знания (религия, наука, миф, например). Поэтому, определяя социальное знание, необходимо выделить не только общие характеристики, объединяющие его с другими формами знания, но также его отличительные, специфические черты.

Рассмотрим некоторые подходы к определению понятия «социальное знание». Известный российский философ и методолог П. К. Гречко говорит скорее о тождестве социального и гуманитарного знания. Их различие, по его мнению, методологически продуктивно только как бы с «внутренней стороны, по эту сторону границы – того, что демаркирует мир людей и мир вещей (природных и «чисто» технических). Мир людей – это мир социального, социального как единства субъективно-человеческого и интересубъективно-общественного – с явным доминированием второго над первым» [9, с. 98]. Поэтому П. К. Гречко, говоря о социальном знании, понимает под ним всю массу гуманитарного и социального, гуманитарно-социальное знание в целом.

Принципиально другую теоретическую позицию занимает А. М. Орехов: он различает социальные и гуманитарные науки и, следовательно, социальное и гуманитарное знание. Социальные науки ориентируются на естественнонаучную модель конструирования научного познания, и в этом состоит одно из главных отличий социальных наук от гуманитарных. Последние, по мнению А. М. Орехова, придерживаются «собственной, гуманитарной, методологии построения знания об обществе», их основным объектом исследования является текст, а основной задачей – интерпретация этого текста с целью достижения его полного понимания» [6, с. 12].

Соответственно, «социальное знание – это знание социальной реальности, социальных явлений и фактов... Гуманитарное знание – знание гуманитарной реальности, гуманитарных явлений и фактов» [6, с. 19].

А. М. Орехов относит к социальным наукам философию (прежде всего

социальную философию), историю, антропологию (прежде всего социальную антропологию), педагогику, психологию (прежде всего социальную психологию), социологию, экономику и ряд других наук. Гуманитарными науками, по его мнению, являются филология, культурология (в большей своей части), психология личности, когнитология и ряд других наук [6, с. 13–14].

Современный британский философ Ю. Эльстер также проводит различие между социальными и гуманитарными науками: «Основная задача социальных наук – это объяснение социальных явлений. Объяснить – значит рассказать, почему это произошло, сославшись на предшествующее событие как на причину. В гуманитарных науках основное внимание уделяется интерпретации, а не объяснению» [12, с. 449].

Подчеркнем, что, согласно интерпретативному подходу, артикулированные убеждения и идеи являются базовыми единицами человеческого взаимодействия. Эти убеждения и идеи конституируют реальность человеческого общества посредством языка. Согласно такой позиции социальная реальность – это реальность лингвистическая. «Когда люди постулируют общества или заключают общественные договоры, они делают это посредством языка, а не каких-то иных мер, которые затем описываются с его помощью», – обращает внимание известный американский политолог и социолог И. Шапиро [11, с. 30].

Поэтому понимание социальной реальности означает понимание тех лингвистических процессов, которые приводят к ее появлению. Отсюда «общество следует понимать как текст, смысл которого лучше всего постигать путем изучения переплетений лингвистических конвенций, внутри которых социальные акторы действуют как коллективные авторы» [11, с. 31]. Данный интерпретативный поворот был связан с подъемом философии обыденного языка, а также с развитием литературной герменевтики, когда понимание социальных процессов моделируется по принципу интерпретации текстов. Таким образом, как мы видим, сторонников различения социальных и гу-

манитарных наук существует немало, причем как в отечественной философско-методологической традиции, так и в западноевропейской и американской мысли.

Какова аргументация сторонников противоположной точки зрения, настаивающих, скорее, на объединении социальных и гуманитарных наук, нежели на их разделении?

Ю. М. Резник подчеркивает, что «социальная наука, действующая по образцу естественных наук, все более и более уходит в прошлое. Социальное есть не только объективная данность, обуславливающая индивидуальное сознание и поведение, но и определенным образом интерпретируемая людьми реальность» [8, с. 13]. Ю. М. Резник говорит скорее о междисциплинарном синтезе теоретических направлений современного обществознания, об интеграции социально-научных дисциплин на основе комплексного решения проблем социокультурного развития. Как видно, отечественный философ склонен объединять гуманитарное и социальное знание и говорить о едином социально-гуманитарном знании.

Мы полагаем, что социальное знание может быть определено как интегральное знание об обществе, рассматриваемое с точки зрения его внутренних связей. Социальное знание понимается нами в широком смысле – как знание об обществе, а не только об одной сфере жизнедеятельности общества. Социальное знание – это концептуализированное рациональное знание о социальной реальности. Любая наука, имеющая своим объектом общество и человека, вносит свой вклад в познание социального. Мы также придерживаемся позиции единства социально-гуманитарных наук, нежели их противопоставления. Наряду с понятием «социальное знание» вполне правомерно использовать понятие «социально-гуманитарное знание».

В рамках одной и той же науки (социология, история, психология, экономика) возможно существование принципиально разных методологических подходов: социального, тяготеющего к естественнонаучной методологии, и гуманитарного, признающего

специфику культурных объектов. Эта линия уже была намечена В. Дильте-ем, представителями баденской школы неокантианства, Э. Кассирером, К. Мангеймом, М. Вебером. Поэтому возможны объяснительная психология и описательная психология, «гуманитарное культуроведение» и «социальная культурология», «материалистическая психология» и «спиритуалистическая психология», объективистская социология и понимающая социология, классическая политическая экономия и маржиналистские экономические теории.

Рассмотрим более подробно на примере ряда наук сосуществование в их структуре двух принципиально разных методологических направлений. Например, в рамках исторической науки выделяют по крайней мере два разных методологических подхода к изучению исторических явлений. Историческая школа Леопольда Ранке отождествляет исторический факт с естественно-научным, полагая его независимым от историка-исследователя. Придавая большое значение исследованию документальных источников, Л. Ранке полагал, что историк, обращаясь к фактам, раскрывает ход событий так, как они происходили. Школа Л. Ранке на первый план выдвигала политическую, военную и дипломатическую историю, когда ученый на основании достоверных фактов исследует ценности прошлого, но воздерживается от оценки. Историк не зависит от своего объекта познания и от самого процесса познания. Подобное понимание истории позволяет отнести ее к социальной теории и к классическому этапу развития научного знания.

Альтернативой классическому пониманию истории как объективной беспристрастной науки является деятельность историков, составивших школу «Анналов». Эта школа возникла в 20-е годы XX века во Франции. Ее представители Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель понимают исторический факт как теоретический конструкт, воссоздающий историческое событие в качестве объекта социального познания. Согласно этой стратегии, исторический факт не обладает простой атомарной структурой.

«Оказалось, что ученый, работающий с документами, <...> сам, своей собственной личностью изменяет содержание факта, вкрапляясь тем самым в его сложную гносеологическую структуру» [2, с. 24]. Таким образом, исторические факты – это взаимосвязь и взаимодействие объективного и субъективного. Историки школы «Анналов» исследовали ценности прошлого, в особенности ценности повседневного опыта, изучали свидетельства простых людей. Например, они изучали культуру западноевропейского Средневековья глазами обычного, «маленького» человека. Таким образом, историческая наука использует методы, выработанные другими науками о человеке (социальная психология, социальная антропология, теория и история культуры), и становится настоящим социально-гуманитарным исследованием.

Две методологические программы в современной психологии выделяет В. Ф. Петренко. Психология, использующая натуралистическую программу, есть когнитивная психология, психология восприятия, мышления. В такой психологии возможен эксперимент, субъект-объектное противостояние, выделение законов, закономерностей. Но есть и другая психология, применяющая культур-центристскую программу. Такая психология есть наука о личности. В ней на передний план выходят проблемы понимания, интерпретации, герменевтики. Реконструкция жизненного мира личности осуществляется через сопереживание, вчувствование, эмпатию [10, с. 26].

О развитии методологических стратегий в психологии говорит один из самых известных сегодня психологов России А. Г. Асмолов. Наряду с классической психологией он выделяет подходы и концепции, обладающие потенциалом неклассического мышления. Если основными чертами классической психологии являются непосредственность, сообразность, познавательный эгоцентризм, то неклассическая психология характеризуется «осознанным вмешательством в реальность». Переход от классической к неклассической психологии – это «переход к эволюционно-исторической психологии», главный

принцип которой – «принцип осознанного вмешательства в реальность» [1, с. 456–457].

Натуралистическую и антинатуралистическую исследовательские программы в экономической науке выделяет В. А. Колпаков при реконструкции экономической мысли от А. Смита до наших дней [4, с. 140–156]. В. А. Колпаков отмечает, что А. Смит следует натуралистическому подходу под влиянием физики И. Ньютона. Британский экономист пытается найти закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдает экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности.

К экономическим теориям, использующим антинатуралистическую исследовательскую программу, В. А. Колпаков относит, например, маржиналистские теории (Л. Вальрас, Е. Бем-Баверк, Джевонс). Эти теории ученый характеризует как неклассические: «В основание маржинализма была положена психологическая теория издержек, которая подчеркивала значимость субъективного фактора» [5, с. 118]. Шло сознательное ослабление тенденций объективности знания и усиление защиты статус-кво. «Аксиоматика маржиналистов уже другая. Это – не трудовая теория стоимости, а способ восприятия человеком произведенного им блага» [5, с. 116]. Вместо понятия «экономический человек» классической экономической школы у маржиналистов появляется человек – «рациональный максимизатор», определяющий стоимость вещей их полезностью и спросом, а не издержками производства.

В социологии также можно выделить как классические, так и неклассические теории. К классическим социологическим теориям можно отнести органицизм (теории О. Конта, Г. Спенсера, П. Лилиенфельда), социологизм или социоцентризм (Э. Дюркгейм), структурный функционализм (теории Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Смелзера), марксизм, структурализм (К. Леви-Стросс). Для этих теорий также харак-

терна ориентация на естественнонаучную методологию, изучение общества по аналогии с объектами природы.

Неклассические социологические теории возникли в первой половине XX века. К ним можно отнести феноменологическую социологию А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, символический интеракционизм, этнометодологию Г. Гарфинкеля и ряд других направлений. Эти теории ориентированы на процессы понимания и интерпретации человеческих действий и взаимодействий, на использование, соответственно, особых гуманитарных стратегий.

Таким образом, любая наука может рассматриваться и как гуманитарная, и как социальная в зависимости от того, что является объектом ее исследования и каковы используемые ею методологические стратегии. Поэтому мы не согласны с теми обществоведами, которые проводят жесткую демаркацию наук на социальные и гуманитарные. По-нашему мнению, и социология, и экономика, и психология, и история, и другие обществоведческие дисциплины, как мы попытались показать, могут быть как социальными, так и гуманитарными науками в зависимости от того, что, как, какими средствами и методами они изучают.

Согласно нашей позиции, проводить демаркацию социальных и гуманитарных наук методологически неправомерно. Социально-гуманитарное знание едино, и мы можем говорить только о некоторых методологических предпочтениях социальных теоретиков. Видимо, неправомерно относить экономику, политологию, социологию, юриспруденцию только к социальным наукам, а филологию и культурологию – исключительно к гуманитарным наукам. Более того, неправомерным будет также противопоставление естественных наук социально-гуманитарным наукам. Сейчас стоит говорить скорее об их интеграции и междисциплинарном сотрудничестве, взаимодействии и взаимном обогащении. Приходит понимание того, что для познания современных сложных общественных процессов, явлений необходимы новые методология, категориальный аппарат,

эпистемологические принципы (такие, как, например, принципы полифункционализма, плюрализма, дополненности).

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания : методологические проблемы неклассической психологии. – М. : Смысл, 2002. – 480 с.
2. Власова В. Б. Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов // История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. – М. : ИФ РАН, 2001. – С. 10–27.
3. Касавин И. Т. Знание // Новая философская энциклопедия. URL : <http://iph.ras.ru/elib/1138.html> (дата обращения: 28.04.2015).
4. Колпаков В. А. Антинатуралистическая исследовательская программа и экономическая наука // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 140–156.
5. Колпаков В. А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания (экономическая наука эпохи перемен). – М. : «Канон+», 2008. – 208 с.
6. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 172 с.
7. Ракитов А. И. Историческое познание : Системно-гносеологический подход. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.
8. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология : учеб. пособие. – М. : Институт востоковедения РАН, 1999. – 327 с.
9. Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. – М. : РОССПЭН, 2009. – 440 с.
10. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 3–40.
11. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. – 365 с.
12. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения : еще раз об основах социальных наук. –

М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. – 471 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Asmolov A. G. Po tu storonu soznaniya : metodologicheskie problemy neklassicheskoy psihologii. – M. : Smysl, 2002. – 480 s.
2. Vlasova V. B. Istoricheskiy fakt v potoke paradigmalnyh sdvigoov // Istorija metodologii socialnogo poznaniya. Konec XIX–XX vek. – M. : IF RAN, 2001. – S. 10–27.
3. Kasavin I. T. Znanie // Novaya filosofskaja jenciklopedija. URL : <http://iph.ras.ru/elib/1138.html> (data obrashhenija: 28.04.2015).
4. Kolpakov V. A. Antinaturalisticheskaja issledovatel'skaja programma i jekonomicheskaja nauka // Filosofskie nauki. – 2008. – № 2. – S. 140–156.
5. Kolpakov V. A. Socialno-jepistemologicheskie problemy sovremennogo jekonomicheskogo znaniya (jekonomicheskaja nauka jepohi perezmen). – M. : «Kanon+», 2008. – 208 s.
6. Orehov A. M. Socialnye nauki kak predmet filosofskogo i sociologicheskogo diskursa. – M. : INFRA-M, 2014. – 172 s.
7. Rakitov A. I. Istoricheskoe poznanie : Sistemno-gnoseologicheskij podhod. – M. : Politizdat, 1982. – 303 s.
8. Reznik Ju. M. Vvedenie v socialnuju teoriju. Socialnaja jepistemologija : ucheb. posobie. – M. : Institut vostokovedenija RAN, 1999. – 327 s.
9. Socialnoe : istoki, strukturnye profili, sovremennye vyzovy / pod obshh. red. P. K. Grechko, E. M. Kurmelevoj. – M. : ROSSPJeN, 2009. – 440 s.
10. Filosofija i integracija sovremennogo socialnogumanitarnogo znaniya (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. – 2004. – № 7. – S. 3–40.
11. Shapiro I. Begstvo ot realnosti v gumanitarnyh naukah. – M. : Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. jekonomiki, 2011. – 365 s.
12. Jelster Ju. Objasnenie socialnogo povedenija : eshhe raz ob osnovah socialnyh nauk. – M. : Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. jekonomiki, 2011. – 471 s.

© Платонова С. И., 2015

УДК 141.155

ПУТЬ К НООСФЕРЕ В ХОДЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

**Т. А. Тюрина
М. А. Басилаиа**

*Преподаватель,
доктор философских наук, профессор,
Донской государственный
технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**WAY TO NOOSPHERE IN THE COURSE
OF NATURAL SCIENCES EVOLUTION**

**T. A. Tyurina
M. A. Basilaia**

*Teacher,
Doctor of Philosophical Sciences, professor,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. It is discussed the principles of noosphere as a new sphere of human activity, as well as the principles of new world outlook formation – the ecological consciousness that is able to create spiritual and intellectual base of ecological crisis resistance; it is disclosed the problem of evolution and global changes and the possibility of Russia’s transition on the noospheric way of development.

Keywords: philosophy; noosphere; ecological consciousness; safety.

Сегодня в чрезвычайно сложном сплетении различных кризисных факторов (демографическом, социально-экономическом, политическом, экологическом), разрушающих фундамент цивилизации, важное место в восстановлении гармонии в мире по праву занимает философия ноосферы (сферы разума). Поэтому будущее России, да и всего мира, связано с развитием ноосферного мышления.

Известно, что основными характеристиками экономического кризиса являются: ухудшение жизненного уровня людей, плохо прогнозируемые процессы в экономике, крах устоявшихся экономических связей государств, разрушение и вывод из сферы воспроизводства важнейших ее отраслей и т. д.

Нынешнее социальное положение россиян, загрязнение окружающей среды, экономические и политические проблемы, как известно, существенно влияют на состояние генофонда страны, порождают условия негативных проявлений демографического кризиса, усугубляют экологический кризис.

Однако в начале XXI века в России сформировался могучий экономический потенциал ноосферного развития. Для этого имеются важнейшие

предпосылки, к числу которых следует отнести:

- а) учение о биосфере (В. И. Вернадский и основатели русского космизма);
- б) высокое генетическое и культурное разнообразие евразийского суперэтноса, стремление к познанию других языков и культур;
- в) уникальное сочетание высокого уровня образования, огромного научного и технического потенциалов;
- г) осознание народом необходимости свободы личности и невозможности единомыслия;
- д) духовность и милосердие как главное богатство России, доставшееся нам от предков [4].

На этом пути идея ноосферного развития должна быть укреплена иным мировоззрением – новым экологическим сознанием, которое позволит осуществить замену приоритета потребления на повышение общего качества жизни.

В истории человечества не раз возникал вопрос: можно ли в далеком будущем создать идеальное общество? Или, как формулировал Н. Н. Моисеев: может ли быть серьезный разговор о каком-либо «идеальном обществе»? В несколько другом ракурсе звучал вопрос Н. А. Бердяева: «А может ли быть

Царство Божье на земле?» [3]. Каждый мыслитель, ученый, простой человек по-своему определяет смысл явления «рая земного». Мы солидарны с Н. Н. Моисеевым. Он с убеждением пишет о том, что «предсказание светлого будущего» невозможно ввиду того, что в наши дни цивилизация хоть и весьма могущественна, но ее будущее зависит, прежде всего, от дальнейших взаимоотношений человека и Природы [5]. Или, иными словами, «экологический императив» должен быть фактором общественного бытия.

Преодоление реальных трудностей в процессе формирования ноосферы связано со многими аспектами. Для осознания всего этого, очевидно, нужна целая философская система, включающая как отдельное направление философию выживания или философию экологической безопасности современной цивилизации. Естественно, это связано с изменением структуры мышления в развитии нового образа жизни, поддерживающего равновесие или sustainability той или иной глобальной экосистемы [1].

Н. Н. Моисеев указывал на то, что нельзя преуменьшать роль разума в развитии планетарной эволюции. В этой связи перед человечеством возникает сложнейший вопрос: сможет ли наша цивилизация преодолеть генетический атавизм, принять новый образ мышления и жизни, изменить свою нравственность, обрести истинную Любовь ко всему окружающему его, и близкому, и далекому, для того чтобы сохранить человека как вид на земле?

Одну из доминирующих позиций в решении столь сложных задач занимает изменение структуры мышления в развитии человеческого интеллекта.

Когда мы говорим о формировании нового сознания, способного направить человека к процессу приобщения к новому ноосферному образу жизни, мы ориентируемся на высокоинтеллектуальное, духовно и культурно развитое общество, которое отважится решать названные сложные задачи синергетики человечества во имя Истины, Красоты и Добра. В этой связи уместно вспомнить слова А. Эйнштейна: «Все религии,

искусства и науки являются ветвями одного дерева» [7].

Изменение структуры мышления, которое необходимо на стадии формирования новой сферы гармонии жизнедеятельности на Земле, можно исследовать на примере изменения структуры мышления в сфере наименьшей агрессивности. То есть, не касаясь вопросов изменения структуры мышления в среде кровопролитных войн, революций и т. п., учитывать, прежде всего, высокоинтеллектуальный, духовный и нравственный образ сознания будущих обитателей сферы разума на нашей планете. Именно структура мышления будет противопоставлена агрессии и насилию [2].

Такой анализ уже был сделан в свое время В. Гейзенбергом. Можно отметить, что изменение структуры мышления стало проявляться в том, что возникают новые термины, более того, слова приобретают иное значение, в итоге и вопросы задаются иные, чем раньше.

На тот период времени, по мнению В. Гейзенберга, мы были неготовыми и неспособными изменить структуру своего мышления.

Насколько позволительно переносить феномен изменения структуры мышления в развитии науки на другие области, ученый рассуждает уклончиво, но в одном В. Гейзенберг убежден: если проблема неразрешима в традиционных рамках, мы должны сосредоточиться только на ней, не думая пока об изменениях в других областях. «На успех может рассчитывать лишь тот, кто старается изменить как можно меньше, показывая этим, что изменения вынуждены самим предметом, а те малые изменения, абсолютную необходимость которых ученый наконец доказал, заставляют затем изменить структуру мышления, то есть произвести фундаментальные сдвиги, что может занять годы и даже десятилетия» [8].

Известно, что всякое изменение в структуре мышления всегда сталкивалось с упорным сопротивлением. Имеется в виду, когда новый комплекс явлений побуждает к изменению в структуре мышления. В этом случае даже выдающиеся ученые могут испытывать затруднения – «будто почва

уходит из-под ног». Изменение сознания, коррекция утвердившегося менталитета для обретения нового мышления может произойти, в лучшем случае, после многолетнего самоанализа и переоценки всей ситуации.

Таким образом, изменение структуры мышления, формирование нового экологического сознания обитателя ноосферы, которое мы для краткости называем *ноосознанием*, – процесс непростой. В ходе коэволюции мы должны учесть, что сценарий перерастания биосферы в ноосферу – явление общепланетарное, связанное с многообразием мировоззрений, обычаев, образов жизни, особенностями культуры цивилизации, и в решении таких проблем (а некоторые из них чреватые катастрофами) не существует никаких стандартных подходов. В современных условиях стратегия перехода, например, к процессу коэволюции должна быть целенаправленной, подчиняться определенным требованиям. Время для адаптации к новым условиям жизни будет относительно небольшим, а возможно, вообще отсутствовать.

Современные реалии таковы, что наблюдается кризис господствующих идей, к сожалению, со всеми созидательными и разрушительными аспектами. Для достижения позитивно устойчивого равновесия прерогативой должно выступить ноосознание (сознание нового уровня развития общества), при котором ведущие личностные ценности будут отражать включение индивидуального, творческого начала в человеке. Методологическим основанием новому сознанию может и должна быть концепция *гносеологического оптимизма*.

При определенных благоприятных условиях созидания реальным становится наступление ноосферы и для России – вступление в новое, но очень сложное и одновременно яркое время, чем-то повторяющее в интерпретации русского содержания эпоху Ренессанса. И первая ступень к этому – становление экологического сознания, экологии души, любовь к окружающей среде, стремление к гармонии. Следствием

будет формирование нового вида – Человек экосознательный (*Ното эсокоосциус*) [6].

Библиографический список

1. Аствацатуров А. Е. Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем : моногр. – Ростов н/Д., 2003. – 316 с.
2. Басилаиа М. А. Глобальные проблемы экологической безопасности. – Ростов н/Д., 2007. – 131 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М., 1993. – 320 с.
4. Лукьянчиков Н. Н., Маленков А. Г. Путь России в будущее (восхождение к ноосфере). – М. : РАЕН, 1993.
5. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. – М., 1998. – 480 с.
6. Тюрина Т. А. Экофилософский аспект в анализе проблемы сознания // Философские проблемы естествознания и технических наук : мат-лы междунар. науч. конф. / ЮФУ. – Ростов н/Д; Таганрог, 2014. – С. 293–296.
7. Цит. по кн.: А. А. Любищев. Наука и религия. – СПб., 2000. – С. 5–10.
8. Heisenberg W. Schritte über Grenzen. – München, 1976 // Гейзенберг В. Изменение структуры мышления в развитии науки // В. Гейзенберг Шаги за горизонт. – М., 1987. – 368 с.

Bibliograficheski spisok

1. Astvacaturov A. E. Filosofija naučnogo optimizma v reshenii planetarnyh jekologičeskikh problem : monogr. – Rostov n/D., 2003. – 316 s.
2. Basilaia M. A. Globalnye problemy jekologičeskoj bezopasnosti. – Rostov n/D., 2007. – 131 s.
3. Berdjaev N. A. O naznachenii cheloveka. – M., 1993. – 320 s.
4. Lukjanchikov N. N., Malenkov A. G. Put Rossii v budushhee (voshozhdenie k noosfere). – M. : RAEN, 1993.
5. Moiseev N. N. Rasstavanie s prostotoj. – M., 1998. – 480 s.
6. Tjurina T. A. Jekofilosofskij aspekt v analize problemy soznanija // Filosofskie problemy estestvoznanija i tehničeskikh nauk : mat-ly mezhdunar. nauch. konf. / JuFU. – Rostov n/D; Taganrog, 2014. – S. 293–296.
7. Cit. po kn.: A. A. Ljubishhev. Nauka i religija. – SPb., 2000. – S. 5–10.
8. Heisenberg W. Schritte über Grenzen. – München, 1976 // Gejzenberg V. Izmenenie struktury myshlenija v razvitii nauki // V. Gejzenberg Shagi za gorizont. – M., 1987. – 368 s.

© Тюрина Т. А., Басилаиа М. А., 2015

УДК 811.581

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КИТАЙСКИХ ЭРГОНИМОВ НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ
МАГАЗИНОВ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ**

А. А. Андреева
А. А. Васильева

*Студентка,
старший преподаватель,
Институт зарубежной филологии
и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

**STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS
OF CHINESE ERGONYMS IN TERMS OF THE NAMES
OF WOMEN'S CLOTHING STORES**

A. A. Andreeva
A. A. Vasilieva

*Student,
teacher,
Institute of foreign philology and regional studies,
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Summary. Ergonyms – own names of business associations of people, which purpose rendering of panned pragmatical influence on the addressee. This article is devoted to the study of Chinese ergonyms in terms of the names of women's clothing stores in the North-East of China. The author studies the classification of ergonym by the presence or absence of pragmatic in them, particularities of their functioning and studies structural and semantic characteristics of Chinese ergonyms. The article also deals with communication failure situation and their reasons.

Keywords: ergonym; classification of ergonym; pragmalinguistics; communication failure.

Эргоним – это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [1, с. 151].

С позиции прагмалингвистики эргоним как элемент городской лингвокультуры рассматривается в рамках ситуации «автор – адресат». Совпадение речевого воздействия, закладываемого автором в название через использование соответствующих лингвистических и экстралингвистических средств, ориентированного на выполнение определенных коммуникативных задач и ожидания адресата, способствует достижению запланированного прагматического эффекта.

Для собственника бизнеса выбор эргонима очень важен, так как именно название магазина предопределя-

ет дальнейшую судьбу коммерческого предприятия. Неправильно подобранное название не принесет пользы собственнику вне зависимости от вложенных средств в рекламу.

На возможность выбора названия для магазина у китайских бизнесменов накладываются некоторые смысловые ограничения, связанные с национальным сознанием. Наименования должны быть благозвучны, изящны, благоприятны и недвусмысленны. Кроме того, в эргономии китайских магазинов может функционировать иноязычная лексика, поскольку в подсознании китайца названия на иностранном языке повышают их авторитет и выводят на международный уровень.

Но кроме достижения запланированного прагматического эффекта

могут быть и коммуникативные неудачи. К таковым, согласно концепции Е. А. Земской и О. П. Ермаковой (1993), относится также и «возникающий в процессе общения, не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление», в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание речевых партнеров [2, с. 31]. Причинами коммуникативных неудач в эргономии можно считать следующие факторы:

- языковые (полисемия, омонимия, стилистическая неоднородность языковых единиц и др.);
- психологические (специфика характера, возраста, социального статуса, образования, профессиональной принадлежности адресата, его эмоционального опыта);
- прагматические (престижность названия, эффект «предела насыщения»);
- лингвокультурологические (восприятие прецедентных имен и ситуаций).

Эргонимы обладают слабой структурированностью и системностью, поэтому вопрос классификации является наиболее актуальным.

Н. В. Шимкевич различает прагматические и непрагматические эргонимы [3, с. 13]. Прагматические эргонимы делятся на:

- информативные, сообщающие дополнительную информацию о предприятии, помогающие созданию позитивного образа предприятия у адресата;
- ассоциативные, влияющие через создание положительных ассоциаций, которые возникают в сознании адресата вследствие его культурного опыта или области знания.

Непрагматические эргонимы делятся на:

- информирующие, которые дают сведения о роде деятельности предприятия;
- неинформирующие, которые не несут в себе никакой информации о роде деятельности предприятия.

При этом информативность эргонима подразделяется на:

- информативность низкой степени (название предприятия и род деятельности не связаны между собой);

- информативность средней степени;

- информативность высшей степени (название предприятия и род деятельности полностью или частично совпадают).

Для повышения прагматического уровня эргонима владельцы используют подбор наименования исходя из фонетического строя (психофонетика), подсчета количества букв или слогов (нумерология) или по правилам фэншуй.

Помимо своей самой главной функции – воздействующей, – эргоним как языковая единица, являющаяся не только лексемой, выполняет и другие функции:

- номинативную;
- рекламно-информативную;
- информативную;
- рекламную;
- эстетическую.

В соответствии с номинативной функцией выбранный владельцем эргоним служит для идентификации и выделения одного предприятия из числа аналогичных ему.

Рекламно-информативная функция является самой важной, так как главная задача эргонима быть мотивированным и запоминающимся.

Суть рекламной функции: эргоним рекламного характера предоставляет эффективные способы информирования покупателей о товаре, играет главную роль в привлечении покупателей.

В рамках эстетической функции название формирует определенные эстетические предпочтения, связанные с восприятием того или иного шрифта или изображения.

Мы для нашей работы исследовали 35 названий магазинов женской одежды. Анализ собранного практического материала определил основные способы номинации в китайской эргономии.

1. Названия магазинов, в состав которых входит иероглиф со значениями «прекрасный», «красивый», «совершенный»: 完美女人, 都市女人, 芳香丽人, 衣然美, 名美服饰, 爱饰美, 佳人苑, 美人圈, 衣优雅, 裳秀.

2. Названия магазинов, в состав которых входит иероглиф со значениями

«женщина», «девушка»: 女性日记, 女人心, 湘湘女孩, 女人女人, 女人世界, 女人街, Y型台, 女人花, 女人密语, 男佐女佑.

3. Названия магазинов на английском языке, дублирующиеся китайскими иероглифами. Сами иероглифы используются только для передачи фонетического транскрибирования и значения не имеют: 菲诗奈 fashion, 潘多拉 pandora, 爱丽丝 Alice, 达库拉 drakula, 达芙妮 Daphne.

Но в ходе исследования мы также заметили, что в этой группе немало эргонимов, записанных латиницей и представляющих собой лишь набор звуков. При этом иероглифы, которые передают произношение на китайском языке, также не имеют никакого значения: 雅露娜 yarona, 哥弟 girdear, 朵拉芭娜 dorabana, 莉兰秀人 lilashorn, 密思唯尔 misswell, 如缤 rubin, 唐古拉 Tancola, LAWMAN 猛龙, YOUBEI 优比.

4. Названия магазинов, образованные с помощью «игры слов на основе омонимии», где один иероглиф заменяется созвучным с ним для привлечения внимания. За основу эргонима берется какое-нибудь устойчивое словосочетание либо всем известное слово, и один или несколько иероглифов заменяются на более подходящий по тематике магазина эргоним.

Например, рассмотрим название «衣然美». В первоначальном варианте слова 依然 «по-прежнему» первый иероглиф 依 заменили на иероглиф 衣 «одежда» и иероглифически получили название магазина одежды, а на слух название «По-прежнему красивая».

При образовании эргонима 爱饰美, мы предполагаем, за основу было взято предложение «爱是美» – «Любовь прекрасна», в котором иероглиф 是 был заменен на иероглиф 饰 «украшать», и в итоге получилось название «Любовь – украшение красоты».

В выражении 衣见钟情 исходным вариантом было «一见钟情» – «Любовь с первого взгляда», где иероглиф 一 заменили иероглифом 衣 «одежда» и получили название «Одежда, в которую можно влюбиться с первого взгляда».

Данная группа названий представляет особый интерес для исследований,

но требует большего практического материала.

5. Названия магазинов, в состав которых входят иероглифы со значениями «одежда», «аксессуары»: 衣然美, 名美服饰, 爱饰美, 亮服饰.

Что касается структурного аспекта, то в результате нашего исследования мы выяснили, что китайские эргонимы в основном представляют собой 2-, 3-, 4-сложные модели. Подавляющее большинство названий китайских магазинов состоят из четырех иероглифов (15 из 35). Четырехсловная модель является оптимальной, поскольку она позволяет построить любую грамматическую конструкцию и отобразить все многообразие грамматических отношений, а также выразить сложные понятия максимально экономными средствами [4, с. 30]. Преобладание такой структуры имеет историческую подоплеку, уходящую в глубину веков. Это связано с тысячелетними литературными традициями образного, емкого выражения мысли в лаконичной отточенной форме. Так, для Шицзина (именно к этому литературному памятнику XI–VI вв. до н. э., по мнению многих лингвистов, восходит образование четырехсловной количественной нормы) характерна четырехсловная модель.

Итак, эргонимы с позиции прагматической лингвистики рассматриваются как неотъемлемый элемент городской лингвокультуры. Классификация данных слов по наличию или отсутствию в них прагматики позволяет выделить два больших типа эргонимов: прагматические и непрагматические. К прагматическим относятся эргонимы, характеризующиеся ярко выраженным моментом речевого воздействия на адресата. Прагматические эргонимы не всегда являются информативными, и, наоборот, непрагматические эргонимы зачастую несут информацию об объекте. По своей структуре китайские эргонимы в основном представляют собой 2-, 3-, 4-сложные модели. Эргонимы, решая задачи сообщения и воздействия, выполняют в языке ряд функций, основными из которых являются номинативная, информативная, рекламная, информативно-рекламная и эстетическая.

Библиографический список

1. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
2. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 30–65.
3. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргономия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.
4. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 509 с.
5. Соболева Т. А., Суперанская А. В. Товарные знаки. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
6. 高级综合·店铺之名.

Bibliograficheski spisok

1. Podolskaja N. V. Slovar onomasticheskoj terminologii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M. : Nauka, 1988. – 187 s.
2. Ermakova O. P., Zemskaja E. A. K postroeniju tipologii kommunikativnyh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) // Russkij jazyk v ego funkcionalnyh raznovidnostjah. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt. – M. : Nauka, 1993. – S. 30–65.
3. Shimkevich N. V. Russkaja kommerčeskaja jergonomija : pragmatičeskij i lingvokulturologičeskij aspekty : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg, 2002. – 22 s.
4. Vojcehovich I. V. Praktičeskaja frazeologija sovremennogo kitajskogo jazyka. – M. : AST : Vostok – Zapad, 2007. – 509 s.
5. Soboleva T. A., Superanskaja A. V. Tovarnye znaki. – M. : Nauka, 1986. – 176 s.
6. Gaoji zonghe. Dianpu zhi ming.

© Андреева А. А., Васильева А. А., 2015

СЕМАНТИКА СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Ю. Б. Борисова
А. А. Васильева

*Студентка,
старший преподаватель,
Институт зарубежной филологии
и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

THE SEMANTIC OF MODERN CHINESE GIVEN NAMES

Y. B. Borisova
A. A. Vasilieva

*Student,
teacher,
Institute of foreign philology and regional studies,
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Summary. This article observes the semantics of modern given names in PRC. It also gives some information about history of given name in China. In Chinese language anthroponym is also the name of a single person, but containing the evolutionary stages of human development and accompanies a human from the moment of entry into a social group. Evolutionary traced anthroponym incredible stability, continuing at various shifts in the history of a particular language, and changing social formations. This establishes an etymological reconstruction of the possibility of certain personal names, the nature of language, which was first cited as the appropriate person. Laws of the functioning anthroponym in each language secured by system and have a specificity of identification and individualization of the person with using their own language means.

Keywords: anthroponimic; given name; family name; semantic groups.

Данная работа посвящена выявлению семантических особенностей имен в китайском языке. Имя – это личное обозначение человека, даваемое при рождении. Имена играют практическую роль в нашей жизни: по ним нас отличают от других. В Китае значение и звучание имени очень важно, оно несет семантический смысл и дает представление о самом человеке. В древние времена культура китайской антропоники была чрезвычайно важной составляющей материальной и духовной жизни общества. И в основном выбор имени связан с выбором судьбы. В Китае люди уделяют особое внимание своему фамильному происхождению, так как по нему можно проследить родовые корни, узнать свои родственные связи. Таким образом, существует проблема, связанная с изучением и выявлением родственных и общественных связей в именах.

Китайские имена выбираются согласно иероглифам, которые есть не что иное, как картинка, отображающая объект, действие или событие, контент.

Они обладают определённым смыслом и могут быть разделены на две категории: сформировавшиеся до образования КНР и после образования. В феодальном обществе модели именования людей в китайском языке были очень сложны. Выделялись следующие антропонимические элементы:

- вторые имена (прозвища), которыми обычно зовутся взрослые люди: 字 zì;
- псевдонимы: 笔名 bǐ míng;
- литературные прозвища: 号 hào, 别号 bié hào, 别名 bié míng;
- книжные имена: 书名 shū míng.

В феодальном Китае вторые имена обозначали уважение к людям, в связи с чем их носителями были только взрослые. Имена 字 zì выполняли этикетную функцию: назвать человека прямо по имени считалось невежливым. Таким образом, имя, данное при рождении, использовалось только самим человеком или его старшими родственниками, тогда как второе имя употреблялось взрослыми сверстниками для обращения друг к другу при общении или на письме. Связь, которая часто существует

между вторым именем человека и именем, данным ему при рождении, можно увидеть в случае с Мао Цзэдуном 毛澤東 MáoZédōng, чьё «вежливое имя» было Жунчжи 潤之. У этих двух иероглифов одинаковый ключ – 氵 со значением «вода». Оба иероглифа могут переводиться как «приносить пользу» или «питать».

号hào – это альтернативное второе имя, которое обычно используется в качестве псевдонима. Чаще всего оно состоит из трёх или четырёх иероглифов и, возможно, изначально стало популярным, потому что у многих людей часто были одинаковые вторые имена. Псевдоним поэта 素狮 sū shī Су Ши – Дунпо Гуаньди 东坡官邸 dōng pō guān dī (то есть «Резиденция Дунпо» («На восточном склоне»)) – резиденция, которую он построил, будучи в ссылке. Авторы часто использовали собственные псевдонимы в названиях сборников своих работ. После образования КНР была отменена данная сложная система именования, право использовать псевдоним осталось только у писателей. Имена у китайцев также делятся на официальные (大名) и уменьшительно-ласкательные (дошкольные имена ребенка).

Несмотря на то, что в китайской антропонимике отсутствует канонизированный список индивидуальных имен, выбор официального имени не был совершенно произвольным. Он регламентировался некоторыми правилами, известными под названием системы пай-хан 排行 pái hàng «выстраивание в ряд», согласно которой имена всех представителей одного поколения в пределах родственной группы включали повторяющийся общий элемент. Таким образом, благодаря системе пай-хан по индивидуальному имени человека можно было определить степень его генеалогического родства с другими представителями той же родственной группы.

Помимо ограничений, обусловленных системой пай-хан, при выборе имени раньше учитывались и другие обстоятельства, например, связанные с днем рождения ребенка. Если этот день характеризовался недостаточной выраженностью той стихии, сочетание

которой со стихией данного поколения предвещало ребенку счастье, то этот недостаток «восполнялся» введением в индивидуальное имя соответствующего графического элемента [3].

В семье старшие именуют младших по индивидуальному имени (молочному, при обращении к ребенку, или официальному). Называть по имени старших родственников считается невежливым. Поэтому как при упоминании о старшем родственнике, так и особенно при непосредственном обращении к нему китаец употребляет вместо индивидуального имени соответствующий термин родства. Особенностью китайской системы именования является то, что к термину родства в этом случае добавляется обозначение относительного возраста именуемого лица в пределах его поколения. Отсюда такие типичные для Китая формы обращения, как 第三哥 dī sān gē «третий братец», 第六阿姨 dī liù ā yí «шестая тетушка» и т. д.

Ласкательные и уменьшительные формы индивидуального имени отсутствуют. Вместе с тем существует такое обращение к детям, как, например, «сяо гуй» 小鬼 xiǎo guì «чертенок», не имеющее ругательного или пренебрежительного оттенка. К своим сверстникам-взрослым китайцы по-дружески часто обращаются, добавляя перед фамилией слово «лао» 老 «старший», например: лао Ван 老王 lǎo wáng «старина Ван», лао Ли 老李 lǎo lí «старина Ли». Почтительное обращение к старшим также включает слово «лао», но в этом случае оно ставится после фамилии: Лю лао «почтенный Лю», Ван лао «почтенный Ван» [1].

Китайские имена в основном двусложные, реже – односложные. Разнообразие китайских личных имен практически неограниченно. Личные имена у китайцев могут меняться несколько раз на протяжении жизни. Среди них различают детские, школьные, взрослые и другие имена [1, с. 76].

Детские имена (乳名 rǔmíng или 奶名 nǎimíng «молочное имя», 儿名 ěrmíng «детское имя» или 小名 xiǎomíng «малое, неофициальное имя») давались при рождении и сохранялись до школьного возраста. Для этой категории имен

обычно подбирались ласкательные поэтические слова. Они употреблялись родственниками, соседями, друзьями.

Мотивировка выбора молочного имени может быть различной. В одних случаях в качестве жу-мин выбираются апеллятивы, значение которых отражает какую-либо отличительную черту ребенка (например, Хэйятоу «черномазая»); в других – значение имени передает какое-либо пожелание родителей в связи с рождением младенца: например, имя Линди «приведет младших братьев» (т. е. «та, которая приведет за собой младших братьев») могли дать девочке в той семье, где с нетерпением ждали рождения сына.

С поступлением в школу родители или учитель давали ребенку школьное имя (学名 xuémíng), а с достижением совершеннолетия либо в старом Китае после сдачи экзаменов на государственный чин человек получал взрослое или официальное имя (大名 dà míng «большое имя» или 官名 guān míng «официальное имя»), которые сохранялись на всю жизнь и употреблялись во всех официальных случаях после фамилии.

При поступлении на службу родители, друзья или близкие давали второе имя (цзы). Кроме того, сам взрослый человек нередко выбирал себе псевдоним (хао 号).

Для выведения семантических особенностей имен китайского языка нами предпринята попытка создания их классификации. Для наиболее объективной оценки материалом послужили 78 имен студентов Пекинского университета языка и культуры. Данные имена классифицированы нами по семи семантическим категориям.

1. Имена, образованные от названий времен года. В китайских именах часто употребляются компоненты со значением времен года. Следует отметить, что обычно родители дают ребенку имя с данным значением в зависимости от того, в какое время года ребенок родился: 春芳 (Весенние цветы), 冬梅 (Зимняя слива), 秋露 (Осенняя роса), 冬時 (Зимняя пора).

2. Имена, образованные от названий природных явлений и растений. Такой популярный принцип формирования имени придает ощущение жиз-

ненной энергии и природной красоты: 梦桃 (Мечтательный персик) 映波 (Блестящая волна) 雨竹 (Дождливый бамбук), 高峰 (Высокая гора).

3. Имена, образованные от названий цветов. По древним традициям Китая принято употреблять названия цветов в женских именах, сравнивая девушку по красоте с цветком: 梅花 (Слива), 牡丹 (Пион), 菊花 (Хризантема), 兰花 (Орхидея), 荷花 (Лотос).

4. Имена, указывающие на происхождение, положение в семье. В данной категории наблюдается преобладание мужских имен. Это обусловлено тем, что в древности существовала традиция называть по счету родившихся в семье мальчиков: 八郎 (Восьмой мужчина в семье), 公子 (Молодой господин).

5. Имена, указывающие на внешние качества человека. Употребление в именах пожелания, указывающего именно на внешние качества, началось еще с древних времен: 明美 (Ослепительно красивая), 赤子 (Красивая).

6. Имена, указывающие на внутренние качества человека. В нашем исследовании преобладают мужские имена, которые характеризуются наличием значений «сообразительный», «мужественный», «поддержка», «талант», «честность», «опора», «защита», «мудрость». Можно сделать вывод о том, что в китайском обществе мужчина издавна считается выше женщины, является опорой и защитником семьи: 雄大 (Великий герой), 伟 (Великий), 刚 (Стойкий), 强 (Сильный).

7. Имена, образованные от названий животных. Названия животных и птиц, входящие в имена, могут быть всевозможными, они символизируют мифологические создания: 龙 лун – дракон и 凤 фэн – феникс и т. д. Дракон и феникс олицетворяют мужское и женское начала в ведущих их проявлениях – царя и царицы. Наименования других представителей фауны (虎 ху – тигр, 狐 ху – лисица, 鹰 ин – орел, 燕 янь – ласточка, 鸿雁 хуньянь – дикий гусь, 莺 ин – иволга и др.) используются не менее часто и исходят из желания родителей создать гармонию с окружающим миром, придать характеру ребенка те или иные качества, соответствующие животному.

Имена людей – история народа. В любой культуре имя человека выступает как социально-культурный знак. Система личных имен любого языка, уходящая корнями в глубокую историю, несет на себе отпечаток национального самосознания народа и включается в национальную картину мира. Китайские личные имена обладают яркой национально-культурной спецификой и являются чрезвычайно важным источником не только лингвистических, но и историко-культурных знаний. В них, как в особого рода языковых реалиях, отражаются особенности национальной культуры, традиции и обычаи народа.

Библиографический список

1. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1989. – С. 34.

2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М. : Р. Валент, 2001. – С. 96.
3. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. – М. : Цитадель-Трейд; Лада, 2005. – С. 69.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного – М. : Международные отношения, 1973. – С. 63.

Bibliograficheski spisok

1. Vvedenskaja L. A., Kolesnikov N. P. Ot sobstvennyh imen k naricatel'nyh. – 2-e izd., ispr. i dop. – М. : Prosveshhenie, 1989. – S. 34.
2. Ermolovich D. I. Imena sobstvennye na styke jazykov i kultur. – М. : R. Valent, 2001. – S. 96.
3. Kurdjumov V. A. Kurs kitajskogo jazyka. Teoreticheskaja grammatika. – М. : Citadel-Trejd; Lada, 2005. – S. 69.
4. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo – М. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1973. – S. 63.

© Борисова Ю. Б., Васильева А. А., 2015

**ЧЕТЫРЕХМОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА
КИТАЙСКОГО РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА**

А. А. Васильева

*Старший преподаватель,
Институт зарубежной филологии
и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

THE STRUCTURE OF CHINESE ADVERTISING SLOGAN

A. A. Vasilieva

*Teacher,
Institute of foreign philology and regional studies,
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Summary. This article observes the structure of advertising slogans in PRC. It also quantitative analysis of slogans structure. Parallelism is the most common syntax technique of the Chinese slogans organization. The most common structure of parallelism is four-morpheme structure. The article also gives an attempt to ascertain the reasons for the prevalence of four-morpheme parallel structures. Describes and supports by illustrative material types of parallelism based on the lexical repetition, based on antonyms and parallelism based on synonyms.

Keywords: advertising discourse; advertisement; slogan; parallelism.

В Китае рекламный слоган как агитационный призыв имеет многовековую историю. Устные рекламные слоганы, ныне известные как «крики зазывал» (吆喝), стали первыми проявлениями рекламного дискурса в торговле Китая периода эпохи Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.). Специфика структуры китайского рекламного слогана заключается в широком использовании параллельных конструкций.

Параллелизм является неотъемлемой составляющей жизни китайского общества и берет свое начало в глубокой древности, а точнее в учении о сосуществовании двух энергий – инь и ян, – которые символизируют взаимодействие крайних противоположностей. А. А. Маслов по этому поводу пишет: «Концепция инь и ян – двух противоположных и взаимодополняющих начал – пронизывает все в китайской культурной традиции, от системы управления государством и отношений между людьми до правил питания и саморегуляции. Она же распространяется и на весьма сложную систему взаимоотношений между человеком и духовным миром». Таким образом, на основе представлений древних китайцев о бытии и сложилось их современное мировоззрение, которое во всем предполагает

парность: в обыденной жизни она выражается в предпочтении нечетным числам четных, в китайской традиционной медицине считается, что все явления окружающего мира, включая человека и природу, являются следствием взаимодействия между двумя началами – инь и ян, – представляющими собой различные аспекты единой действительности.

В языке концепция инь и ян нашла свое отображение в явлении параллелизма, который получил в китайском языке необычайно широкое распространение. Данный прием употребляется в разнообразных жанрах литературы, а также в речевых произведениях всех функциональных стилей современного литературного китайского языка. Он представляет собой сочетание двух синтаксических единиц, соотносительных по смыслу и симметричных по своей структуре. Части предложения равны по своему объему (одинаковое число слов), идентичны в грамматическом отношении (аналогичный порядок членов предложения), адекватны по лексическому составу.

Стоит отметить, что в структуре рекламного слогана синтаксический параллелизм является главным условием проявления ритма, а ритмичность, в свою очередь, усиливает экспрессивное воздействие на адресата. Воз-

можно, этим объясняется широкое употребление копирайтерами данного приема. Из исследованных нами примеров китайских рекламных слоганов, предложений, построенных на явлении параллелизма, оказалось 54,4%. Такие конструкции часто сопровождаются лексическими и звуковыми повторами, которые подчеркивают синтаксический параллелизм и, как следствие, ритмическое движение, а ритмизированная в результате параллелизма фраза приобретает особую силу воздействия.

И. О. Ситникова в своей статье «О ритмообразующей функции грамматико-синтаксического параллелизма в поздних работах М. Хайдеггера» пишет, что «параллелизм необходимо связан со звуковыми и словесными повторами. Таким образом создается повторяющийся ритмический порядок, благодаря которому достигается звуковой эффект, близкий к стихотворному. И здесь становится очевидным первое достоинство параллелизма: звуковое волшебство языка, которое делает слова соблазнительными и запоминающимися. В случае же поучительных высказываний слова обретают убедительность, как в пословицах и поговорках» [4, с. 31]. Воздействующую силу параллелизма и используют китайские копирайтеры при создании рекламных слоганов.

Такой жанр рекламного дискурса, как слоган, предполагает соблюдение основного принципа – принципа языковой экономии. В китайском языке с этой задачей создателям броских, но коротких фраз помогает справиться классический китайский язык *вэньянь*, который подразумевает минимальное использование служебных слов (основную грамматическую нагрузку выполняет порядок слов): *天长地久* – «долгий, как небо, постоянный, как земля» (в данной рекламе часов мы видим, что копирайтер использовал в качестве рекламного слогана уже существующий *ченъюй*, который в полной мере, несмотря на свою краткость, выражает основной посыл автора); *智慧演绎 无处不在* – «интеллектуальный, вездесущий»; *天生一对 时尚绝配* – «рожденные друг для друга – стильная пара»; *用户至上 用心服务* – «клиент превыше всего, обслуживаем от всего сердца». Если в слоганах все-таки встречаются служебные слова, то чаще всего это такие одно-

сложные частицы, как *自, 与, 无, 未, 以, 为* и т. д.: *事业我一直努力 对你我从为未放弃* – «К делу отношусь серьезно, тебя никогда не брошу». Использование односложных эквивалентов двусложных слов, обладающих широкой синтаксической валентностью, также является одной из характеристик классического языка: *参与互动赢好礼* – «участвуй в акции, получи хороший приз», *参 – 参加, 礼 – 礼物*. Грамматические и лексические нормы древнего языка, отраженные в структуре, определяют его узуальные стилистические свойства: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, целостность, образные и коннотативные свойства.

Изучив собранный практический материал, мы выделили следующие типы параллелизма в китайских слоганах.

1. Параллелизм, основанный на лексическом повторе. Лексические повторы имеют регулярный характер, обычно имеют фиксированное положение в обеих частях сложного предложения: *拥有东芝, 拥有世界* – «владеешь «Топшибой», владеешь миром»; *我的地盘, 我说的算* – «моя территория – мои правила»; *新电视, 新生活* – «новый телевизор – новая жизнь»; *使不可能 变为可能* – «сделать невозможное возможным»; *只溶在口, 不溶在手*.

2. Параллелизм на основе антонимии. Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы, их использование призвано усилить эмоциональность краткого высказывания: *学习时间短, 就业机会大* – «сроки обучения короткие, шансы на трудоустройство высокие»; *没有不做的小生意, 没有解决不了的大问题* – «не бывает бизнеса «незначительного», не бывает проблем нерешаемых».

3. Параллелизм на основе синонимии. Синонимы в рекламных слоганах выполняют функции уточнения, разъяснения, сопоставления. Выстраиваясь в ряд так, что каждый следующий усиливает предыдущий, создают градацию: *不要最好, 只要更好* – «не важно быть лучшим, надо лишь быть лучше».

Зачастую параллелизм приводит к образованию рифмы в слоганах. В рекламе рифма встречается довольно часто и должна быть функциональна, т. е. рифмованные слова должны включать в себя значимые для рекламируемого

товара понятия, например, выделять основные потребительские преимущества: 不要买贵的, 只要买对的 – «не надо покупать дорогой, покупай правильный»; 兔年吉祥, 幸福安康 – «в Год Кролика желаем счастья, спокойствия и здоровья». Или же рифмуемые части должны содержать название продукта: 人靠衣装, 美靠亮妆 – «человек полагается на одежду, а красота – на ЛянЧжуан»; 学习电脑 到青岛 – «хочешь изучать компьютеры, приезжай в циндао».

Что касается количественного состава слоганов, то по своему объему параллельные структуры представляют собой соотношение двух или более одинаковых по количественному составу простых предложений, построенных преимущественно по грамматическим законам классического китайского языка. Количественный состав одного предложения – от трех до шести морфем (иероглифов). Преобладающей структурой является соотношение двух или более четырехморфемных фраз 4–4. Их количество составило 54,4% из рассмотренных нами рекламных слоганов, построенных на основе параллелизма: «海外名校 – 闪电招生» – «Знаменитые учебные заведения за рубежом – идет срочный набор»; «人靠衣装 – 美靠亮妆» – «Человек полагается на одежду, а красота – на ЛянЧжуан». На втором месте по употреблению структура соотношения пятиморфемных фраз 5–5, количество которых составило 13,23%: «做良心事业 铸精彩人生» – «Совершай добрые дела – вливайся в яркую жизнь»; «1对1 辅导 还是 龙文好» – «Индивидуальное обучение лучше в Луньвень». Количество конструкций, построенных на параллельном использовании двух или более трехморфемных сочетаний составило 7,3%: «新智能 新标准 新体验» – «Новые знания, новые стандарты, новый опыт»; «新电视 – 新生活» – «Новый телевизор – новая жизнь». Соотношение шестиморфемных сочетаний составило 7,3%: «方特欢乐世界 东方梦幻乐园» – «Парк развлечений «Инфанта» – восточный парк мечты». Слоганов, основанных на параллельном употреблении семи-восьмиморфемных сочетаний, было выявлено также 7,3%. Меньше всего оказалось слоганов, которые представляют собой одно простое предложение, построенное по образцу традиционных китайских фразеологи-

ческих единиц – ченьюй, и состоят из 4 морфем. Тем не менее в их простой структуре мы также можем наблюдать параллельность составных частей: «天长地久» – «Долгий, как небо, постоянный, как земля». Их оказалось всего 2,9%. Оставшиеся 7,3% составляют слоганы, в которых параллелизм является неполным, так как первая и вторая соотносительные группы отличаются по составу морфем. Это могут быть конструкции с соотношением 4–3, 4–5, 5–6 и т. д.: «一个世界» – «один мир», «爱你等于爱自己» – «Любить тебя, как любить себя».

Преобладание структуры 4–4 имеет историческую подоплеку, уходящую в глубину веков. Это связано с тысячелетними литературными традициями образного, емкого выражения мысли в лаконичной отточенной форме. Так, для «Шицзина» (именно к этому литературному памятнику XI–VI вв. до н. э., по мнению многих лингвистов, восходит образование четырехсловной количественной нормы) характерна четырехсловная строка. Отсюда вытекает и связь четырехсловной нормы с его ритмико-мелодической организацией [2, с. 32].

Библиографический список

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2006.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка : учебник. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
3. Маслов А. А. Китай : укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – М. : Алетея, 2003. – С. 29–36.
4. Ситникова И. О. О ритмообразующей функции синтаксического параллелизма в поздних работах Мартина Хайдеггера // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 30–35.

Bibliograficheskij spisok

1. Belousova N. P. Osnovnye harakteristiki slogana kak subzhanra sovremennogo rossijskogo reklamnogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. – Kemerovo, 2006.
2. Wojcehovich I. V. Prakticheskaja frazeologija sovremennogo kitajskogo jazyka : uchebnik. – M. : AST : Vostok – Zapad, 2007.
3. Maslov A. A. Kitaj : ukroshhenie drakonov. Duhovnye poiski i sakralnyj jekstaz. – M. : Aleteja, 2003. – S. 29–36.
4. Sitnikova I. O. O ritmoobrazujushhej funkcii sintaksicheskogo paralelizma v pozdnyh rabotah Martina Hajdeggera // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2012. – Vyp. 1. – S. 30–35.

© Васильева А. А., 2015

UDC 80

MALE EPISTOLARY DISCOURSE: PRAGMATIC PERSPECTIVE

A. I. Dzyubenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. The article investigates the pragmatic peculiarities of the male epistolary discourse, love correspondence in particular. Thanks to the applying of the speech acts' theory the gamut of communicative relations a male addresser and a female addressee have is described. The suggested interpretations of the illocutionary goals of the male-senders can be of special interest. Being one of the most linguistically subjective type of the discourses the epistolary one presents the whole range of means for the objectivation of love. The epistolary discourse is a product of speech inevitably undergoing some national and time epistolary tradition, that has a written form and is performing all the variety of the cognitive and communicative functions. In the intimate correspondence real subjective feelings and emotions are of ultimate tense. The communicants involved in it disclose their psychological state and do feel sure that the verbalization of their emotions is going within the set of limits that are made by the communicative triangle (the addresser – the topic – the addressee) can't be violated by any other participant. The males can either resort to the much spread «narrative» form for releasing their emotions, or refer to the recollection of the past. For the verbalization of all these they use such stylistic emotive means as epithets with the strong emotive supply, metaphors, antitheses and hyperboles. What concerns the syntax of their epistolary discourse we are pinpoint predominance of complex and compound sentences over the extended simple ones, there are also the examples of anaphoras, detachments, rhetorical questions and inversions.

Keywords: discourse; verbalization of emotions; illocutionary level of communication; communicative triangle; illocutionary goal; emotional feedback; epithet; anaphora; detachment; rhetorical question and inversion.

The love correspondence is attributed to the epistolary discourse as it is created in the course of communication and is the form of linguistic realization of contact and interpersonal collaboration of the letter's author and his addressee. In other words, the epistolary discourse is a product of speech created and functioning according to some national and time epistolary tradition, that has written form and is performing all the variety of the cognitive and communicative functions. In the intimate correspondence real feelings and emotions are of ultimate tense, those who are involved in it disclose their psychological state and are free in verbalising the emotions as they are conscious that the borders created by the communicative triangle (the addresser – the topic – the addressee) can't be violated by any other participant. The objective of the study is to describe the corpus of linguistic means the male authors used for verbalising "love" in their correspondence (the discourse for investigation was taken from the book "Love Letters of Great Men and Women" edited by U. Doyle) and to determine the pragmatic potential love letters written in different forms have.

Thus, the analysis of the latter showed that the men in two thirds of the letters resort to the well spread "narrative" form for releasing their emotions. They turn to the beloved ones as to the friends who are "dear to the bosoms", as to the partners and "sweet participators of their existence". Only after that comes love and affection that give a chance to men to represent the women-addressees as the possessors of their hearts: "I take so much pleasure in the house, I declare I am just like a great overgrown child with a new toy; but then, not like a real child, I long to have a co-partner and possessor" [4, p. 96]; "But I know that you are kind, that you have loved, and I put my trust in you, not as a mistress, but as a frank and loyal comrade" [10, p. 99]. Obviously, a friendly nature and faithfulness was of utmost value for the authors and writing in this clue they were guided by the illocutionary goal – to make a female addressee believe that she is taken as an individuality, as a person not deprived of some charms – and underlining a woman's being beautiful and understating the male senders reach the highest pragmatic aim:

by giving vent to their emotions the men make the females trust them, trust their being honest and sincere, even comparing their state of mind with that of a person sentenced to death: "I have recourse therefore to this miserable method of communicating with you; none can be more imperfect but I write as if it were the night before my execution" [5, p. 87–88].

Much fewer letters are done as the recollection of a past dream in which the object of love departs the addresser, hurting and ruining him: "The other night, I dreamt that I was at Newton <...> and thou tookst occasion to announce that thou hadst now ceased to be my wife, and hadst taken another husband. Thou madest this intelligence known with such perfect composure <...> that it benumbed my thoughts and feelings, so that I had nothing to say. <...> I only know that my heart suddenly broke loose, and I began to expostulate with thee in an infinite agony, in the midst of which I awoke" [7, p. 84–85]. Very few letters are made in a form of a roster of things a man can present to his beloved female as the mark of his goodwill, love and respect: "I am looking over the sea and endeavouring to reckon up the estate I have to offer you. As far as I can make out my equipment for starting on a journey to fairyland consists of the following items.

1st. A Straw Hat. <...>

2nd. A Walking Stick. <...>

3rd. A copy of Walt Whitman's poems, once nearly given to Salter, but quite forgotten. <...>

4th. A number of letters from a young lady, containing everything good and generous and loyal and wise <...>

10th. A soul, hitherto idle and omnivorous but now happy enough to be ashamed of itself.

11th. A body, equally idle and equally omnivorous, absorbing tea, coffee, claret, sea-water and oxygen to its own perfect satisfaction.

12th. A Heart – mislaid somewhere" [1, p. 135–137].

On the illocutionary level men tend to be looking for understanding in women, for sharing their ideas and pursuing their ideals, they are seeking for the females capable of realizing their dreams – patriotic, humanitarian and scientific ones: "We have promised each other – haven't

we? – to be at least great friends. If you will only not change your mind! For there are no promises that are binding; such things cannot be ordered at will. It would be a fine thing, just the same, in which I hardly dare believe, to pass our lives near each other, hypnotized by our dreams: your patriotic dreams, our humanitarian dream, and our scientific dream" [3, p. 132].

On the locutionary level the analysed letters are of great interest for the researchers due to the peculiar male addressers' choice of complex and compound sentences that predominate over the extended simple ones. Here we are to cite one of the letters by Benjamin Disraeli, a novelist and a prime minister, to his future wife – Mary Anne Wyndham Lewis as the example of how 'talkative' and persuading the men can be when it concerns love: "I found you, as I thought, aimiable, tender, and yet acute and gifted with no ordinary mind – one whom I cd look upon with pride as the partner of my life, who cd sympathise with all my projects and feelings, console me in the moments of depressions, share my hour of triumph, and work with me for our honor and happiness".

Most frequently these sentences are filled with such emotive means for verbalising "love" as epithets with the strong emotive supply, metaphors, antitheses and hyperboles: "Those dear lips shot through my heart, and thro' my bleeding vitals, delicious poison, and an avoidless but yet a charming ruin. <...> I appear transported to some foreign desert with you (oh, that I were really thus transported), where, abundantly supplied with everything, in thee, I might live out an age of uninterrupted ecstasy" [2, p. 10]; "Methinks I could write a volume to you; but all the language on earth would fail in saying how much and with what disinterested passion I am ever yours" [11, p. 14]; "I cannot alter – my affection and love is beyond even this world! Nothing will shake it but yourself; and that I will not allow myself to think for a moment is possible" [9, p. 40]. The illocutionary goal of the above mentioned constructions must be creating the communicative situation of such a kind that could exclude any opportunity of the addressee's ignoring the message, of remaining dumb and apathetic to the sender and

his successfully achieved illocutionary aim makes the realisation of the perlocutionary goal possible – he gets the reaction of a female, he stirs the emotions in her and, as a result, she can't but give a feedback.

There are also the examples of anaphoras, detachments, rhetorical questions and inversions: "I am about to go out with a heavy heart, for my appearing this evening will stop any absurd story to which the events of the day might give rise. Do you think now I am cold and stern and wilful? Will ever others think so? Will your mother ever? The mother to whom we must indeed sacrifice much more, much more on my part than she shall ever know, or can imagine" [8, p. 65]. This letter is also of great interest as it is one of the very few where the addresser violates the borders of the communicative triangle by introducing the mentioning of the non-participants to the correspondence: the appealing to the opinion of the others might be vital here as it helps him to sound less peremptory and determined thus disguising the illocutionary goal of his – to make the female believe that he in contrast to the things said is not so cold and stern.

Moreover, the pragmatics of the male letters is further intensified when the standard, well-known proverbs and sayings are transformed according to the aims of the communication: the verb performing the function of the predicate in the sentence is intentionally changed the voice form. This transformation is more enhanced by the succession of the following antitheses. For example, "I came, I saw, and was conquered; never had man more to say, yet can I say nothing; where others go to save their souls, there have I lost mine" [6, p. 16].

Taking into account the emotional colouring of the sentences we should point out that only 17 per cent of the letters contain exclamatory ones. Here the interjections like Alas! Oh! marked by only the emotional meaning function but too seldom. The epistolary discourse abounds in the words that combine denotative and emotive meanings in their semantic structure such as love (the nucleus of the field), affection, passion, warmth, delight (dominant components of the close periphery), fierceness, pity, ecstasy are the basic elements of the extreme periphery.

So, the analysis showed that the love letters being the most intimate and sincere type of the male epistolary discourse are mostly similar in the form with rare exceptions (narrative ones predominate over the dreams and those, written in a form of a roster). Having chosen such an object of study and investigating it from the pragmalinguistic perspective, we found the grounds for the debunking of the stereotype that men are composed and rather laconic while verbalising their emotions, love in particular: a whole gamut of illocutionary goals (to inform about the feelings, to impart and vent them, to persuade a woman-addressee of his being honest and sincere, to involve a female into the correspondence, to make her give a feedback) make them be wordy and not be afraid to be taken as fragile and vulnerable ones.

Bibliography

1. Chesterton G. K. to Frances Blogg / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
2. Congreve William to Mrs. Arabella Hunt Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
3. Curie Pierre to Marie Sklodovska (Marie Curie) / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
4. Darwin Charles to Emma Wedgwood / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
5. Disraeli Benjamin to Mary Anne Wyndham Lewis / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
6. Farquhar George to Anne Oldfield / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
7. Hawthorne Nathaniel to his wife, Sofia / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
8. Lord Byron to Lady Caroline Lamb / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
9. Lord Nelson to Lady Emma Hamilton / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
10. Musset de Alfred to George Sand / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.
11. Steele Richard to Miss Mary Scurlock / Love Letters of Great Men and Women, U. Doyle (ed.), Pan Macmillan. – London, 2010.

© Dzyubenko A. I., 20015

УДК 420–3.403.19

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ж. У. Калимова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет
имени Шакарима города Семей,
г. Семей, Казахстан*

PHRASEOLOGICAL ACTIVITY OF NOUNS IN MODERN ENGLISH

Zh. U. Kalimova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Semey State University named after Shakarim,
Semey, Kazakhstan*

Summary. This article observes the problems of potentiality of words in forming set expressions in modern English language and linguistic and extra linguistic factors determining phraseological activity of words such as frequency of words, simplicity of syllable structure, the character of native or foreign origin of words, their possession to different thematic groups and stability of words to re-comprehension. The investigation of the phraseological meaning of words is characterized by different approaches in modern linguistics, namely, traditional, ethno-linguistic, situational, structural etc. The author gives some analyses of the phraseological activity of English nouns and defines the most productive monosyllabic and two syllabic nouns in the formation of set expressions. The article also touches upon the problem of metaphoric and metonymical change of word meaning.

Keywords: phraseological units; phraseological potentiality of parts of speech; phraseological meaning of words and word combinations; phraseological activity of words; lexico-semantic groups of nouns in English set expressions.

В последние годы в лингвистике наблюдается особый интерес к изучению динамических процессов формирования языковых единиц разных уровней. Это не случайно, поскольку полное и последовательное исследование семантической структуры единиц языка требует выявления закономерностей их создания и природы, что позволяет более точно описать особенности их функционирования.

Особый интерес представляет собой фразеологическая семантика – один из наиболее сложных и недостаточно разработанных разделов теории языка. Значение фразеологизмов тем более интересно, что во фразеологии отражаются и перекрещиваются закономерности семантики слова и семантики словосочетания. К настоящему времени в этой области накоплен обширный лингвистический материал, многие проблемы, которые позволяют на новом уровне подойти к изучению содержательной стороны фразеологизмов.

При изучении формирования фразеологического значения возможны раз-

нообразные подходы к исследованию. Одним из существующих перспективных подходов к рассмотрению процессов и механизмов образования фразеологизмов является изучение фразеологической активности слова, описание его фразеологической потенции.

Существуют разные точки зрения на объем фразеологии. При узком понимании фразеологии во фразеологический фонд включаются только полностью или частично переосмысленные сверхсловные словосочетания, то есть идиомы. При широком понимании фразеологии в нее включают как собственно идиомы, так и ФЕ.

В связи с этим фразеологическая активность (далее ФА), то есть способность слова входить в устойчивые сверхсловные образования – фразеологизмы разных типов, – складывается из способности слова участвовать в образовании идиом, и фразеосемантической активности, то есть способности слова входить в состав фразеологических комплексов.

Наиболее изучена фразеологическая активность слова, исследование которой проводится на материале разных частей речи. Например, существительные с общим значением «явления растительного мира» послужили материалом исследования И. М. Орловой (Орлова И. М. Фразеологическая активность членов лексико-семантической группы, объединенной общим значением «явления растительного мира». М., 1983), фразеологическая активность глаголов изучалась М. Т. Тагиевым (Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966), частотные прилагательные стали материалом исследования Л. В. Новиковой (Новикова Л. В. Фразеологическая активность прилагательных в современном английском языке. М., 1987).

Несмотря на довольно значительное число исследований, многие аспекты фразеологической активности слова остаются еще недостаточно изученными.

Большинство лингвистов в работах, посвященных активности слова в языке и речи в целом и фразеологической активности в частности, признают тот факт, что она обусловлена целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Так, большинство исследователей выделяют следующие факторы, влияющие на фразеологическую активность слова: частотность слова, простота слогового состава, заимствованный или исконный характер слова, тематическая принадлежность слова и устойчивость слова к переосмыслению.

Частотность слова не является определяющим фактором, поскольку не все частотные слова имеют одинаково высокую фразеологическую активность. Разветвленность семантической структуры слова оказывает значительное, но также не определяющее влияние. Характер слогового состава слова является одним из существенных факторов при определении активности: чем меньше слогов у слова, тем чаще оно выступает в качестве компонента ФЕ.

Что касается такого фактора, как характер происхождения слова, то вывод здесь однозначен: наиболее фразеоактивными оказываются слова исконно-

го происхождения. «Возраст» слова, то есть давность его происхождения, определенным образом сказывается на его фразеологической активности, поскольку употребление слов в качестве компонентов ФЕ может стимулироваться тем, насколько давно и долго эти слова функционируют в языке, ибо чем древнее слово, тем больше оно нарацивает связи с другими словами.

Таким образом, разные исследователи, во-первых, выделяют разные совокупности факторов, оказывающих влияние на ФА слова, и во-вторых, по-разному определяют значимость этих факторов.

Итак, среди факторов, влияющих на ФА слова, обычно выделяются частотность, многозначность, слоговая структура, количество производных, исконный или заимствованный характер слова, его положение в определенной ЛСГ, тематическая принадлежность и т. д.

Статистическая обработка показала, что слоговый состав слова коррелирует с его ФА. Наиболее продуктивными в образовании ФЕ являются односложные и двусложные слова. Наиболее частотные существительные состоят из одного или реже двух слогов. Приведем первые числа ФЕ, в которые они входят: hand – 218 ФЕ, man – 188 ФЕ, eye – 173, head – 154 ФЕ, time – 128 ФЕ, heart – 119 ФЕ, word – 110 ФЕ, day – 105 ФЕ, life – 97 ФЕ и dog – 90 ФЕ.

Трехсложные слова отсутствуют среди наиболее фразеоактивных частотных существительных, они характеризуются, как правило, низкой или нулевой ФА.

Число ЛСВ у анализируемых существительных колеблется от 1 до 37. Самая многочисленная группа существительных – это существительные, имеющие высокую семантическую активность (127 единиц), причем десять наиболее фразеоактивных лексем имеют от 12 до 31 ЛСВ. Существительные с низкой или нулевой ФА, в основном, имеют и низкую семантическую активность, например: boat – 2 ЛСВ, 5 ФЕ, commerce – 1 ЛСВ, 0 ФЕ, dinner – 1 ЛСВ, 3 ФЕ, island – 2 ЛСВ, 2 ФЕ. Между ФА и семантической активностью слова отмечена статистическая зависимость:

чем выше семантическая активность слова, тем выше и его ФА.

Однако высокая семантическая активность не всегда является гарантией высокой ФА слова, например: circle – 54 ЛСВ, 9 ФЕ, figure – 26 ЛСВ, 9 ФЕ, form – 21 ЛСВ, 6 ФЕ, note – 20 ЛСВ, 6 ФЕ.

Статистика позволяет зарегистрировать взаимосвязь, но не позволяет объяснить ее причины. Объяснение высокой ФА одних и низкой ФА других слов следует искать в особенностях их семантики. Особое внимание к семантическим факторам обусловлено тем, что они позволяют объяснить, почему то или иное слово чаще принимает участие в образовании ФЕ.

Для того чтобы изучить роль слова в формировании семантики ФЕ, компонентом которой оно является, необходимо рассмотреть, каковы основные особенности фразеологического значения.

Современное состояние изучения фразеологического значения характеризуется большим количеством подходов, в соответствии с которыми значение соотносится либо с объективной действительностью, либо с моделями социально-культурного поведения человека, либо с речевой ситуацией. Отсюда традиционный, этнолингвистический ситуативный, структурный и другие подходы, использующиеся в разных лингвистических направлениях. Единой общепринятой точки зрения и определения значения на данный момент в науке не существует.

Отсутствие единого подхода к решению общей проблемы фразеологического значения сказывается и на решении проблемы фразеологического значения, которое трактуется на современном этапе развития фразеологии далеко не однозначно. К тому же существует ряд других факторов, затрудняющих выделение сущности этой категории. Прежде всего, это сложность самого явления и наличие разных точек зрения на природу ФЕ и их формирование и функционирование.

Статус фразеологического значения является предметом изучения и обсуждения во многих фразеологических исследованиях. Одни лингвисты считают,

что между словом и фразеологизмом нет глубокого онтологического различия, и поэтому различие по форме между ними не совпадает с разграничением по значению. Например, М. М. Копыленко, З. Д. Попова (Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки общей фразеологии. Воронеж, 1978), И. М. Шанский (Шанский И. М. Фразеология современного русского языка. М., 1996) и другие придерживаются подобного мнения. На этом основании делается вывод о том, что значение ФЕ является разновидностью лексического значения.

Согласно точке зрения других исследователей, фразеологическое значение отличается от лексического и может быть лишь соизмерно с последним. Эта мысль была высказана одновременно двумя учеными – В. Л. Архангельским (Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964) и А. В. Куниным (Кунин А. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. М., 1964).

«Фразеологическое значение – это инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельно оформленными единицами языка, не образующимися по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов» [4, с. 140].

Итак, фразеологическое значение характеризуется как величина, которая специфическим образом отражает предметы и процессы, состояния и действия окружающего мира. Специфика его состоит не только в обозначении, но и в описании в экспрессивно-эмотивной форме действительности.

Денотативный аспект значения ФЕ представляет собой предметную соотнесенность языковых знаков, объем выражаемого ими понятия. У фразеологизмов предметная соотнесенность проявляется в соотнесенности с определенным лицом, предметом, явлением, ситуацией или состоянием окружающей действительности.

Наиболее яркой особенностью значения ФЕ и, следовательно, важнейшим аспектом ее значения во многих фразеологических исследованиях считается обязательное наличие коннотативного

аспекта, а в некоторых работах – его ведущая роль. Под коннотацией обычно понимается та дополнительная информация, те стилистические оттенки, которые пронизывают содержание языковой единицы.

Описанные аспекты фразеологического значения тесно связаны с такими семантическими параметрами ФЕ, как мотивировка, внутренняя форма, фразеологическая абстракция, переосмысление.

Но большинство исследователей указывают на тесную связь мотивированности и внутренней формы (далее ВФ). Однако не следует смешивать два термина – «внутренняя форма» и «мотивированность».

По-видимому, различие между ними будет сводиться к выявлению той роли, которую каждое из понятий играет в структуре фразеологического значения. Выявление ВФ помогает ответить на вопрос, какие признаки переменного прототипа были положены в основу номинации, а рассмотрение мотивированности позволяет ответить на вопросы, почему фразеологическое значение имеет ту или иную структуру и какие материальные средства были для этого использованы.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что мотивированность непосредственно зависит от характера ВФ. Это проявляется в том, что фразеологизмы в живой ВФ воспринимаются как мотивированные, например: *to stand something on its hand* – поставить что-либо с ног на голову, истолковать что-либо в противном смысле; *to read faces* – читать по лицу, быть хорошим физиономистом; *it is on his face* – у него на лице написано, по лицу видно.

Фразеологизмы со стертой ВФ осознаются обычно как немотивированные, например: *Iron man* – (серебряный) доллар, *Moll Blood* – виселица.

Известно, что переосмысление – процесс переноса – может происходить на основе метафоризации или метонимизации буквального значения переменного прототипа. Это самые распространенные виды переосмысления. Осмысление характера метафорического сдвига в большинстве ФЕ не представляет трудности. Прозрачность ВФ, наглядность образа

и оценочность ассоциаций, порождающие семантический перенос, обеспечивают ясность мотивировки. Например: *to tie somebody's hands* – связывать руки, не давать возможности проявлять инициативу, *to lose one's head* – потерять голову, растеряться.

Метонимизация ФЕ в данном случае заключается в том, что вместо непосредственного наименования какого-либо эмоционального состояния субъекта (радости, удивления, горя, негодования, волнения и т. п.) дается внешнее, паралингвистическое описание этого состояния. Например: *to scratch one's head* – почесать голову (в недоумении), *to shake one's head* – покачать голову (в знак неодобрения, сомнения, несогласия), *wring one's hands* – ломать руки (в отчаянии), *rub one's hands* – потирать руки (от удовольствия). Довольно часто в основе образования ФЕ лежит не реальное, а воображаемое ощущение, не адекватное для того или иного органа чувств. Например: *to sleep with one eye open* – чутко спать, *to pore one's eyes out* – испортить зрение, потерять зрение. Метафоризация и метонимизация семантики ФЕ нередко сопровождаются гиперболизацией образа, положенного в его основу. Для семантики подобных ФЕ характерна крайняя степень проявления какого-либо признака предмета или явления действительности. Например, крайняя степень величины: *up to one's eye* – по уши, по горло, *head over heels* – по уши; крайняя степень близости расположения в пространстве: *at hand* – под рукой, *before one's eyes* – прямо перед глазами.

Значительную по объему группу ФЕ представляют фразеологизмы с компонентом *hand*, основанные на синекдохическом переносе. Семантическая модель в таком случае выглядит следующим образом: «наименование признака + соматизм = оценка опыта субъекта», например: *an old hand* – опытный человек, знаток, мастер своего дела, тертый калач; *a fresh hand* – неопытный работник, новичок; *a bad/poor hand* – неумелый человек, слабый в чем-либо.

Проблема моделирования во фразеологии является перспективным направлением исследований и разрабатывается многими учеными.

Моделирование фразеологического значения обычно проводится в пределах фразеологических полей. Отнесение существительных к определенной семантической группе во многом затрудняется их многозначностью, аналогично и отнесение ФЕ к определенным фразеосемантическим областям (далее ФСО) осложняется тем, что некоторые ФЕ имеют не одно, а несколько значений, часто развивающих одно другое, но иногда и значительно отличающихся друг от друга. Например, *to give smb. works* имеет два значения:

- 1) грубо обращаться с кем-либо;
- 2) убить кого-либо, укокошить кого-либо, где второе значение является производным от первого.

ФЕ *a stroke of work* тоже имеет два значения:

- 1) минимум работы;
- 2) масса работы.

Представляется возможным распределить ФЕ с компонентами существительными по двум большим ФСО. ФСО, описывающая различные аспекты жизнедеятельности человека, его внешность, физические и моральные состояния, поведение, поступки, взаимоотношения с другими людьми и т. п., и ФСО, описывающая окружающий человека мир во всем его многообразии.

В ФСО, описывающей различные аспекты деятельности человека, выделяем следующие фразеосемантические поля (далее ФСП). Например, ФСП «Наименование человека»: *queen hearts* – покорительница сердец, *Father of History* – Геродот; ФСП «Характеристики человека»: *a shot in the eye* – подлость, гадость, *bury one's head in the sand* – закрывать глаза на факты, придерживаться страусовой политики; ФСП «Физические и моральные характеристики человека»: *bad wind* – одышка, *to be in a fat city* – быть в отличном настроении; ФСП «Эмоции, чувства человека»: *hot blood* – пылкость, страстность, *in cold blood* – хладнокровно; ФСП «Взаимоотношения между людьми»: *to do smb. in the eye* – обманывать, надувать, *to add oil to the fire* – подливать масло в огонь; ФСП «Поведение, поступки человека»: *to hit the books* – усиленно заниматься, усердно взяться за учебу, *to please one's eyes and plague*

one's heart – выйти замуж по расчету, вопреки чувству; ФСП «Возрастные характеристики человека»: *the age of consent* – брачный возраст женщины, *the awkward age* – переходной возраст; ФСП «Географические названия», ФСП «Время», ФСП «Политика, бизнес, закон, явления природы, спорт» и т. п.

Из приведенных выше наблюдений можно сделать следующие выводы:

1. Полный инвентарь факторов, оказывающих влияние на ФА слова, включает: частотность, полисемию, слоговый состав, характер и источник происхождения, тематическую принадлежность, устойчивость к переосмыслению и т. д.

2. Объяснение причин более высокой ФА одних слов и более низкой ФА других слов, обладающих одинаковыми наборами общих параметров, следует искать в особенностях их семантики.

3. К проблеме ФА слова следует подходить с точки зрения значимости составляющих ФЕ компонентов и их влияния на становление фразеологического значения. В силу своей онтологической природы существительные играют очень важную роль в формировании ФЕ и, соответственно, семантики ФЕ.

Библиографический список

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964. – 316 с.
2. Добровольский Д. О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизмов // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и машинного фонда языка. – М., 1988.
3. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки общей фразеологии. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1978. – С. 25–28.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М. : «Высшая школа»; Дубна : Издательский центр «Феникс», 1996.
5. Кунин А. В. Фразеологизация и источники ФЕ // Словообразование и фразеологизация. – М., 1979.
6. Кунин А. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – М., 1964.
7. Мелерович А. М. Семантическая структура ФЕ в современном русском языке как лингвистическая проблема. – Л., 1980.

8. Муминов А. Опыт исследования активности слов и факторов, ее обуславливающих. – М., 1972.
9. Новикова Л. В. Фразеологическая активность прилагательных в современном английском языке. – М., 1987.
10. Орлова И. М. Фразеологическая активность членов лексико-семантической группы, объединенной общим значением «явления растительного мира» // Вопросы фразеологии и фразеоматики : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1983. – С. 46–54.
11. Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. – Баку, 1966. – 252 с.
12. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
4. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka. – М. : «Vysshaja shkola»; Dubna : Izdatelskij centr «Feniks», 1996.
5. Kunin A. V. Frazeologizacija i istochniki FE // Slovoobrazovanie i frazeobrazovanie. – М., 1979.
6. Kunin A. V. Osnovnye ponjatija frazeologii kak lingvisticheskoj discipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologičeskogo slovarja : avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk : 10.01.01. – М., 1964.
7. Melerovich A. M. Semantičeskaja struktura FE v sovremennom russkom jazyke kak lingvističeskaja problema. – L., 1980.
8. Muminov A. Opyt issledovanija aktivnosti slov i faktorov, ee obuslovlivajushhih. – М., 1972.
9. Novikova L. V. Frazeologičeskaja aktivnost prilagatelnyh v sovremennom anglijskom jazyke. – М., 1987.

Bibliografičeskij spisok

1. Arhangelskij V. L. Ustojčivye frazy v sovremennom russkom jazyke. – Rostov-na-Donu, 1964. – 316 s.
2. Dobrovolskij D. O. O vozmožnosti modelirovanija vnutrennej formy frazeologizmov // Leksikografičeskaja razrabotka frazeologizmov dlja slovaraj različnyh tipov i mashinnogo fonda jazyka. – М., 1988.
3. Kopylenko M. M., Popova Z. D. Očerki obshhej frazeologii. – Voronezh : Izd-vo Voronežskogo universiteta, 1978. – S. 25–28.
10. Orlova I. M. Frazeologičeskaja aktivnost členov leksiko-semantičeskoj grupy, obedinennoj obshhim znacheniem «javlenija rastitelnogo mira» // Voprosy frazeologii i frazeomatiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. – М., 1983. – S. 46–54.
11. Tagiev M. T. Glagolnaja frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. – Baku, 1966. – 252 s.
12. Shanskij N. M. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. – М. : Specialnaja literatura, 1996. – 192 s.

© Калимова Ж. У., 2015

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕЗОННЫХ СЛОВ «КИГО» В ЯПОНСКИХ ХАЙКУ

А. А. Кулачикова

*Филолог,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

DIACHRONIC ASPECT OF THE LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF KIGO IN JAPANESE HAIKU

A. A. Kulachikova

*Philologist,
M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Summary. Changing of the associations, which are connected with a particular season, is the cause of the emergence of new seasonal words "Kigo". In this research analyzed about seventy "Kigo" in haiku of the four periods of the XX–XXI centuries: the pre-war (1900–1939), the military (1939–1945), the post-war (1945–1999), modern (2000–2014). As a result: mostly changed the usage of spring "Kigo" and the most insignificantly – winter. The diachronic development of the stylistic features of "Kigo" is fully explained by the changing of stylistic function which was performed by seasonal words until the XXI century. In the period of the XX–XXI centuries seasonal words "Kigo" depended on historical events in Japan, which had a great influence on the mentality of the Japanese nation.

Keywords: haiku; seasonal word; kigo; Japanese poetry; lexical and stylistic features; diachronic aspect.

Сезонное слово «киго» является отличительной чертой японской поэзии хайку в мировой литературе, которая проявляется и в произведениях современных японских поэтов. Киго тесно связано с менталитетом, поэтому изменение восприятия окружающего мира приводит к изменению ассоциаций, связанных с тем или иным сезоном. Это и влечет за собой появление новых сезонных слов «киго».

В процессе изучения теоретического материала по данной теме было отмечено отсутствие понятия «сезонное слово «киго» с точки зрения стилистики. Кроме того, после подробного изучения данного литературоведческого термина и термина «изобразительное средство художественного стиля» было выявлено, что эти понятия имеют схожие моменты в толковании, что доказывает причастие «киго» к изобразительным средствам. Таким образом, в ходе исследования разработано определение термина «сезонное слово «киго» с точки зрения стилистики.

Сезонное слово «киго» – это изобразительное средство японского художественного стиля, представленное

в тексте в виде слова или выражения, указывающего по принципу ассоциаций на образ закрепленного за ним сезона, который, в свою очередь, задает тему целому произведению.

В данной исследовательской работе было проанализировано порядка 70 сезонных слов «киго» в хайку четырех периодов XX–XXI веков: довоенном (1900–1939), военном (1939–1945), послевоенном (1945–1999), современном (2000–2014). Анализ был основан на двух классификациях, предложенных «Мировым словарем сезонных слов» [1], который делит киго на семь тематических групп (сезоны, небо, земля, человечество, традиции, животные, растения), а также по сезонам (весна, лето, осень, зима, Новый год).

В ходе анализа сезонных слов **довоенного периода** были выявлены следующие лексические особенности: данному периоду характерны киго, относящиеся к группе «Растения», а также киго, символизирующие весну. Стилистические особенности сезонных слов данного периода хорошо видны на наглядном примере:

柔らかき竹のこ夜は飲むつもり

В данной хайку сезонные слова – «побеги бамбука» (竹のこ). В свое время Мацуо Басё ввел выражение «день посадки бамбука», которое стало образом лета. Так как «для бамбуковых характерна большая скорость роста», то день посадки и момент прорастания бамбука почти не отличаются. Таким образом, мы видим, что хорошо прослеживается ассоциативный ряд, соединяющий сезонное слово и образ сезона.

В военные годы хайку претерпевает большие изменения, на поэзию очень сильно влияет социальная тематика. Многие трехстишия уже пишутся

火の奥に牡丹崩るるさまを見つ

Сезонное слово «пион» (牡丹) – лето. Слово «огонь» (火) означает последнее военных действий. Также мы видим явное противопоставление семантических полей слов 牡丹 и 火 – борьба между «безмятежностью» и «тревогой», «природой» и «человеком», сезонным словом и военной тематикой.

眼の中にキリン駆けたる花ざかり [4]

Словосочетание «цветы распустились» (花ざかり) является сезонным, определяющим весну. Слово «цветы» (花) относится к категории «Растения». Главной изюминкой этого хайку является упоминание мифического существа Кирина (キリン), данное слово в сочетании с киго создает неожиданный образ. Существо Кирина тесно связано со сменой сезонов, таким образом, значение данного трехстишия – «резкое, внезапное наступление весны».

Этой ночью проросли
Нежные побеги бамбука,
Жаждающие напиться... [2].

Омаки Хиро (1907) (пер. А. Бельх)

без намека на сезон, но также существуют военные хайку с наличием сезонного слова, где прослеживается такая тенденция: наиболее употребляемыми являются слова категории «Растения», наблюдается значительное повышение употребления киго осени и зимы, а также явное снижение использования слов, символизирующих весну. При этом киго продолжают выстраивать ассоциативные ряды, но вступают в новые семантические отношения с другими лексическими единицами, представленными в хайку; также сезонная тема уступает теме войны.

Увидел, как
Распадаются, корчась, пионы
В пучине огня [3].

Катоо Шюсон (1944–1945) (пер. Т. Соколова-Делюсина)

Послевоенный период посвящен сезонной тематике, заметно отошла на второй план социальная тема. Наиболее употребляемые сезонные слова принадлежат к категории «Растения», а также повысилось использование сезонных слов, указывающих на лето.

Словно Кирин пробежал
Предо мной.
Цветы распустились.

Окай Сёдзи (1976) (пер. наш)

Современный период хайку ознаменован социальной тематикой в тесной связи с сезоном. Данная тенденция имела предпосылки еще в конце XX века. Многие люди постепенно стали говорить о страшных событиях Хиросимы и Нагасаки, также после 2011 года темой хайку становится Великое землетрясение, из-за чего увеличивается употребление сезонных слов категории «Традиции». Самый высокий уровень использования у слов категории

«Сезоны», а также у весенних киго. Стилистическая особенность сезонных слов заключается в их семантической связи с другими лексическими единицами, отражающими истори-

ческие события, с целью указания на сезон (временные рамки). Другими словами, сезонное слово в японской поэзии XXI века не задает тему тексту хайку.

妙齡の地震に殉職梅の花 [5]

В землетрясении чудных лет своих
Встречу смерть на посту.
Цветы сливы.

Оикава Минамото (2013) (пер. наш)

Киго данного стихотворения «цветы сливы» (梅の花) – киго весны – не только определяет принадлежность хайку к определенному сезону, но и с точностью указывает на период описываемого события. Японская слива цветет в начале марта, именно в это время начались первые землетрясения 2011 года в Японии. Хотя данное киго в классической поэзии – киго зимы, но в этом случае оно лишь уточняет время произошедшего бедствия.

В результате анализа было выявлено, каким образом менялась частота использования сезонных слов в разные периоды XX–XXI веков. Самым сильным изменениям подверглась частота использования киго весны, а самым незначительным – киго зимы.

Диахроническое развитие стилистических особенностей сезонных слов выражается в смене стилистической функции, выполняемой сезонными словами до конца XX века. В результате сильного влияния социальной тематики сезонные слова стали употребляться в неразрывной семантической связи с другими словами, в частности отражающими исторические события, с целью указания на сезон (временные рамки) события. Также из-за использования сезонных слов, имеющих в своем составе иероглифы наименования сезона, практически исчерпана необходимость в процессе выстраивания ассоциативных рядов. Тем не менее сезонные слова продолжают создавать образы природы и своим присутствием повышать выразительность текста произведения. Также на протяжении всего развития японской поэзии XX–XXI столетий наблюдается тенденция зависимости се-

зонных слов «киго» от исторических событий Японии, которые оказали большое влияние на мировосприятие японской нации.

Библиографический список

1. WKD (World kigo database) // Электронный словарь сезонных слов. URL: <http://worldkigo2005.blogspot.ru/p/wkd-saijiki-list.html>.
2. Белых А. Из современной японской поэзии // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/belyh/modern-haiku.html>.
3. Соколова-Делюсина Т. Поэзия хайку в Японии в XX веке // Хайкумена. URL: http://haikumena.haiku-do.com/issue1/japanese_haiku.php.
4. 俳句工房 [ZA]. URL: <http://homepage3.nifty.com/a-un/za/meiku/haru.html>.
5. 東日本大震災句集 わたしの一句』 (宮城県俳句協会). URL: <http://kanchu-haiku.typepad.jp/blog/2013/09/宮城県俳句協会編東日本大震災句集-わたしの一句宮城県俳句協会という冊子が出.html>

Bibliograficheskij spisok

1. WKD (World kigo database) // Jelektronnyj slovar sezonnyh slov. URL: <http://worldkigo2005.blogspot.ru/p/wkd-saijiki-list.html>.
2. Belyh A. Iz sovremennoj japonskoj poezii // Setevaja slovesnost. URL: <http://www.netslova.ru/belyh/modern-haiku.html>.
3. Sokolova-Deljusina T. Pojezija hajku v Japonii v HH veke // Hajkumena. URL: http://haikumena.haiku-do.com/issue1/japanese_haiku.php.
4. 俳句工房 [ZA]. URL: <http://homepage3.nifty.com/a-un/za/meiku/haru.html>.
5. 東日本大震災句集 わたしの一句』 (宮城県俳句協会). URL: <http://kanchu-haiku.typepad.jp/blog/2013/09/宮城県俳句協会編東日本大震災句集-わたしの一句宮城県俳句協会という冊子が出.html>

© Кулачикова А. А., 2015

УДК 008:351.858 (130.2)

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ЮГРЫ**

И. М. Куликова *Кандидат филологических наук, доцент,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия*

**ARTISTIC REALIZATION OF THE THEME
OF WAR IN MODERN REGIONAL PROSE UGRY**

I. M. Kulikova *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Surgut State University,
Surgut, Khanty-Mansi Autonomous District - Ugra, Russia*

Summary. The article describes the features of the topic of the war in prose the writers of the region – Ugra. The author traces the development of the works of contemporary writers of literature traditions 60–80th years, provides an analysis of the ideological and artistic ways of realization of the theme. Prose Ugra develops the tradition of “military” and “village” prose. Writers reflect consumer side of the war, the inner world of the soldiers, wartime childhood. Front-line events not displayed, they are the backdrop for the description. The authors use the style of a documentary narration, taking the story in the narrative, symbolism and others, seek to influence the reader emotionally. Fixing the break in the chain of generations of memory and its consequences, the main motive writers make restoration of “broken memory” of the war.

Keywords: “military prose”; “village prose”; “truth memory”; documentalism; psychologism; wartime childhood; the theme of “broken memory”.

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не нашла полномасштабного отражения в советской литературе Югры, несмотря на то, что многие писатели и поэты прошли фронтовой путь, после войны активно включились в общественную и литературную жизнь. Причина этого заключена в характере мировоззрения северных народов, принимающих только тот мир, который не является внешним по отношению к человеку, когда каждый «способен идентифицировать себя с явлениями окружающего мира, где все такое же живое, как он сам, но иное» [2, с. 17]. Мировая война шла далеко от этих мест, и ассоциировалась она с чем-то чужим и противостественным. Здесь люди по-прежнему жили в родном и близком доме – в тайге, по берегам речушек. Война напрямую не коснулась устоявшегося уклада. Серьезные социально-экономические, экологические, политические и другие проблемы, начиная с 60-х гг. XX века, отвлекали внимание художников.

Интерес к теме Великой Отечественной войны в литературе Югры проявился в последние 15–20 лет. Однако и сейчас можно говорить лишь об от-

дельных произведениях нескольких авторов, количественно данная тема представлена незначительно. Современная литература о войне создается преимущественно теми, кто родился после войны и знает о ней по литературным или документальным текстам, по рассказам и воспоминаниям очевидцев. Единичны произведения, созданные теми, чье детство пришлось на годы войны. Главное в произведениях этих авторов (рассказы М. Анисимковой) – стремление воплотить «правду памяти» (В. Распутин). Общую особенность произведений, созданных художниками, родившимися после войны, условно можно определить как «память сердца». Эти тексты основаны на рассказах фронтовиков о войне, чьих-либо воспоминаниях о военном детстве либо связаны с описанием послевоенной судьбы участников сражений. Данные произведения тесно связаны с «правдой памяти», но «чужой» правдой, пропущенной через собственное сердце и оттого ставшей «своей» памятью. Правда «чужой» памяти здесь сохранена. Сюда относятся рассказы Е. Айпина, С. Козлова, Н. Лексиной, Б. Карташова.

Стремление максимально приблизить повествование к правде войны создает иллюзию, что перед нами не чисто художественный текст, а полудокументальное произведение, близкое по своей идейно-стилистической направленности к работам А. Адамовича («Хатынская повесть», «Каратели») и С. Алексеевич «У войны не женское лицо». Многие произведения построены как рассказ в рассказе, когда о событиях своей военной жизни повествует фронтовик. При этом присутствие автора минимально, в основном слышен голос самого рассказчика. Повествователь выступает лишь в роли «медиатора», воспроизводящего чужую точку зрения. Он появляется только в конце произведения, чтобы добавить несколько штрихов к описываемому или логически завершить повествование. Так построены рассказы Е. Айпина «В окопах, или Явление Екатерины Великой» и «В полете в бездну». Первый из названных рассказов начинается фразой: «Расскажу о женщинах на войне. Попал я на фронт...». Лишь последние пять предложений – речь повествователя: без оценок, только сообщение о факте смерти героя поздним сентябрьским днем («тихо умер») «на покатоном склоне ямы-промоины». В новелле Б. Карташова «Шесть часов оккупации» повествователь формально отсутствует, но признаки «чужого» присутствуют, проявляясь в самой манере повествования (форма передачи детского восприятия войны) и в последней ремарке: «Больше немецких солдат здесь не было». В тех произведениях, где повествователь проявлен (он является рассказчиком), голос «первичного» источника слышен: повествователь «воспроизводит» слышанный от кого-либо рассказ о событии на войне или судьбе фронтовика. Так, цикл новелл Б. Карташова имеет подзаголовок «Фронтные были». Некоторые рассказы этого цикла построены как биография героя («Сын полка», «Русский финн», «Склонен к побегу», «День Победы»).

При различии литературных манер, стилей, жанров и подходов большинство текстов характеризуется следованием традициям, заложенным литературой 60–80-х гг. Современная литература создана на пересечении

«военного» и «деревенского» направлений. Именно «военная проза» начала показывать «окопную» правду войны глазами молодых лейтенантов (Ю. Бондарев, А. Бакланов, К. Воробьев). Позже литература этого направления стала фокусировать внимание на событиях «местного значения», поведении человека в экстремальной ситуации, на маленьком «плацдарме», далеком от основных боев, на фронтовом быту, на отношениях людей (В. Астафьев, В. Быков, Б. Васильев). Современные писатели Югры логически развивают эту тенденцию, отображая в основном бытовую сторону войны, ежедневные взаимоотношения людей, личную жизнь простых солдат. Сами военные события здесь не являются объектом изображения, они становятся фоном, на котором разворачиваются отношения людей. Война как таковая отходит на второй план, и описывается она с позиций мирной жизни, ценности которой определяют поведение и чувства героев. «На войне как на войне» – такой лейтмотив здесь присутствует, но доминирует другой: «на войне как в мирной жизни». Победа мира, мирной жизни над войной в *сознании* людей – основной ракурс современной «военной прозы» Югры.

В рассказе Е. Айпина «В окопах...» события происходят на «второй линии наступления», которая расценивалась бойцами как «короткий передых»: «Пахло сырой землей, порохом и одновременно весной». Повествование идет «о женщинах на войне». Эта ремарка в самом начале произведения отсылает к книгам Б. Васильева «А зори здесь тихие», С. Алексеевич «У войны не женское лицо» и др. Фронтовой быт, отношения бойцов и командиров с женщинами, любовь молодого ординарца к юной радистке, их краткие взаимоотношения и гибель девушки – основные события рассказа. Писателя интересует глубина психологического состояния и переживаний его героя. Трагедия личной жизни вновь возвращает его в реальность: «Пахло сырой землей, водой и тротилом. Пахло войной».

Подобный подход к изображению войны характерен и для цикла рассказов Б. Карташова «Разорванная память (Фронтные были)». В новелле «Заград-

отряд» описано совместное распитие штрафбатовцами и их охранниками из заградотряда спирта из цистерны, найденной в занятом городе. В новелле «Одна ложка на двоих» в спокойном «бытовом» тоне сообщается об авианалете фашистов, в результате которого погиб один из бойцов, а его другу досталась единственная ложка, выданная на двоих. В рассказе «Баня» сообщается о некрасивой драке между рядовым бойцом и ординарцем командира, который пошел мыться без очереди, и о наказании, ожидавшем солдата в условиях фронта.

Некоторые произведения региональных писателей созданы по воспоминаниям о военном детстве в глубоком тылу, но тоже преимущественно на основе «не своих» воспоминаний. Исключение составляет рассказ М. Анисимковой «Лейтенантова жена», хотя и здесь в основу сюжета легли не только личные воспоминания писательницы. В произведении главное внимание уделено обычным детским заботам и интересам: школьным обидам, дракам, созданию школьного оркестра и пр. Война в какой-то степени присутствует в детской жизни, однако она все же менее значима для них, чем обычные заботы. О ней говорят вскользь: прежний директор школы ушел на фронт, у нового директора – протез вместо ноги, учительница истории – эвакуированная и Ленинграда. Почти не меняет ситуации и расположение госпиталя в школе. Название рассказа, в которое вынесена строчка из частушки («Неужели я не буду лейтенантова жена?» – поет героиня), подчеркивает особенности детского восприятия мира и психологии.

Тот же подход можно увидеть в рассказе Е. Айпина «В полете в бездну». Но здесь, по воле автора, война оказала более заметное влияние на жизнь детей в таежной Западной Сибири. Участь в школе, герой на уроки «летал», потому что не было обуви и теплой одежды. По-разному преодолевали и голод. Однако в описании тех лет отсутствует элемент трагичности (несмотря на эпизод, когда четвероклассник, вынужденный учиться и работать, едва не замерз по дороге домой). И совсем уж вскользь отмечено, что все хозяйство держалось на женщинах: рыбная ловля, лесозаготовки, погрузка и прочее. В этом изо-

бражении войны своя правда: дети воспринимают войну иначе, и многое проходит мимо их сознания либо забывается, сглаживается в памяти.

В рассказе Б. Карташова «Шесть часов оккупации» описано несколько часов войны, пережитой маленьким ребенком. Предельно обыденный тон повествования подчеркивает жестокость и нелепость происходящего. Сознание шестилетнего мальчика не может понять смысл расстрела двоих взрослых мужчин и гибели трех девушек. Не может он понять и того, зачем деревенских жителей продержали на улице шесть часов, если после этого немецкие солдаты уехали и в течение трех лет ни германских, ни советских войск в селе больше не было. Вся война уложилась в шесть часов оккупации, больше детская память ничего не сохранила.

Дальнейшее развитие получили и традиции «деревенской прозы», которая запечатлела трагедию разрыва с корневыми основами национальной жизни. Современная проза Югры фиксирует разрыв в цепи памяти о войне, разрыв не менее трагичный по своим последствиям, чем отказ от народных ценностей. Нравственно-философское осмысление разрыва в цепи памяти поколений и его последствий привело к тому, что основным мотивом в югорской литературе стал мотив восстановления «разорванной памяти» о войне.

Тема «разорванной памяти» решается в двух плоскостях. На индивидуальном, личностном уровне это разрыв в памяти самих участников войны. Послевоенная жизнь для многих героев – это «другая жизнь», практически никак не связанная с войной, лишениями и страданиями, зачастую несправедливостью. В их нынешнем бытии она не присутствует, а если и появляется, то эпизодически (празднование Дня Победы, воспоминания о военном детстве, о любимых). Проекция в современность необходима, чтобы зафиксировать этот разрыв между военной и послевоенной судьбой фронтовиков.

«Разорванная память» в миниатюрах Б. Карташова – это «две жизни», которые проживает каждый из фронтовиков. Наиболее показателен в данном отношении рассказ «Русский финн», где повествуется о человеке, высланном

на север после войны с Финляндией и впоследствии бежавшем от тяжелой жизни. Сменив фамилию, он прожил «целую жизнь»: на похоронах «говорили о нем хорошо». На том же противопоставлении военной и послевоенной жизни построены новеллы «Склонен к побегу», «День Победы» и др. В значительной части новелл Б. Карташова рассказывается о благополучно или неблагополучно сложившейся жизни бывших участников боев. Кто-то из них прожил жизнь непросто, но в целом достойно и заслужил уважение людей («Сын полка», «Русский финн», «Склонен к побегу»). Кто-то прожил долгую и счастливую жизнь, но в ее конце получил неожиданный удар (в годы перестройки наркоманы изнасиловали и убили внучку) и умер от разрыва сердца («Первая награда»). Кто-то спился, стал бомжем («Банкет»), кто-то попал в тюрьму («День Победы»). Но во всех «биографиях» мирная жизнь отделена от военной жизни по своей смысловой и ценностной наполненности.

Герои Е. Айпина тоже выжили на войне и вернулись к мирной жизни. Состоялась гражданская и личная жизнь персонажа из рассказа «В полете в бездну». Герой рассказа «В окопах...» построил дом, создал семью, родил детей, работал. Но время от времени он возвращается в мыслях к войне и любимой девушке, пытаясь восстановить «разорванную память». Он полвека мечтает воссоединиться с ней после смерти. Слияние «двух жизней» в единое целое у писателя возможно только после смерти. Незадолго до нее воспоминания о военном детстве приходят и к герою рассказа «В полете...», когда он возвращается к самому себе, к тому, с чего начинал жизнь, – к военному детству.

Современная проза фиксирует и разрыв в общественном сознании, забвение фронтовиков и ужасов войны. К восстановлению этой памяти обратились такие писатели, как Б. Карташов и С. Козлов.

Проблема «разорванной памяти» у Б. Карташова не просто центральная, она заявлена в заглавии произведения. Первая миниатюра – «Банкет» – сразу же констатирует проблему разрыва в цепи памяти в масштабах всего общества. Спившегося бомжа охрана пытается не пропустить в банкетный зал,

где отмечается День Победы. И только реплика другого ветерана, что у этого человека два Ордена Отечественной войны, временно меняет ситуацию. Но конечная фраза мини-новеллы («так и помрет») фиксирует современное отношение к памяти войны и ветеранам. Восстановление «разорванной памяти» намечено только в миниатюре «Сын полка» – о спасенном фронтовиками мальчишке, награжденном за участие в боях медалью «За отвагу», потом отправленном в Суворовское училище, откуда тот бежал и где оставил свою награду. Возвращение герою медали в конце его жизни и есть восстановление «разорванной памяти» о войне на социальном уровне.

Попытка символично-философского осмысления войны характерна для рассказа С. Козлова «Самый неизвестный солдат». Здесь в центре – проблема забвения героев войны, ответственность современников за потерю памяти о прошлом. Для художественного решения заявленной проблемы автор использует своего рода кольцевую композицию, реминисценции, символику.

Символично здесь все: и сам образ целиком, и «детали», выделенные автором. Фиксация «разорванной памяти» осуществляется через обозначение данной в советском лагере фамилии главного героя – Непомнящий. Соотнесение с именем, полученным в фашистских лагерях (последний из которых – Бухенвальд), – Иван (в значении «русский») – отсылает читателя к известному выражению «Иваны, родства не помнящие». Однако в данном случае, как справедливо подмечено исследователями [3, с. 122], вины самого героя в этом нет. Вина возлагается на окружающих, которые забыли о ветеране по причине того, что вокруг много другого – «главного и важного». «Неlepая», «одинокaя медалькa» становится знаком, «атрибутом» забытого обществом участника войны. Символический подтекст заключен и в самой параллели: «безымянная» медалька – фамилия Непомнящий. Символично и то, что медаль никак не обозначена: «Такая есть у каждого ветерана». Символизм и в отсутствии речи, как будто онемел не только герой, но и окружающие, забывшие о войне. Символично

внезапное исчезновение героя: никто не заметил, «когда и куда он исчез».

Восстановление «разорванной памяти» в рассказе проявлено в нескольких моментах. Во-первых, во встрече героя через много лет после войны с однополчанином, который называет имя солдата и отдает ему свою медаль. Во-вторых, в том, что Саня-Иван все же помнит, что он «Рус-ский», что «На-ши ле-тят» и «Слу-жу тру-до-во-му на-ро-ду!». В-третьих, в изменении позиции повествователя. Если сначала герой представлялся ему нелепым, даже ничемным человеком, на груди которого «нелепо грустила одинокая медалька», то в конце рассказа появляется осознание собственной вины за потерю памяти о прошлом, за забвение тех, кто воевал. И «одинокая безымянная медалька» приобретет иной смысл: символ защитника Отечества, который не видел в своем подвиге ничего значительного. Возникают некоторые ассоциации с образами Ивана Африкановича у В. Белова («Дело привычное – жизнь») и Василия Теркина у А. Твардовского («Нет, ребята, я не гордый... Я согласен на медаль»).

Последние события рассказа, его концовка относят нас к эпитафиям – статье из словаря В. Даля о памяти и эпитафии на могиле Неизвестного солдата: «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Композиция рассказа замыкается, подчеркивая мысль о необходимости «хранить, помнить *сознание* о былом» (Даль), помнить о подвиге тех, кто воевал, даже когда вокруг совсем другая жизнь.

В рассказе молодой местной писательницы Н. Лексиной «Дедушкина культа» восстановление памяти о войне связано не с произведениями о подвигах далеких героев. Восстановление идет через непосредственное эмоциональное переживание, через «эмоциональный контакт» с правдой войны. Потрясение, испытанное девочкой-школьницей при виде культа близкого ей человека – дедушки, приблизило войну к ней: «не в силах осмыслить до конца, что произошло там, на войне,.. но в то же время чувствуя, что совершилось что-то страшное, непоправимое» [1, с. 262]. И потому для нее «война – это дедушкина культа». Н. Лексина подчеркивает необходимость не рационального, а именно

чувственного понимания войны. Восстановление «памяти войны» сегодня идет через малое, но конкретное, реальное явление, событие, факт, через чувство кровной сопричастности к ужасу войны, к смерти близких людей.

Синтезируя и развивая традиции предшествующей литературы, современная проза Югры в воплощении темы войны делает упор на изображении внутреннего мира человека, на личных чувствах, на обычной, «бытовой» стороне жизни на фронте или в тылу, на ценностях мирной жизни, которые ставятся выше войны. Писатели стремятся максимально приблизить повествование к реальности, создать иллюзию «документальности», чтобы воздействовать на читателя эмоционально и через «сопереживание», через «малое» понять истину. Художественное решение названной темы в литературе Югры можно определить как движение от фиксации «разорванной памяти» – через философское осмысление «памяти о войне» – к пониманию «кровной связи» молодого поколения с трагедией войны.

Библиографический список

1. Лексина Н. Дедушкина культа // Эринтур (Поющее озеро): альманах писателей Югры. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2014. – Вып. 19. – С. 260–264.
2. Молданова Т. А. Хантыйское мироощущение в творчестве Г. С. Райшева // Геннадий Райшев: Грани творчества: материалы научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2000. – С. 16–24.
3. Семенов А. И. Своеобразие конфликта: война в прозе Сергея Козлова // Исследования и литература о Великой Отечественной войне: современные дискуссии: материалы научной конференции, г. Ханты-Мансийск, 13 декабря 2010 г. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2011. – С. 120–131.

Bibliograficheski spisek

1. Leksina N. Grandfather stump // Erintur (Singing Lake): almanac writers Ugra. – Sofia Univ. house «News of Ugra», 2014 – Issue 19. – P. 260–264.
2. Moldanova T. A. Khanty attitude in the work of G. S. Raishev // Gennady Raishev: The Edge of creativity: Proceedings of the conference. – Khanty-Mansiysk: Printing, 2000. – P. 16–24.
3. Semenov A. I. The peculiarity of the conflict: the war in prose Sergey Kozlov // Research and literature on the Great Patriotic War: contemporary debates: Proceedings of the conference, Khanty-Mansiysk, December 13, 2010. – Khanty-Mansiysk: Print-class, 2011. – P. 120–131.

© Куликова И. М., 2015

**К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ**

М. И. Логачева

*Старший преподаватель,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия*

SOME CHARACTERISTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL ANTONYMS

M. I. Logacheva

*Teacher,
Povolzhsky State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Summary. The given article is devoted to characterizing the phraseological antonyms. It specifies the concept of antonymy itself. It touches upon the differentiation of some aspects of antonymy. It points out the irreconcilable a counter antonymy. Then the article describes the gradual opposition. It stresses that the opposition is the specific kind of distinction. It also mentions the phenomena closely connected with antonymy such as pseudo-antonymy and twoness. The article describes the relationship of the uniform antonyms in the context and touches upon the diverse antonyms. It also considers the so called pragmatical antonyms. The article states that phraseologisms are more sophisticated than words in structural-semantic aspect.

Keywords: phraseological antonyms; irreconcilable; counter antonymy; pseudo-antonymy; twoness; gradual opposition; uniform; diverse antonyms.

Большой интерес для исследования представляют английские фразеологические антонимы. Прежде чем охарактеризовать их, необходимо уточнить понятие антонимии.

Антонимия обычно определяется как противоположность значений и подразделяется на контрадикторную (= комплементарную) и контрарную.

Контрадикторные антонимы, по этим представлениям (см., например: [2, с. 218]), состоят в привативной оппозиции, в комплементарном отношении (вместе они исчерпывают некоторую семантическую область), обозначают наличие / отсутствие у объекта того или иного бытийного признака и образуют дихотомию, например: *natural – unnatural (= not natural)*.

Контрарные антонимы «обнаруживают градуальную (ступенчатую) оппозицию» [1, с. 262] и предполагают наличие промежуточных единиц на шкале (например, *ugly – plain – good-looking – beautiful*).

Это толкование антонимии нуждается в уточнении. Качественная определенность вещи устанавливается через множество оппозиций с другими вещами и выявление дифференциальных при-

знаков. В своей совокупности, становясь интегральными, эти признаки составляют качественную определенность вещи. Но не всякая оппозиция вещей обуславливает их противоположность. Противопоставить в теоретических или практических целях можно любые различающиеся между собой вещи, но противоположность – это особый вид различия.

Если рассмотреть, например, английские слова *man* “adult male human being” и *boy* “non-adult male human being” [OALD]. Их значения различаются наличием / отсутствием семы [adult]. Значит, они состоят в привативной оппозиции (по наличию / отсутствию признака), в комплементарном отношении (вместе они исчерпывают семантическую область “male human beings”) и образуют дихотомию, то есть отвечают вышеприведенному определению контрадикторных антонимов. Тем не менее, их значения нельзя назвать противоположными. Слова *man* и *boy* – не контрадикторные антонимы и вообще не антонимы.

Далее следует уточнить, что имеется в виду, когда говорится, что контрарные антонимы «обнаруживают градуальную оппозицию». Они находятся

на полюсах градуальной оппозиции, но между собой они состоят не в градуальной, а в эквиолентной оппозиции.

Но не всякая эквиолентная оппозиция объектов обуславливает их противоположность. Например, английские слова *man* “adult male human being” и *woman* “adult female human being” [6] состоят в эквиолентной оппозиции по признакам [male] :: [female], но не являются контрарными антонимами и вообще антонимами.

Следует, правда, оговориться, что в ряде случаев различие трактуется как противоположность, но такая трактовка носит не логический, а практический, утилитарный характер и вызвана какой-либо частной необходимостью, которая нередко обусловлена эпохой, идеологией и т. п. Так, в русле советской идеологии идейно антагонистическими считались концепты “нацизм” и “большевизм”, а с позиций западной либеральной демократии они трактовались скорее как однопорядковые, чем как противоположные.

Пары типа *day – night, earth – heaven, soul – body, nature – civilization, human being – animal, prose – verse, rational – emotional, mental – physical* иногда называют прагматическими антонимами. Но эти противопоставления относятся к области культуры, а не языка; они не обусловлены семным составом языковых единиц. Поэтому не стоит считать их подлинными антонимами. Если счесть их антонимами, то правы окажутся те, кто отождествляет различие с противоположностью – например, персонаж юморески М. Зощенко, говоривший о другом персонаже: «Откуда я знаю, что у него болит – сердце или, наоборот, печень...», или девушка, ищущая совета в Интернете: «Кого лучше завести – кошку или, наоборот, собаку?»

Что же представляют собой подлинные антонимы? Это языковые единицы, имеющие не просто кем-то противопоставленные, но противоположные друг другу значения. Уточним, что значит слово *противоположный*. Согласно толковым словарям, это слово имеет три значения:

- 1) «расположенный напротив»;
- 2) «направленный в обратную сторону»;

3) «совершенно не сходный с кем-либо, чем-либо» [5].

Первые два значения различаются семами «статика – динамика», но в обоих случаях подразумевается наличие некоего расстояния (отрезка прямой линии), на концах которого располагаются противоположные объекты (либо неподвижные, либо движущиеся в разных направлениях, но по одной и той же прямолинейной траектории). Соответственно, антонимичными являются языковые единицы, имеющие такие значения, как «старт – финиш», «входить – выходить», «подниматься» – «спускаться» и т. п.

Что касается третьего (фигурального) значения, его вышеприведенное определение («полное несходство») представляется некорректным. Полное несходство предполагает отсутствие общих признаков. Но «две вещи ... не обладающие ни одним общим признаком ... никак не могут быть противопоставлены друг другу», – справедливо указал Н. С. Трубецкой [3, с. 75].

Прояснив некоторые принципиальные вопросы по поводу сущности антонимии вообще, следует обратиться непосредственно к английским фразеологическим антонимам.

Прежде всего, отметим, что фразеологизмы структурно-семантически сложнее слов, и не каждый из них соотносится с отдельным словом. Поэтому в некоторых случаях фразеологизм, в отличие от слова, в одном и том же значении может иметь два антонима по разным семантическим линиям. Например, фразеологизм *to wash one’s dirty linen in public* имеет узуальный антоним *to wash one’s dirty linen at home* (по линии «открыто – скрытно»).

Но по линии «неприлично – прилично» этот фразеологизм имеет еще один – окказиональный – антоним *to wash one’s clean linen in public*.

Подобно фразеологическим синонимам, фразеологические антонимы бывают единообразными. Это для них естественно: ведь антонимические значения сходны во всем, кроме одной пары дифференциальных признаков, и поэтому нередко возникают в рамках одного сценария (Ч. Филлмор [4, с. 73]

называл это явление внутрифреймовым отрицанием). Приведем примеры:

- in good faith – in bad faith «добросовестно – недобросовестно»
- to play one's cards well – to play one's cards badly «хорошо – плохо вести дела»
- to loosen one's tongue – to tie one's tongue in a knot «выдать – сохранить секрет»
- with a heavy heart – with a light heart «озабоченно – беззаботно»
- to keep one's head – to lose one's head «сохранять – терять самообладание»
- to take up / put down the cudgel «проявить агрессию – отказаться от агрессии»
- to keep one's cards close to one's chest – to put one's cards on the table «скрывать информацию – выдать информацию»

Благодаря единству образа такие фразеологизмы регулярно взаимодействуют в контексте.

Однако противоположность в буквальном плане не всегда подразумевает антонимию в переносном плане. Так, фразеологизм *to tie the knot* означает «вступить в брак», а фразеологизм *to cut the knot* – «решить запутанную проблему радикальным способом». Их можно назвать **псевдоантонимами**, в отличие от подлинно антонимической пары *to tie the knot* «вступить в брак» – *to untie the knot* «разорвать отношения (в том числе расторгнуть брак)».

Аналогично, фразеологизм *to open one's mouth wide* значит «хотеть слишком много, иметь большие запросы» (ср. рус. *разинуть рот на что-л.*), в то время как фразеологизм *to keep one's mouth closed (or shut)* означает «умалчивать, хранить что-л. в секрете» (ср. рус. *держат рот на замке*). Это тоже псевдоантонимы, в отличие от подлинных антонимов *to open one's*

mouth «выболтать, предать огласке» – *to zip one's mouth* «хранить в секрете».

Очевидно, что существование псевдоантонимии связано с существованием омонимии и полисемии во фразеологии. Дело в том, что в процессе фразеологического образования один и тот же образ может переосмысливаться по-разному.

Например, рот открывают в одних случаях для того, чтобы заглотить что-либо, а в других – для того, чтобы сказать что-либо. Разные семантические признаки легли в основание сравнения у двух фразеологических омонимов. Это и привело к образованию, во-первых, псевдоантонимической, а во-вторых, подлинно антонимической пары. Таким образом, становится ясно, что разные семантические отношения между английскими фразеологизмами (антонимия, омонимия, вариантность) коррелируют друг с другом.

Антонимичными друг другу могут быть целые синонимические ряды:

АНТОНИМЫ

to bring one's hogs to the right market	to bring one's hogs to the wrong market
to hit the right nail on the head	to hit the wrong nail on the head
С to bark up the right tree	to bark up the wrong tree
И to take the right sow by the ear	to take the wrong sow by the ear
Н to wake the right passenger	to wake the wrong passenger
н to back the right horse	to back the wrong horse
И to take the right road	to take the wrong road
М to play the right card	to play the wrong card
Ы to take hold of the right end of the stick	to take hold of the wrong end of the stick
to hit the target / mark / point	to miss the target / mark / point

Поскольку эти синонимы являются неполными (идеографическими), между антонимами нет свободного варьирования: строго антонимичными

являются только пары единообразных фразеологизмов.

Обратимся далее к разнообразным антонимам. Они имеют одинаково-

вые или близко сходные структуры переносного плана, но неодинаковые структуры буквального плана. Например:

to take the bun «одержать победу» –
to meet one's Waterloo «потерпеть поражение»

to lose heart «быть обескураженным» –

to keep one's chin up «сохранять кураж»

to have smth. at one's fingertips «знать досконально» –

not to know chalk from cheese «совершенно не разбираться»

to give the green light «благоприятствовать» –

to put a spoke into smb.'s wheels «препятствовать»

to hardly make both ends meet «жить в нищете» –

to have one's bread buttered «жить в достатке»

Отдельно упомянем антонимические компаративы. В качестве кодифицированного в данной культуре эталона того или иного качества выступает образ, который не может быть одновременно эталоном противоположного качества. Поэтому антонимические компаративы всегда разнообразны:

straight as a die «прямодушный» –
crooked as a dog's hind leg «лицемерный»

cold as a stone «бесстрастный» – hot as fire «страстный»

pretty as a picture «хорошенькая» –
ugly as sin «уродливая»

strong as a horse «очень сильный» –
weak as water «очень слабый»

drunk as a lord «очень пьяный» –
sober as a judge «абсолютно трезвый»

Наряду с межфразеологической существует внутрифразеологическая антонимия двух лексических компонентов внутри одного фразеологизма:

stand or fall «успех или провал»

to sink or swim «провал или успех»

rain or shine «при любых обстоятельствах»

the long and the short of it «все факты, все подробности»

from A to Z «целиком и полностью»

from top to toe «с головы до ног»

ups and downs «жизненные взлеты и падения»

high and low «от мала до велика»

for better and for worse «в счастье и горе»

У большинства таких фразеологизмов значение целиком охватывает ту или иную тематическую область, деля ее на две противопоставленные части. Фразеологизмы этого разряда обычно единообразны, так как противопоставление разнородных образов не воспринималось бы как антитеза, но в особых случаях с особой стилистической целью противопоставляются и разнообразные лексические компоненты. В качестве примера приведем ряд фразеологизмов, означающих «совершенно не разбираться в чем-либо»:

not to know a B from a battledore / a bull's foot

not to know chalk from cheese

not to know a hawk from handsaw

Нарочитый тематический разброс противопоставляемых лексем здесь призван подчеркнуть невежество человека, о котором идет речь. В данном случае сходное (аллитерированное) звучание лексем, обозначающих несходные вещи, указывает на то, что невежда ошибочно отождествил явно нетождественные вещи на основании их случайного и несущественного сходства.

Итак, в данной статье уточняется понятие антонимии и показывается, что, наряду с собственно антонимией, в английской фразеологии существуют смежные с ней явления – псевдоантонимия и парность. Описываются также единообразные и разнообразные антонимы.

Библиографический список

1. Новиков Л. Е. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская Энциклопедия, 1990. – С. 262.
2. Одинокова Г. И. К вопросу о типах антонимических противоположностей в терминологии // III Международные Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы. Том 2. – Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 2006. – С. 217–219.
3. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 352 с.
4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
5. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Том 2. – М. : Русский язык, 2000. – 1210 с.
6. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby with A. P. Cowie. – Oxford : Univ. Press, 1982. – Vol. 1. – 544 p. – Vol. 2. – 528 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Novikov L. E. Antonimy // Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar'. – M. : Sovetskaja Jenciklopedija, 1990. – S. 262.
2. Odinkova G. I. K voprosu o tipah antonimicheskix protivopozlozhnostej v terminologii // III Mezhdunarodnye Bodujenovskie chtenija : I. A. Bodujen de Kurtenje i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo jazykoznanija (Kazan', 23–25 maja 2006 g.) : trudy i materialy. Tom 2. – Kazan' : Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 2006. – S. 217–219.
3. Trubeckoj N. S. Osnovy fonologii. – M. : Aspekt-Press, 2000. – 352 s.
4. Fillmor Ch. Frejmy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M. : Progress, 1988. – Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty jazyka. – S. 52–92.
5. Efremova T. F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka. Tom 2. – M. : Russkij jazyk, 2000. – 1210 s.
6. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby with A. P. Cowie. – Oxford : Univ. Press, 1982. – Vol. 1. – 544 p. – Vol. 2. – 528 p.

© Логачева М. И., 2015

УДК 811.512.157

ЯКУТСКИЕ МЕЖДОМЕТИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Т. Н. Николаева *Кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет, г. Якутск, Россия*

THE GENDER PERSPECTIVE OF YAKUT INTERJECTIONS

T. N. Nikolaeva *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia*

Summary. There has been a marked increase of interest in the sphere of linguistic component of gender studies in different languages. This article reports the efforts to determine the correlation of Yakut interjections speech usage in the gender perspective. The fiction text was used for understanding and clarifying the semantics of interjection units. This text reflected not only the interjection units, but also verbal communication gestures, facial expressions and body movements used by characters of different sexes. The samples of interjections were taken from «Stories, Essays» and «Springtime» of Yakut national writer N. E. Mordinov (Амма Аччыгыйа).

Keywords: interjection; gender; non-verbal communication; context; the Yakut language; communication.

В последнее время в отечественном языкознании отмечается бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований.

С этой точки зрения в данной статье предпринята попытка определить корреляцию в употреблении междометий, сопровождаемых такими видами невербального общения, как жест, мимика, телодвижение, в языке мужчин и в языке женщин на примере художественно произведенного.

В якутском языке междометия определяются как сана аллайыы, то есть это неизменяемые слова, служащие для непосредственного выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность [3, с. 384]. В структуре и оформлении смыслового содержания междометий особое значение приобретают интонации, жесты и мимика, а также контекст и общая ситуация. Одно и то же междометие может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение и т. д.

Материалом для исследования функционирования междометий в письменной речи послужили контексты с использованием данных единиц в сборнике «Рассказы, очерки» и в романе «Весенняя пора» народного пи-

сателя Якутии Н. Е. Мординова (Амма Аччыгыйа). Примерно из 500 междометий, имеющих в данных произведениях, более 100 междометий сопровождаются теми или иными видами средств невербального общения. Наиболее частотными оказались такие непроизводные междометия, как ээ, чэ, оо, тыый, дьэ, ок-сиэ, ии, каждое из которых по своей семантике выражает различного рода эмоции, волеизъявления говорящего.

Одно и то же междометие, в зависимости от речевой ситуации, интонации может передавать различные, нередко противоположные эмоции, что обусловлено амбивалентностью самих эмоций.

Самые частотные междометия оказались и многозначными. Однако многозначность междометий не вызывает трудностей у носителя языка, так как она проясняется с помощью контекста, интонацией и паралингвистическими средствами.

Например, междометие ээ выражает эмоциональное состояние при положительной тональности слов восхищения, похвалы, высказанных явно с приподнятым настроением, которое сопровождается дополнительным междометием дьэ: Ээ дьэ, маладьыас да киһи,

дофор! – Охоноос хайжаан сана аллай түстэ. Ну, ты – молодец! – Афанас воскликнул похваливая. Усиливающее значение придает производное междометие дофор, которое обычно занимает конечную позицию в таких предложениях и при этом теряет свое первоначальное значение *друг*.

Другой пример с таким же междометием выражает скорее призыв в более грубой форме, сопровождаемый соответствующим жестом – резким движением руки тыльной стороной.

Ээ, лахсыйыма! – эмээхсин илиитин таһынан туора садьыталаан кэбистэ. А, не болтай! – резко махнула в сторону старуха.

Данные примеры показывают возможность употребления междометия ээ в речи как мужчин, так и женщин в той же тональности и с теми же жестами.

По значимости и частотности в якутском языке особое место занимает междометие чэ, которое несет, в основном, функцию воздействия на реципиента, партнера по коммуникации. Как показывает материал, данное междометие по своей семантике может быть отнесено к разряду волеизъявления говорящего: Эмээхсин кырыгытынан көрөн олорбохтоон баран кытаанахтык эттэ: – Чэ, кырдыажаас, эрэйдэнэн көр. Старуха, искоса поглядывая, посидела некоторое время, затем сурово сказала: Ну, старик, мучайся.

Эмоционально-оценочное отношение субъекта к факту действительности выражается посредством этого же междометия чэ: Чэ, ити, тыллара ити баар... – Николай кэлэйбиттии антах хайыста. Ну, вот, вот есть их слова... – разочарованно Николай отвернулся. Телодвижение –отворачиваться от кого-нибудь с чувством разочарования – придает большую выразительность отрицательной тональности данного междометия.

Данное междометие общеупотребительно и амбивалентно, в зависимости от ситуации оно выражает различные эмоции говорящего.

По своему эмоциональному потенциалу междометие оо вряд ли уступит другому междометию. Поскольку данное междометие является многозначным, выражающим разнообразные, по-

рой противоположные чувства, следует чутко уловить интонацию, повышение или понижение тона, а также саму ситуацию. Пример восклицания данного междометия с положительной тональностью: Хабырыыс хаража уоттана- уоттана, кэпсээн дэбилитэр. – Оо, нохолоор, дьэ дьулаан күүс!

У Гаврила загорелись глаза, он начал возбужденно рассказывать. – О, ребята, это страшная сила!

Сочетание данного междометия с производным междометием дьэ всегда выражает сожаление, недовольство, досаду или раздражение: Оо, дьэ, бары-барыта! – Маабыра эмээхсин саната оронуттан кутаалана түһэр.

Ну, всякая всячина! – раздается бранный голос с кровати старухи Мавры.

Приведенные примеры демонстрируют не только эмоциональный потенциал этого междометия, но показывают и универсальность его употребления разнополыми героями произведений.

Междометие тыый считается междометием выражения разных эмоциональных состояний человека в зависимости от ситуации общения. Например, данное междометие выражает сильное удивление, изумление, даже страх и испуг: Тыый, дофоор! Ырбаахыта суох эбиккин дуу? – Уйбаан учуутал соһуйа түстэ, онтон тобо эрэ кулгаахтарын төбөлөрүттэн сабалаан издэстэрэ, моонньо бүтүннүү өтөн кытаран бардылар.

Тьфу, ты! Без рубашки что-ли? – Учитель Иван удивился, потом почему-то начали краснеть сначала края ушей, а потом щеки и шея.

Тыый даа, бу тылын! – Даарыйа эмээхсин уолун тылыттан дьулайар.

Ах, как ты заговорил! – Дарье стало страшно от слов сына.

Данное междометие, выражающее состояние человека от удивления до испуга, является не только частотным, но и общеупотребительным в речи.

Заслуживает внимания функционирование производного междометия ии, которое выражает скорее иронию с сарказмом и сопровождается определенными фонационными, графическими и кинетическими средствами.

Например: Ии, сагара олороохтоотоххун даа! – офонньор охсурьаланан

кэбиһэр. У, да ты еще что-то говоришь! – старик передернулся.

Ии, ол Дьөгүөркэттэн баҕас тугу туһанаары! Собус-соҕотох ынахтаах, – диэтэ дьизэлээх эмээхсин. У, от Егордана-то какой толк? Одна-единственная коро-ва, – сказала хозяйка дома.

Использование вышеуказанного междометия оправдано целью придать говорящим оттенок иронического отношения, ехидной насмешки по отношению к объекту разговора. Функционирование этого междометия сопровождается обязательно определенными кинетическими средствами, оно произносится почти всегда растянуто с определенной язвительной интонацией, тем самым произнесенное как бы сквозь зубы междометие *ии* содержит в себе всегда отрицательное значение в зависимости от контекста и ситуации, но вне зависимости от пола говорящего.

Непроизводное междометие *ок-сиз* выражает сильное удивление, изумление, негодование, возмущение, иногда с оттенком язвительности. Злобно-насмешливый оттенок данного междометия становится понятным благодаря интонации, жестам, например, из данного контекста:

Уйбаан, туохтан эрэ соһуйбут курдук, чинэрис гынаат, куйуурун сулбу тардан ылан баран, өрө күлүбүрүү түстэ: – Оок-сиз, бу дьахтар акаарыта тугун сүрэй, доҕор!

Иван, как будто чего-то испугавшись, резко выпрямился, вытащив свой рыболовный сак, быстро затараторил: – О, это что за глупая женщина!

Насмешливый, в то же время раздраженный оттенок в словах и в голосе героя усиливается наличием другого междометия *доҕор*, которое почти всегда занимает конечную позицию, но несет нагрузку, усиливающую эмоцию реципиента.

Как показывает материал, наиболее активно данное междометие используется для выражения эмоционального состояния и оценки в речи мужчин.

Например: Оксизэ!.. Мин көрдөхпүнэ, арай, биһиэхэ уун-утары ... икки уол иһэр... – трюмо сизэркилэбэ оргу-

уй тийиэн, тарбаҕын төбөтүнэн таарыйан көрдө. – Дьэ, сизэркилэлээх дьон эбиккит, доҕоор!.. Биһиги халҕаммытынааҕар улахан.

Эх ма!.. Вижу, к нам навстречу идут двое парней... – осторожно подойдя к трюмо, потрогал кончиком пальца. – Ну, и зеркало у вас! Больше, чем наша деревянная дверь.

Оксизэ, доҕор! – Дьөгүөр кинитээбэр ордук соһуйда.

Ох ты! – Егор удивился больше, чем он.

Таким образом, в рамках данной статьи были рассмотрены наиболее частотные междометия, которые в силу своей многозначности активно используются как в устной, так и в письменной речи мужчин и женщин. Для понимания и уточнения семантики междометных единиц был привлечен для иллюстрации контекст, где нашли свое отражение не только сами междометные единицы, но и сопровождающие словесную коммуникацию жесты, мимика и телодвижения говорящих.

Как показывают личные наблюдения и данный материал, в якутском языке невозможно установить хотя бы относительную корреляцию в употреблении «чисто мужских» и «чисто женских» междометий, а также и в использовании сопровождающих их невербальных средств.

Библиографический список

1. Амма Аччагыя (Мординов Н. Е.). Кэпсээннэр, очеркалар. – Якутскай : Кинигэ изд-вота, 1983. – 296 с.
2. Амма Аччагыя. Сааскы кэм : роман. – Якутскай : Кинигэ изд-вота, 1983. – 752 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. – М. : Наука, 1982.

Bibliograficheskiĵ spisok

1. Amma Achchagyja (Mordinov N. E.). Kjepsjennjer, ocherkalar. – Jakutskaj : Kinigje izd-vota, 1983. – 296 s.
2. Amma Achchagyja. Saasky kjem : roman. – Jakutskaj : Kinigje izd-vota, 1983. – 752 s.
3. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. – M. : Nauka, 1982.

© Николаева Т. Н., 2015

**ЯЗЫКОВАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

Л. В. Топка

*Кандидат филологических наук, доцент,
Евразийский лингвистический институт,
Московский государственный лингвистический
университет, г. Иркутск, Россия*

**LINGUISTIC MARKEDNESS OF THE SPEAKER'S SOCIAL STATUS
IN DIFFERENT TYPES OF LANGUAGES**

L. V. Topka

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Euro-Asian Linguistic Institute,
Moscow State Linguistic University,
Irkutsk, Russia*

Summary. Linguistic markedness of speaker's social status in English, Russian, and Japanese forms oppositions: in terms of lexical markedness – gradual type of opposition: English – Russian – Japanese; from the point of view of formal, grammatical, representation of speaker's social status – privative type of opposition, where the weak, unmarked member is English and strong, marked members are Russian and Japanese.

Keywords: social situation; social status; linguistic markedness; speech behaviour.

Выбор говорящим субъектом той или иной языковой формы выражения своего речевого поведения обусловлен совокупностью его постоянных социальных признаков – этнических, экономических, профессиональных и других, «... изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всём богатстве нюансов естественного языка» [6, с. 5].

Несмотря на определенный набор стабильных социальных признаков, говорящий субъект способен самостоятельно изменять свой социальный статус, варьируя определенными языковыми средствами, производя изменения как в своём речевом поведении, так и в поведении коммуникативного партнёра. Одним из факторов, влияющих на речевое поведение, является направление общения, зависимое от социального положения говорящего относительно социального статуса адресата, – восходящее, нисходящее (в терминах В. И. Карасика – нисходящий или восходящий статусный вектор [6, с. 84]) или же общение между равными.

Статусные изменения социально обусловлены, в различных коммуникативных ситуациях говорящий субъект

отражает разные позиции социальной иерархии, при этом ни одна ситуация общения не выявляет полного набора признаков, составляющих его социальный статус, считая релевантными только те из них, которые определяют его речевое поведение в данной коммуникативной ситуации.

Как полагают современные исследователи, «собственно объектом социолингвистики как самостоятельной научной отрасли можно считать только коммуникативную ситуацию. Все прочие ситуации, отражающие различные аспекты жизни общества, входят в социолингвистическое описание лишь в той мере, в какой они связаны с коммуникативной ситуацией, т. е. влияют на её формирование или, напротив, испытывают обратное влияние с её стороны» [2, с. 38]. Социальная ситуация, включающая в себя прагматические характеристики её участников, является частью коммуникативной (речеведенческой) ситуации, поскольку статусно-ролевая характеристика коммуникантов – это составной элемент любой поведенческой ситуации, в соответствии с которым группируются отдельные, репрезентирующие её поведенческие тактики (см., например, [12, с. 33]).

Сравнительный анализ языков различных типов – английского, русского и японского, имеющих формально и неформально представленное репрезентативное измерение социального статуса, позволяет выявить универсальные черты и этноспецифические особенности способов языковой маркированности социального статуса говорящего субъекта.

Английский язык не имеет формальных (грамматических) показателей репрезентативного измерения социального статуса, за исключением случаев употребления неопределенного артикля с именами собственными, однако обладает определенной лексической статусной маркированностью. Социальный статус англоговорящего субъекта выражается в речи лексикой так называемого высокого стиля, в роли маркеров которого выступают лексические единицы, как правило, разного рода обращения или титулования (см. подробнее [20]), непосредственно указывающие на статус партнера по коммуникации, репрезентируя его принадлежность к конкретному социальному слою, например, при коммуникативном взаимодействии между равными:

He (Lord Bourton) stood up, preparing to leave, but (Prince) Hussein made no move. «As my wife mentioned, we have made some inquiries, Lord James, and it seems to me that there might be certain advantages to you in coming to an agreement with us» [15, p. 605].

Как заметила моя жена, мы навели кое-какие справки, Лорд Джеймс, и мне кажется, что Вам было бы выгодно прийти к соглашению с нами.

В английском языке титулование используется достаточно широко в государственной, академической, юридической, медицинской, религиозной и других социальных сферах. В японском языке категория титулования чрезвычайно развита, но, как правило, не имеет специфических форм, поскольку для её выражения используется прямое указание на социальный, чаще всего профессиональный, статус адресата. В русском языке титулование используется крайне редко, как правило, в устоявшихся клише, например, в юридическом дискурсе.

При неравном статусном взаимодействии может наблюдаться наме-

ренное понижение говорящим своего социального статуса, например, в речеповеденческой ситуации сарказма:

Joe Pearson signed the last paper and thrust the batch, almost savagely, at little Miss Mildred. «Maybe I can get on with some real work now, eh?» [18].

Джо Пирсон подписал последний документ и грубо сунул пакет в руки маленькой мисс Милдред. «Может быть теперь я могу приступить к важной работе, а?».

Критическое замечание, направленное на самого себя, при интеракции коммуникантов в отношении субординации при нисходящем социальном векторе характерно для речевого поведения индивида в потенциально конфликтных ситуациях (см. подробнее [10, p. 387]).

В ситуации намеренного повышения говорящим своего социального статуса, при категоричном речевом поведении, в его высказывании содержится прямое указание на статус, «категоричность является тактическим приёмом, который используется коммуникантами для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияние на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию» [13, с. 106]:

I'm chief. I'll go. Don't argue. (...) You. Hide here. Wait for me [17, p. 168].

Я шеф. Я пойду. Не спорьте. (...) Вы. Спрячьтесь здесь. Ждите меня.

Оспаривание, а также нивелирование статуса партнера по коммуникации может произойти за счёт искусственного повышения говорящим субъектом своего социального статуса при намеренном сокращении дистанции с незнакомым человеком, априори занимающим более высокую социальную позицию, в таком случае статусные соотношения отходят на второй план, уступая место соотношению ролей. Как, например, в случае «проявления заботы» захватчиком, мелким наркодилером, о судьбе своего заложника – финансового магната:

You gotta eat to keep your strength up, partner. I wouldn't want you to get sick. We have a lot to do [19].

Ты должен есть, чтобы сохранить силы, партнер. Я бы не хотел, чтобы ты заболел. У нас куча дел.

В подобных ситуациях, как правило, используются лексемы, репрезентирующие мнимое родство:

– *Pardon me, brother.*

– Yes? What is it?

– *I see you have books under your arm, brother. It is indeed a rare pleasure these days to come across somebody that still reads, brother* [16].

– *Извини, брат.*

– Да? Что такое?

– *Я вижу у тебя книги, брат. Это действительно редкое удовольствие в наше время наткнуться на кого-нибудь, кто все ещё читает, брат.*

Данное явление также характерно и для русского языка в ситуации сокращения дистанции между участниками коммуникации путём «обращения, указывающего на мнимое родство: *мой бабушка, дитя моё, матушка* для установления тесного контакта, доверительных, «родственных» отношений» [11, с. 160]:

Полно вам, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить! – сказал Антон Иваныч с притворной досадой, наполнив рюмку наливкой [3, с. 26].

Русский язык обладает не только лексическими, но и грамматическими средствами выражения социального статуса, например, формой множественного числа второго лица местоимения как показателем вежливости, что делает его (язык) маркированным членом оппозиции по наличию формальных признаков репрезентативного уровня. Одна из национально-культурных особенностей русского языка – использование отчества (patrimonial name) при обращении к адресату, достигшему определенного возраста, является этноспецифическим средством социальной маркированности:

Скажите мне ваше откровенное мнение, Дмитрий Прокофьевич! Вы лучше всех знаете характер Роди и лучше всех можете посоветовать [4, с. 242].

В русском языке форма множественного числа используется как общая гоноративная форма при восходящем статусном векторе общения, тогда как в английском и японском языках данная категория не репрезентирует качественные изменения, а лишь количественные и используется в своем

прямом значении – для обозначения множественности предметов.

Другим языковым средством репрезентации социального статуса в русском языке является архаичная аналитическая глагольная конструкция со специфическими предикатами (*пожалуйста откушать, извольте пройти, извольте почивать*), а также сочетание формы множественного числа предиката с единственным числом субъекта, указывающие на низкий статус говорящего:

Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично [4, с. 87].

Ещё одним морфологическим средством статусного маркирования, ныне вышедшим из употребления, но активно использовавшимся в русском языке ещё в начале прошлого века, является постфикс *-с*, или словоерс:

Приходите-тко завтра, часу в семом-с. (...) Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с (...) вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь. Оно дело выгодное-с. (...) В семом часу, завтра; и от тех придут-с; самолично и порешите-с [4, с. 87–88].

В современном русском языке данный постфикс используется крайне редко и лишь для выражения иронии, выполняя функцию депрециатива – демонстративного самоунижения с целью повышения статуса партнера по коммуникации, что в большей степени характерно для японского языка (см., например, [5]). Если в русском языке данное явление встречается не часто, то для японского языка – это национально-культурный феномен, имеющий формальную репрезентацию.

При неравном статусном взаимодействии, при далекой психологической дистанции коммуникантами используются языковые элементы разных стилей речи:

– 搭乗開始のアナウンスがありましたか。

– はい、出発のチェックインはA・2のカウンターでございます。

– Tōjō kaishi no anaunsu ga arimashita ka.

– Hai, shuppatsu no chekkuin wa A 2 no kauntādegozaimasu.

– Извините, было ли объявление о начале посадки?

– Да, регистрация на рейс проходит у стойки A-2 [7, с. 32].

В вышеприведенном примере адресант, являясь клиентом аэропорта, употребляет конструкции нейтрально-вежливой речи – *тейнейго*, а его коммуникативный партнёр, будучи сотрудником аэропорта, – конструкции сверхвежливой речи – *кейго*. Необходимо отметить, что японцы придают *кейго* (буквально – «почтительный, уважительный язык»), большое значение, активно используя в нормативной ситуации в отношении субординации, например, при этикетном взаимодействии с клиентами. «Этикетные отношения проявляются в любом языке, но в японском языке их выражение особо многообразно. Выделяется, прежде всего то, что эти отношения здесь выражаются в грамматике» [1, с. 118].

Грамматическая маркированность социального статуса коммуникантов также наблюдается и в коммуникативной ситуации с восходящим статусным вектором:

–あれ？千姫さま？何を見ていらっしやるんです？

–昔のアルバムよ。宗朗もご覧なさいな。[14].

–Are? Senhime-sama? Nani o mite irassharu ndesu?

–Mukashi no arubamu yo. Sō akira mo goran nasai na.

–Эй? Принцесса Сен? Что вы рассматриваете?

–Старый альбом. Мунекира, ты тоже взгляни.

В вышеприведенном примере формы сверхвежливой речи *кейго*, а именно статусный суффикс 姫 (*hime*) принцесса и уважительный именной суффикс 様 (*sama*) в высказывании говорящего, репрезентируют статусное превосходство адресата. В то же время междометие *あれ* (*are*) и глагольный постфикс *ん* (*n*) нельзя отнести к высокому стилю, поскольку в сверхвежливой речи при взаимодействии индивидов, между которыми есть значительная социальная дистанция, просторечные языковые формы недопустимы. Отсутствие гоноративных глагольных флексий в ответном высказывании партнера по коммуникации также указывает на близкую психологическую дистанцию между ними и неформальную обстановку общения.

Близкая психологическая дистанция при равном статусном взаимодействии в японском языке также грамматически маркирована:

–「ここが客間でここが書斎、ここが和彦の勉強部屋で、ここが茶の間、どの部屋も日光がいっぱい、スキマ風がはいらないのよ」

–「そうだ、日光がさしこんで、スキマ風がはいらぬ家に住めば、周子の病気もなおるンだからね」[8, с. 14].

–*Koko ga kyakuma de koko ga shosai, koko ga Kazuhiko no benkyō heya de, koko ga chanoma, dono heya mo nikkō ga ippai de, sukima-fū ga hairanai no yo.*

–*Sōda, nikkō ga sashikonde, sukima-fū ga hairanu ie ni sumeba, Shūko no byōki mo naoru ndakara ne.*

– Вот общая комната для занятий, здесь кабинет Казыхико, вот гостиная, все комнаты заполнены солнечным светом и в них нет сквозняка.

– Да, жизнь в таких солнечных, не продуваемых ветром комнатах должна способствовать выздоровлению Сюко.

Просторечная форма глагола *hairanai* указывает на близкую психологическую дистанцию между коммуникантами и равенство их социальных статусов, а эмотивные постфиксы *よ* (*yo*) и *ね* (*ne*) являются дополнительными маркерами ненормативной ситуации общения.

Сравнение средств языковой репрезентации социального статуса в английском, японском и русском языках выявило универсальную статусную категорию обращения. В японском языке в качестве обращения чаще всего используются именны постфиксы, выбор которых отвечает за его формальность, а также служит показателем социальной и психологической дистанции между говорящим и адресатом. В английском языке в нормативной ситуации преобладает использование общих обращений в сочетании с фамилией адресата, в неформальной ситуации общения может использоваться лишь имя.

Русский язык репрезентирует социальный статус посредством обращения с указанием отчества (*patrimonial name*) и так называемого «вежливого» местоимения второго лица, являя различную социальную дистанцию, причём характерной особенностью русского языка

считается сближение психологической и социальной дистанций между коммуникантами до короткой, «а по меркам европейских культур даже до сверхкороткой» (см., например, [9, с. 164]. Можно сказать, что «...русский человек, осознающий себя лишь в единстве с другими членами общества (частью огромной семьи), не признает автономность, суверенитет другой, отдельной личности и, следовательно, допускает вторжение в её сферу при любых обстоятельствах взаимодействия... Однако категоричность и прямолинейность высказывания русскоговорящего – это не признак его грубого, невежливого поведения, поскольку снижение категоричности высказывания не является характерной, нормативной чертой речевого поведения представителей русской лингвокультурной общности» [11, с. 163].

Русский язык занимает срединную позицию в иерархии социальной маркированности сравниваемых языков, составляя одну из оппозиций с английским языком, являясь её сильным членом, обладая широким набором единиц языковой репрезентации социального статуса. Использование категории множественного числа для статусной маркированности, а также отчества (*patrimonial name*) увеличивает количество возможных вариантов обращения, а аналитические формы определенных глаголов и постфикс *-с*, хотя и являются архаичными, активно употребляются при намеренном понижении говорящим субъектом своего статуса в потенциально конфликтных речеведческих ситуациях.

Японский язык обладает развитой системой как именных, так и статусных постфиксов, необходимых не только для создания маркированных по вежливости обращений и титулований, но и для репрезентации статусно-ролевых отношений между коммуникантами при наличии продуктивных способов их образования, позволяющих подбирать нужное обращение при отсутствии устоявшегося клише. Языковые формы, показывающие статусно-ролевые соотношения участников коммуникации, делятся на три различных группы (просторечные формы, формы нейтрально-

вежливой речи – *тейнейго* и формы сверхвежливой речи – *кейго*) и отражают присущую ему наибольшую статусную маркированность среди сравниваемых языков.

Английский язык является наименее статусно маркированным, поскольку в нём практически отсутствует грамматическая репрезентация социального статуса, лексическая маркированность проявляется, как правило, в обращениях и титуловании путём использования немногочисленной группы лексем с гоноративными коннотациями, употребляющимися в зависимости от социального положения индивида, его должности, имеющими место быть почти исключительно в формальной речи, являясь частью определённых этикетных клише.

Статусная маркированность сравниваемых языков образует оппозиции: с точки зрения лексической маркированности – градуальную (по увеличению степени маркированности) английский – русский – японский; с точки зрения формальной, грамматической, репрезентации социального статуса – привативную оппозицию, при слабом, немаркированном – английском и сильных, маркированных – русском и японском языках.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Япония : язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 208 с. – (Studia philologica).
2. Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Социолингвистическая типология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
3. Гончаров И. А. Обыкновенная история. – М.: Художественная литература, 1975. – 304 с.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман. В 6 ч. с эпилогом. – М.: Просвещение, 1982. – 558 с.
5. Звягин Ф. Е. Грамматический аспект категорий вежливости глагола в японском языке // Вестник Омского университета. Серия Филология. – Омск: ОГУ, 2000. – № 2. – С. 99–102.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
7. Мишина М. А. Японский язык. Устный перевод на средних семестрах. – М.: Тривола, 1995. – 190 с.
8. Морияма К. Итинодзе и Аоба. – Канадзава: Китагуни Сёрин, 1970. – 292 с.

9. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские : коммуникативное поведение. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 328 с.
10. Топка Л. В. Некатегоричность // Внутренний мир человека : Семантические константы : коллективная монография к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. М. Малиновича. Гл. 12. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – С. 359–396.
11. Топка Л. В. Некатегоричность/Категоричность : лингвокультурологическое освещение // Концепты. Категории : Языковая реальность : коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович : Раздел II, Глава 5. – Иркутск, 2011. – С. 130–163.
12. Топка Л. В. Некатегоричность : опыт прагма-семантического исследования. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 с.
13. Топка Л. В. Категоричное речевое поведение : Универсальные и этноспецифические средства репрезентации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях : материалы IV международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Фуука Ч. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (дата обращения: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (дата обращения: 05.09.2014).
5. Zvjagin F. E. Grammaticeskij aspekt kategorij vezhlivosti glagola v japonskom jazyke // Vestnik Omskogo universiteta. Serija Filologija. – Omsk : OGU, 2000. – № 2. – S. 99–102.
6. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa. – М. : IT-DGK «Gnozis», 2002. – 333 s.
7. Mishina M. A. Japonskij jazyk. Ustnyj perevod na srednih semestrah. – М. : Trivola, 1995. – 190 s.
8. Morijama K. Itinodze i Aoba. – Kanadzava : Kitaguni Sjorin, 1970. – 292 s.
9. Prohorov Ju. E., Sternin I. A. Russkie : kommunikativnoe povedenie. – М. : Flinta : Nauka, 2006. – 328 s.
10. Topka L. V. Nekategorichnost' // Vnutrennij mir cheloveka : Semanticheskie konstanty : kollektivnaja monografija k jubileju doktora filologičeskijh nauk, professora Ju. M. Malinoviča. Gl. 12. – Irkutsk : IGLU, 2007. – S. 359–396.
11. Topka L. V. Nekategorichnost'/Kategorichnost' : lingvokul'turologičeskoe osveshhenie // Koncepty. Kategorii : Jazykovaja real'nost' : kollektivnaja monografija k jubileju professora M. V. Malinoviča : Razdel II, Glava 5. – Irkutsk, 2011. – S. 130–163.
12. Topka L. V. Nekategorichnost' : opyt pragmasemantičeskogo issledovanija. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 s.
13. Topka L. V. Kategorichnoe rechevoe povedenie : Universal'nye i jetnospecificheskie sredstva reprezentacii // Praktika kommunikativnogo povedenija v social'no-gumanitarnykh issledovanijah : materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 1–2 dekabrja 2013 goda. – Praga : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Fuuka Ch. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (data obrashhenija: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (data obrashhenija: 05.09.2014).

Bibliografičeskij spisok

1. Alpatov V. M. Japonija : jazyk i kul'tura. – М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 208 s. – (Studia philologica).
2. Vinogradov V. A., Koval' A. I., Parhomovskij V. Ja. Sociolingvističeskaja tipologija. Izdanie 2-e, ispr. i dop. – М. : Izdatel'stvo LKI, 2008. – 136 s.
3. Goncharov I. A. Obyknoennaja istorija. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 304 s.
4. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie : roman. V 6 ch. s jepilogom. – М. : Prosveshhenie, 1982. – 558 s.
5. Zvjagin F. E. Grammaticeskij aspekt kategorij vezhlivosti glagola v japonskom jazyke // Vestnik Omskogo universiteta. Serija Filologija. – Omsk : OGU, 2000. – № 2. – S. 99–102.
6. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa. – М. : IT-DGK «Gnozis», 2002. – 333 s.
7. Mishina M. A. Japonskij jazyk. Ustnyj perevod na srednih semestrah. – М. : Trivola, 1995. – 190 s.
8. Morijama K. Itinodze i Aoba. – Kanadzava : Kitaguni Sjorin, 1970. – 292 s.
9. Prohorov Ju. E., Sternin I. A. Russkie : kommunikativnoe povedenie. – М. : Flinta : Nauka, 2006. – 328 s.
10. Topka L. V. Nekategorichnost' // Vnutrennij mir cheloveka : Semanticheskie konstanty : kollektivnaja monografija k jubileju doktora filologičeskijh nauk, professora Ju. M. Malinoviča. Gl. 12. – Irkutsk : IGLU, 2007. – S. 359–396.
11. Topka L. V. Nekategorichnost'/Kategorichnost' : lingvokul'turologičeskoe osveshhenie // Koncepty. Kategorii : Jazykovaja real'nost' : kollektivnaja monografija k jubileju professora M. V. Malinoviča : Razdel II, Glava 5. – Irkutsk, 2011. – S. 130–163.
12. Topka L. V. Nekategorichnost' : opyt pragmasemantičeskogo issledovanija. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 s.
13. Topka L. V. Kategorichnoe rechevoe povedenie : Universal'nye i jetnospecificheskie sredstva reprezentacii // Praktika kommunikativnogo povedenija v social'no-gumanitarnykh issledovanijah : materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 1–2 dekabrja 2013 goda. – Praga : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Fuuka Ch. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (data obrashhenija: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (data obrashhenija: 05.09.2014).

© Топка Л. В., 2015

УДК 37.1174

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХОДЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Л. М. Александрова *Кандидат педагогических наук, доцент,
Башкирский государственный
университет, филиал в г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия*

**DEVELOPMENT OF CREATIVE INDEPENDENCE
IN PRIMARY SCHOOL FOR THE ARTS LESSONS DURING
THE PEDAGOGICAL PRACTICES**

L. M. Alekcandrova *Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Sterlitamak branch of Bashkir State University,
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia*

Summary. The article reveals the organizational-pedagogical conditions of organization of teaching practice and justified indicators that guide the preparation of future teacher of initial classes to the development of creative independence of pupils at lessons of fine art. Fixed attention is paid on an experimental program of pedagogical practice of students' readiness to develop creative independence in primary school for the arts lessons.

Keywords: training future teachers; creative independence; younger students; professional readiness; art.

Развитию творческой самостоятельности младших школьников как важнейшей задаче в процессе подготовки будущих учителей начальных классов на факультете педагогики и психологии СФБашГУ уделяется повышенное внимание в течение всего периода обучения: на занятиях по педагогическим и методическим дисциплинам; в ходе самостоятельной исследовательской деятельности. В этот период закладывается теоретическая основа, необходимая для дальнейшей деятельности учителя. Но знания только тогда приобретают истинную ценность, когда они могут быть применены на практике. В системе профессиональной подготовки педагогических кадров важная роль принадлежит педагогической практике. Она является органической частью учебно-воспитательного процесса в вузе, связующим звеном между теоретическим обучением будущих

учителей и их самостоятельной работой в учебно-воспитательных учреждениях, обогащает студентов первоначальным опытом педагогической деятельности.

Разрабатывая экспериментальную программу практики, мы придавали практическую направленность содержанию материала педагогических дисциплин, ориентируясь на усвоение студентами знаний, овладение умениями, навыками, необходимыми для формирования готовности к развитию творческой самостоятельности младших школьников, чётко определяли цели каждого вида занятий, максимально старались включить студентов в более активную реальную работу с детьми.

Реализация этой программы осуществлялась в процессе учебно-практической и самостоятельной практической (3–4 курсы) деятельности студентов.

На первых этапах экспериментальной работы предлагаемые задания и задачи помогают будущим учителям осознать необходимость развития творческой самостоятельности младших школьников. Предложенные задания нацеливают студентов на необходимость использования теоретических педагогических знаний при их выполнении и дадут возможность формировать информационные, организационные и интеллектуальные умения. Известно, что целенаправленный процесс овладения профессиональными умениями усиливается, если практическая деятельность студентов приобретает исследовательский характер.

Исследовательская работа студентов, в том числе и индивидуальная, становится значительно продуктивнее, если она организуется в рамках изучения одной проблемы, где каждое отдельное самостоятельное направление является, по сути, аспектом общей проблемы. С этой целью была создана проблемная группа, в состав которой вошли студенты, заинтересовавшиеся вопросами творчества, развитием творческих возможностей младших школьников на уроках изобразительного искусства. Исследовательская работа в проблемной группе была организована таким образом, чтобы у студентов параллельно с наращиванием объёма педагогических и методических знаний выравнивался уровень специальных знаний и умений. Достигали мы этого за счёт взаимосвязи исследовательской работы с основными формами обучения и содержанием педагогических практик.

Организацию исследовательской работы проблемной группы мы осуществляли следующим образом.

Первый этап – установочный, когда студентам сообщались знания по методологии научно-педагогического исследования, актуализировались их теоретические знания по педагогике, по теории творчества и творческой деятельности. Выявлялись различные аспекты общей проблемы исследования, определялись индивидуальные темы. Была проведе-

на серия консультаций по проблемам педагогического исследования, в ходе которых студентами осваивались основы работы с научной литературой, у них вырабатывалась система методологического знания, формировались исследовательские умения: накопление и систематизация знаний, изучение опыта учителей.

Следующий этап работы проблемной группы – теоретическая разработка проблемы. На этом этапе изучалась степень теоретической разработанности проблемы исследования, осуществлялся анализ научной литературы по данным направлениям. Проводились индивидуальные консультации, где обсуждались частные аспекты общей проблемы и выстраивалась логика индивидуальных исследовательских работ студентов.

Последний этап работы проблемной группы (практический) был спланирован на период активной педагогической практики. Активная практика давала большие возможности для выполнения заданий по индивидуальным исследовательским темам, для подготовки и проведения преобразующего эксперимента. Студенты опробовали разработанные лично ими уроки, проводили внеурочные мероприятия, на которых продолжалась работа по развитию творческой самостоятельности учащихся, а также смогли подвести итоги своей деятельности и проанализировать её.

Окончательные выводы об уровне сформированности готовности студентов к развитию творческой самостоятельности младших школьников на уроках изобразительного искусства делались нами на заключительном этапе.

Анализ анкет показал, что студенты осознают необходимость и важность работы по развитию творческой самостоятельности младших школьников на уроках изобразительного искусства.

Педагогическая практика содержит в себе потенциальные возможности интенсивного формирования у студентов готовности к развитию творческой самостоятельности младших школьников.

Библиографический список

1. Павлик К. В. Изобразительное искусство в начальной школе : Учебные материалы по методике преподавания. – М., 2002. – 176 с.
2. Пеленков А. И. Обучение младших школьников изобразительному искусству : учебно-методическое пособие для студентов. – М., 2000. – 78 с.
3. Пурик Э. Э. Изобразительное искусство. 1–2 классы. – Уфа, 2002.
4. Педагогическая практика : методические рекомендации по организации и прохождению педагогической практики / авт.-сост. Л. М. Александрова. – Стерлитамак, 2012.

Bibliograficheskiy spisok

1. Pavlik K. V. Izobrazitelnoe iskusstvo v nachalnoj shkole : Uchebnye materialy po metodike преподавания. – М., 2002. – 176 s.
2. Pelenkov A. I. Obuchenie mladshih shkolnikov izobrazitelnomu iskusstvu : uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov. – М., 2000. – 78 s.
3. Purik Je. Je. Izobrazitelnoe iskusstvo. 1–2 klassy. – Ufa, 2002.
4. Pedagogicheskaja praktika : metodicheskie rekomendacii po organizacii i prohozheniju pedagogicheskoy praktiki / Avt.-sost. L. M. Aleksandrova. – Sterlitamak, 2012.

© Александрова Л. М., 2015

UDC 378

APPLICATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS TO WORK WITH ORPHANS**M. P. Asyllbekova***Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,***A. B. Abibulayeva***Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan*

Summary. The effectiveness of the application of innovative technologies in the learning process of high school at training of specialists to work with orphans, their classification and the main ways to improve the cognitive activity of students are considered in this article. The examples of using innovative methods are shown and stages of organizing classes are also taken into account in the implementation of interactive methods.

Keywords: professional training of specialists; innovation; pedagogical technology; technology of projects; technology of development of critical thinking.

Higher education along with some indicators describing the innovative potential of the country is one of the factors of competitiveness of Kazakhstan's economy. The introduction of technological innovations in the educational process of higher education can help to solve the problems of training specialists who meet the requirements of time. Increasing the competence of teachers in the field, the most effective use of informational, communicative and interactive technologies in the creation and development of universal educational sphere, stimulating the formation of a new culture of pedagogical thinking is a problem of modern higher education.

Application of innovative technologies in the educational process of high school creates an entirely new possibilities of implementing didactic principles of individualization and differentiation of training which has a positive effect on the development of cognitive activity of students, their creativity, consciousness, realizes the conditions for transition from learning to selfeducation. The effectiveness of using innovative pedagogical technologies in the educational process is confirmed by the research works of number of authors: K. J. Buzaubakov, G. K. Selevko, V. I. Andreev, V. P. Beshpal'ko, M. V. Clarin and others. Today, a comprehensive theoretical development of the problem of application of innovative technologies in vocational training of specialists to the work with orphans in conditions of high school

gets a special acuteness and significance. Modern technologies in education are seen as a means by which a new educational paradigm can be implemented. The most common interpretation of the concept of "technology" is that it is a scientific and practical proposed system of human's activity which is used in order to transform the environment, the production of material and spiritual values. Any activity, notes V. P. Beshpal'ko can be either technology or art. Art is based on intuition and the technology on science. Everything starts with art, ends with technology and then starts from the beginning [1]. Any planning, without which nothing to do in pedagogical activity, contradicts the impromptu, acts by intuition, i. e. is the beginning of the technology.

In pedagogical science and practice, there are various positions to the definition of innovative educational technology. So, M. V. Clarin represents this concept as a set of system and functioning of all personal, instrumental and methodological tools used to achieve educational goals [2].

G. K. Selevko considers that pedagogical technology is a model of the pedagogical activity including design, the organization and carrying out educational process with unconditional providing comfortable conditions for learners and teacher [3]. In turn V. P. Beshpal'ko defines the concept as a set of means and methods of reproduction of theoretically reasonable processes of training and education allowing

to realize successfully educational objects [1, p. 29]. Such a variety of interpretations of educational technology is not accidental, because each author based on the definition of a conceptual approach to understanding the essence of technology at all.

Thus, innovative pedagogical technologies of training are characterized by the following positions:

- technology is developed for a specific pedagogical plan, it is based on certain methodological, philosophical position of the author;

- technological chain activities, operations, built up strictly in accordance with the objectives set by having the form of specific expected results;

- functioning of technology provides a coherent activity of the teacher and students on a contractual basis with the principles of individualization and differentiation, optimal implementation of human and technical capacities, the use of dialogue, communication;

- phased planning and consistent implementation of the elements of pedagogical technology should be, on the one hand, replicated by any teacher and, on the other, guarantee the achievement of the expected results by all students;

- an integral part of pedagogical technology are a diagnostic procedure that contains the criteria, indicators and tools for measuring performance.

Innovative pedagogical technology is a project of specific pedagogical activity, implemented consistently in practice, the main indicator of which is the progressive beginning in comparison with the existing traditions and practices of mass.

One of the main features of innovative technology is that its development and application require high activity of the teacher and student. Activity of the teacher manifested in the fact that he knows the psychological and personal characteristics of their students and on this basis makes individual adjustments into the technological process. The activity of students is manifested in the increasing autonomy, that is, in the technologized process of interaction. Consequently, innovative pedagogical technology can be considered as the technology of a particular type, where ordered, planned for a specific project and consistently implemented

actions, operations and procedures are implied that provide to achieve a predictable instrumental goal in working with orphans in certain environmental conditions. Thus, new innovative pedagogical technologies include a personal approach, fundamentality of education, creativity, akmeological approach, professionalism.

In the training of specialists to work with orphans we use various innovative technologies, such as: technology of projects; technology of development of critical thinking.

In this case, an integral part of any course by means of which we put innovative pedagogical technologies into practice is a methodical complex, which, in our opinion, should include:

- video-computer system by which the teacher conducts lectures and seminars in the special equipped classrooms;

- “screen shot” – a special handout, the specificity of which is that in addition to reference and information functions, it acts as an activator of the creative activity of the student in filling them specially designed circuits, power, signs, etc.;

- a set of interactive hardware and software training.

We use a **technology of projects** to study the theoretical disciplines, such as: “Social pedagogy”, “Introduction to the teaching profession” and other projects.

The basis of this technology is the development of cognitive interests of students, abilities to independently design their knowledge, skills to navigate in information space, the development of critical thinking. Technology of projects is always focused on independent activity of students – individual, pair, group, which students perform for a certain length of time.

The main requirements for the use of technology projects are: the presence of problem or task which are significant in the research and creative plan that requires an integrated knowledge and research for solutions; practical, theoretical, cognitive significance of the expected results; independent (individual, pair and group) activity of orphans; structuring a substantial part of the project (indicating staged results); use of research methods (definition of the problem, its tasks and hypotheses to solve them; discussion of research methods, design of the final

results, and analysis of the data; summing up, adjustment, conclusions).

We have designated criteria for assessing the elaboration of the project, which include: the importance and relevance of the problems; necessary and sufficient depth of penetration into the problem and its solution for attracting knowledge from various fields of social pedagogy; completeness, the content of the project; current and future project. It's necessary to build learning on an active basis through purposive activity of the student, in accordance with his personal interest in this knowledge. Hence it is extremely important to show students with their own interest to acquire knowledge that can and should be useful to them in their future professional activity. In this connection it is necessary to choose the issues of importance to the future of specialist solutions for which it is necessary to apply the knowledge and new ones that remains to be bought. The task of the teacher in this case – supporting new sources of information or simply direct the thought of students for research on your own. The choice of subject matter is determined by the teacher of projects, taking into account the learning situation for studying the discipline, or by the students themselves, if the project is intended for extracurricular activities.

Project work generally consists of several stages:

1. *The exploratory stage* (definition of the objectives of the project, conducting organizational work; formulation of the research problem; definition of the object and subject of study; hypothesizing).

2. *The design stage* (definition of areas of work, the immediate objectives; definition of ways to find sources of information on directions; definition of research methods; organization of groups; distribution of tasks in groups).

3. *The technological stage* (independent work in groups, sharing of information; implementation of the planned technological operations; the current quality control; analysis of the collected information by groups, scripting project protection, which is constructed as following: the design of the project; protection of its hypothesis; conclusions, explanation in the form of tables, charts, drawings, etc.; answers to questions.

4. *The final stage* (collective discussion, expertise of the project, analysis of the results of the project; conclusions).

As a result, students must independently and jointly solve the problem by applying the necessary knowledge, sometimes from different areas to get real and tangible results.

The results of completed projects should be material, that is duly executed (the album, comparative analysis, abstract, etc.). Thus, the basis of technology of projects is the development of cognitive skills of trainees, skills to independently design their knowledge and focus on the information space, the development of critical thinking. Critical thinking is the ability to pose new questions, develop a variety of arguments designed to make independent decisions. The development of this type of thinking through interactive inclusion of students in the educational process is the purpose of the next considered technology.

Technology of developing critical thinking has its own characteristics, namely the emphasis on the autonomy of the students in the learning process; search arguments to solve the problem; no information on the adoption of faith; search for reasoned response occurs on the basis of reflection, identify unknown; it's necessary to create conditions for cooperation and partnership in the process of purposeful activity.

The technology consists of several phases, namely:

- 1) challenge (what the student already knows on the subject);
- 2) understanding (what has learned);
- 3) reflection (selection information).

Let's distinguish the basic techniques included in the above phase technology: 1 phase, cluster, individual "brainstorming", group "brainstorming"; Phase 2: insert (working with markup information, text markings with its layout), cross-discussion, KWL (I know, I want to learn, learned, i. e. to bring information in a logical order, its goal – the systematization of knowledge on the topic); Phase 3: cluster ("Information bunch of" Graphical systematization of the material), the essay. This is a quick way to summarize on, reflection, way of summarizing the information

and presentation of complex ideas, feelings and ideas in a few words.

Technology of developing critical thinking is the foundation for the development of new types of activity. The subject of any new pedagogical technologies are specific interaction of students and teachers in various activities organized on the basis of precise structuring, managing, programming, algorithmization, standardization of methods and techniques of training or education, with the introduction of computerization and technology.

So, modern educational technology is to implement a new learning content and ensure the achievement of the goals of teaching, implying scientific approaches to the organization of educational process in high school, extend the range of educational services provided to students, change and provide new forms, methods and means of teaching. The use of innova-

tive teaching technologies is one of the perspective directions of development of higher education, contributing to greater individualization of the learning process, the intensification of training and education, formation and self-actualization of the future specialist.

Bibliography

1. Bepalko V. P. Components of pedagogical technology. – M. : Prosveschenie, 1989. – 231 p.
2. Clarin M. V. Pedagogical technology in the educational process: analysis of foreign experience. – M. : Pedagogy, 1989. – 132 p.
3. Selevko G. K. Modern educational technologies. – M. : Pedagogy, 1980. – 146 p.
4. Asylbekova M. P. Vocational training of future preschool teacher in higher education institution // Scientifically-methodical and theoretical journal Sociosphere. – 2014. – № 1. – P. 248–253.

© Asylbekova M. P., Abibulayeva A. B., 2015

УДК 372.8

ПРОЕКТНЫЕ ЗАДАЧИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Л. Н. Живаева
Н. И. Наумова
Т. А. Кондалова

*Кандидат филологических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Пензенский государственный
университет, г. Пенза, Россия*

PROJECT TASKS IN PRIMARY SCHOOL BASED ON CHILDREN'S FOLKLORE MATERIAL

N. I. Naumova
L. N. Zhivaeva
T. A. Kondalova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
student,
Penza State University, Penza, Russia*

Summary. The article presents the genres of children's folklore and their features that allows making it the subject of children's design and research: game character, creative direction, the combination of words and actions. The article also contains the basis for the development of design and research material of children's folklore, it has an example of one of the project objectives, which illustrates the efficiency of the literary material as a matter of design and research activities of junior pupils. The proposed development is focused on solving children project tasks through the use of the site for the organization of research and project activities developed by the students of Penza State University.

Keywords: project-based learning; project work; project task; children's folklore.

В связи с внедрением Федерального государственного стандарта начального общего образования актуальной задачей педагогической деятельности является формирование у младших школьников универсальных учебных действий, желания и умения учиться.

Для достижения этих целей существует множество дидактических средств, но особое место занимает метод проектов. Метод проектов – это способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться реальным результатом, оформленным тем или иным способом [1, с. 34]. Известно, что в начальной школе проектная деятельность лишь начинает формироваться. Ее протекание имеет ряд особенностей по сравнению с реальным проектированием. Так, цель и продукт этой деятельности чаще всего predetermined (подсказан) взрослыми. Необходимость такой подсказки обусловлена тем, что

младшие школьники не могут определиться с собственным замыслом. Деятельность учащихся по реализации цели должна выполняться в группе сверстников или при участии взрослого, поскольку у детей младшего школьного возраста возникают трудности не только с целеполаганием, но и с реализацией замысла. Если реализация цели предполагает включение детей в исследование, то оно должно носить характер микро- и квазиисследования. Поэтому в начальной школе метод проектов реализуется через решение детьми проектных задач, которые посредством системы заданий стимулируют детские действия, направленные на получение нужного «продукта» [2].

Для разработки проектных задач можно привлекать различное содержание, используя материал конкретного предмета или интегрируя тематику нескольких дисциплин. Однако существует ряд требований, которые

определяют выбор содержания, на освоение которого направлена деятельность детей в процессе разработки проекта. К числу таких требований относятся соответствие предмета деятельности возрастным возможностям и интересам учащихся, а также наличие развивающего и воспитательного потенциала у осваиваемого детьми содержания. Как нам представляется, этим требованиям отвечает детский фольклор. Рассмотрим, прежде всего, что такое детский фольклор, на какие жанры следует ориентироваться учителю при подготовке младших школьников к выполнению проекта по детскому фольклору.

Детский фольклор можно рассматривать в качестве особого вида детской субкультуры, который отражает детскую языковую картину мира. Функции детского фольклора разнообразны: коммуникативная, познавательная, воспитательная, эстетическая. Детям нужны особые формы взаимоотношения в детском коллективе для самоутверждения среди детей и взрослых, для регулирования желаний, эмоций, поведения. Детский фольклор помогает пройти путь социализации, способствуя привитию навыков поведения в детском коллективе; оказывается существенным подспорьем «в процессе становления ребенка социальной личностью, которая должна уметь «вписываться» в окружающий предметно-пространственный и социальный мир и находиться с ним в конструктивном взаимодействии» [3, с. 18]. Кроме того, детский фольклор естественно приобщает каждое новое поколение к национальной традиции [4, с. 315].

Как явление детский фольклор привлек внимание ученых лишь в конце XIX века. Активное изучение детского фольклора началось в 20–30-е годы XX века и связано, в первую очередь, с именами Г. С. Виноградова и О. И. Капицы. Новый всплеск интереса к детскому фольклору наблюдается в конце 80-х годов XX века, когда стало возможным обращение к жанрам, которые ранее считались по идеологическим соображениям «неформатными» (саdistские стих-

ки, страшилки и т. п.). В настоящее время накоплен значительный эмпирический материал, описан детский фольклор в ряде регионов, проводятся конференции по детскому фольклору (к примеру, Виноградовские чтения), однако остается множество открытых вопросов. В частности, до сих пор нет однозначного понимания того, что включать в детский фольклор.

Так, по авторитетному мнению Г. С. Виноградова, в детский фольклор не входит «материнская поэзия, или поэзия пестования», так как это творчество взрослых для детей [5, с. 28]. Аналогичных взглядов придерживаются Н. П. Андреев, В. И. Чиеров и др.

Другие ученые включают в него «творчество взрослых для детей, творчество взрослых, ставшее со временем детским, и детское творчество в собственном смысле слова» [6, с. 88]. Эту точку зрения впервые озвучила видный исследователь и педагог О. И. Капица; такое же понимание детского фольклора разделяют, например, М. Н. Мельников, О. Ю. Трыкова, С. М. Лойтер.

В методических целях представляется целесообразным широкое понимание термина «детский фольклор»: с одной стороны, это фольклор для детей, а с другой – собственно детский фольклор (произведения самих детей, усвоенные традицией).

Формируется детский фольклор под влиянием фольклора взрослых, массовой культуры, художественной литературы, прежде всего детской, бытовых представлений и много другого. Один и тот же жанр может входить как в детский, так и во «взрослый» фольклор (загадки, скороговорки, поговорки, поговорки).

Детский фольклор условно можно разделить на несколько групп, выделив внутри каждой группы свои жанры. «Материнская поэзия» – колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки. Собственно детский фольклор – заклички и приговорки; игровые припевы и приговоры, жеребьевки, считалки, дразнилки, поддёвки, небылицы-перевертыши, мирилки, отговорки, страшилки, тайные языки, саdistские стихи, переделки-паро-

дии. Дидактический – скороговорки, загадки, пословицы и поговорки.

Существуют и другие классификации детского фольклора, в частности деление его на календарный, игровой и бытовой. Однако стоит учесть, что определяющей особенностью всего детского фольклора является его игровой характер. «Весь детский фольклор – игровой по преимуществу», – справедливо отмечает С. М. Лойтер [7, с. 13].

На современном этапе детский фольклор (постфольклор) трансформируется, изменяются жанры, их соотношение [8]. Эта общая тенденция подтверждается и нашими наблюдениями над пензенским детским постфольклором [9, с. 143–144].

Фольклор является исключительно ценным дидактическим материалом в эстетическом воспитании и творческом развитии подрастающего поколения. Яркие образы добра и зла в песнях, сказках, припевках доступны и понятны детям. Слушая и исполняя фольклорные произведения, они сами вовлекаются в сказочную игру, становятся участниками и постановщиками музыкально-игровых и вокально-пластических композиций, кукольных спектаклей. Игре принадлежит важная роль в формировании человека, это своего рода школа жизни. Игра соответствует природе школьника, поэтому процесс сочинения в таком виде деятельности не вызывает отторжения, а наоборот, привлекает тем, что можно проявить свою фантазию и воображение. В то время, когда учащийся занят составлением считалки, словесной игры или загадки, развитие способностей происходит как бы само собою, в занимательной и увлекательной игровой форме, что лишает воспитательный процесс назидательности [10, с. 13].

Развивающий и воспитательный потенциал детского фольклора позволяет использовать его как предметную основу для разработки проектных задач, решая которые дети знакомятся с разнообразными его жанрами, вовлекаются в игру, творчество, осваивают культуру пользования детским

фольклором в различных жизненных ситуациях.

Известно, что процесс решения ребенком проектной задачи включает следующие этапы: осознание проблемы, появление желания разрешить ее – планирование средства, обладающего такими качествами, наличие которых позволит разрешить данную проблему (продукта, мероприятия) – поиск путей осуществления запланированного.

Для проектной задачи, организуемой на материале детского фольклора, эти этапы могут быть конкретизированы следующим образом. Для вовлечения детей в решение проектной задачи необходимо погрузить их в условно-игровую ситуацию, в которой произойдет столкновение детей с проблемой. Возможен такой вариант: ученикам предлагается мысленно совершить путешествие в прошлый век, превратиться в крестьянских ребятшек и поучаствовать в деревенских забавах. Дети представляют весенний день, им предлагается встать в хоровод и с песней приветствовать приход весны, сказать заклички солнышку, дождику. Но современные дети не знают, как это сделать. Осознается задача: узнать, накопить различные жанры детского игрового фольклора, включиться в словесное игровое творчество. Конечно, можно составить сборник детского фольклора и этим ограничиться, но важно помочь детям понять, что собранные и записанные произведения фольклора остаются безжизненными, важно, чтобы они «ожили», зазвучали в деятельности детей. Лучший вариант для решения задачи – это создание сборника детского фольклора со сценариями игр, а потом на основе этих сценариев – «живого», «звучащего» сборника. Но как это сделать? Дети коллективно намечают план работы по проекту. Ученики получают проектный лист, который подсказывает им этапы и содержание работы: *найти произведения детского устного творчества → выбрать те из них, которые помогут общаться с природой, организовать игры → попробовать самим сочинить произведения*

этих жанров → составить сборник детского фольклора (придумать название, обдумать порядок расположения произведений, обсудить иллюстрации и т. п.) → попробовать написать сценарии игр, забав → разыграть фольклорные произведения и разыграть сценки по написанным сценариям.

Работа младших школьников по проекту может быть организована с использованием материалов сайта для выполнения проектной деятельности. Модель такого сайта разработана студентами Пензенского государственного университета (адрес сайта: <http://proectfrpispn.webnode.ru/>). Особенность этого сайта в том, что он содержит web-страницы «Электронная библиотека», «Электронный музей», «Мастерская» и другие, которые моделируют различные этапы и места проектной деятельности: осмысление детьми проектной задачи, выполнение познавательной, творческой речевой и конструктивной деятельности, презентация детских продуктов и их оценивание (подробнее см.: 11). В соответствии с содержанием деятельности на страницы сайта выкладывается необходимый для выполнения проекта материал.

Рассмотрим подробнее, какой материал на страницах названного сайта могут найти дети, создающие «живой» сборник детских забав. Так, на странице «Электронная библиотека» учащиеся найдут различные фольклорные произведения, среди которых есть и произведения детского фольклора. На этой странице размещен также небольшой толковый словарь, разъясняющий некоторые неизвестные слова, встречающиеся в фольклорных произведениях. Есть на странице сайта и информация о детских играх, празднованиях, обычаях, участие в которых сопровождалось песнями, закличками и т. п. Во всех источниках, размещенных на этой странице, информация представлена в доступном виде и ориентирована на младший школьный возраст. На странице «Электронный музей» дети могут найти иллюстрации с изображением героев детского фольклора, рисунки

народных орнаментов для того, чтобы сделать сборник более наглядным и ярким. А на странице «Мастерская» размещен материал, помогающий юным творцам придумать разные жанры детского фольклора, узнать, как пишется сценарий. Выполняя задания этой страницы, дети исследуют, как устроены считалки, заклички, узнают рекомендации по их сочинению, а также инструкции по составлению сборника, который будет содержать произведения детского фольклора и сценарии игр и забав.

На следующем этапе работы над проектом дети «оживляют» по написанным сценариям произведения детского фольклора. Такой фольклорный праздник может быть разыгран на родительском собрании, перед младшими ребятами.

Таким образом, работа учащихся над проектными задачами, разработанными на материале детского фольклора, формирует у младших школьников представление о национальной культуре, народных традициях, развивает творческие способности учеников.

Библиографический список

1. Шлинке Т. Н. Метод проектов как одно из условий повышения мотивации обучения учащихся // Начальная школа. – 2008. – № 9.
2. Проектные задачи в начальной школе: пособие для учителя / А. Б. Воронцов, В. М. Заславский, С. В. Егоркина и др.; под ред. А. Б. Воронцова. – М.: Просвещение, 2011.
3. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб., 1999.
4. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Книга первая. – М., 1986.
6. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М., 2004.
7. Лойтер С. М. Русская детская литература XIX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Петрозаводск, 2002.
8. Трыкова О. Ю. О современном состоянии жанров детского фольклора. URL: <http://gramota.ru>. (дата обращения: 12.10.2004).
9. Живаева Л. Н., Кондалова Т. А. К вопросу об изучении современного детского фольклора // Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспекти-

- вы : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. «Артемовские чтения». – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.
10. Левин В. А. Воспитание творчества. – М. : Знание, 1977.
 11. Наумова Н. И. Освоение будущими учителями технологии организации проектных задач на основе применения ИКТ // Университетское образование : сб. ст. XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию М. Ю. Лермонтова. – Пенза : ПГУ, 2014. – С. 459–461.
 5. Vinogradov G. S. Russkij detskij folklor. Kniga pervaja. – M., 1986.
 6. Anikin V. P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo. – M., 2004.
 7. Lojter S. M. Russkaja detskaja literatura XX veka i detskij folklor : problemy vzaimodejstvija : avtoref. dis. ... d. filol. nauk : 10.01.01. – Petrozavodsk, 2002.
 8. Trykova O. Ju. O sovremennom sostojanii zhanrov detskogo folklor. URL: <http://gramota.ru>. (data obrashhenija: 12.10.2004).
 9. Zhivaeva L. N., Kondalova T. A. K voprosu ob izuchenii sovremenного detskogo folklor // Sovremennoe obrazovanie : nauchnye podhody, opyt, problemy, perspektivy : sb. st. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Artemovskie chtenija». – Penza : Izd-vo PGU, 2014.
 10. Levin V. A. Vospitanie tvorcestva. – M. : Znanie, 1977.
 11. Naumova N. I. Osvoenie budushhimi uchiteljami tehnologii organizacii projektnyh zadach na osnove primenenija IKT // Universitetskoe obrazovanie : sb. st. XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 200-letiju M. Ju. Lermontova. – Penza : PGU, 2014. – S. 459–461.
- Bibliograficheskij spisok**
1. Shlinke T. N. Metod proektov kak odno iz uslovij povyshenija motivacii obuchenija uchashhих-sja // Nachalnaja shkola. – 2008. – № 9.
 2. Proektnye zadachi v nachalnoj shkole : posobie dlja uchitelja / A. B. Voroncov, V. M. Zaslavskij, S. V. Egorkina i dr.; pod red. A. B. Voroncova. – M. : Prosveshhenie, 2011.
 3. Osorina M. V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. – SPb., 1999.
 4. Zueva T. V., Kirdan B. P. Russkij folklor : uchebник dlja vysshih uchebnyh zavedenij. – M. : Flinta : Nauka, 2002.

© Живаева Л. Н., Наумова Н. И.,
Кондалова Т. А., 2015

ДЕНЬ НАУКИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

С. Б. Барашкина *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Н. И. Наумова *кандидат педагогических наук, доцент,*
Н. Б. Тихонова *кандидат педагогических наук, доцент,*
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

SCIENCE DAY IN PRIMARY SCHOOL

S. B. Barashkina *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
N. I. Naumova *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
N. B. Tihonova *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
Penza State University, Penza, Russia

Summary. This scenario describes the methodological design of the Day of Science in primary school for students in grades 3–4 classes. The proposed event implements system-activity approach to the organization of extracurricular work and is a simulation and role-playing game in which the children are immersed in the study of well-known scientific methods. In the methodical development provides an overview of all activities of the event, given the scenario in detail the organization of the children in the research laboratories of the Russian language, science and mathematics description of the contents «Science-In-Box» for each laboratory.

Keywords: day science in primary school; children’s research laboratories; research on children Russian yahyku; science and mathematics.

Одно из актуальных направлений внеурочной работы в начальной школе – организация учебно-исследовательской деятельности детей. Однако педагогический опыт в этой области небольшой, чаще всего не транслируемый, поэтому учителя испытывают дефицит методических средств (в широком понимании этого слова) для организации детских исследований.

Восполнить этот методический пробел поможет предлагаемая разработка организации образовательного события «День науки в начальной школе», участниками которого могут стать учащиеся 3–4 классов. Драматургия названного события опирается на имитационно-ролевою игру, в которой дети становятся «учеными», погружаются в работу научных лабораторий, где, опираясь на исследовательские методы, ведут познавательный поиск.

При проектировании данного мероприятия мы опирались на ряд установок, учитывающих требования деятельностного подхода и специфику детского возраста:

- а) преимущество деятельностных форм участия детей в данном событии;
- б) необходимость введения детей в мир науки (ознакомление их с эле-

ментарными представлениями о науке, исследовании, деятельности некоторых ученых, их открытиях и т. п.);

в) реализация обязательной связи исследования детей с содержанием учебных предметов;

г) адаптация соответствующего научного метода исследования к возрасту учащихся.

Рассмотрим содержание и организацию предлагаемого события.

Драматургия «Дня науки в начальной школе» включает следующие блоки:

- 1) вступительно-обзорный блок (погружение детей в понятийное поле науки);
- 2) практический блок (вовлечение детей в учебное исследование);
- 3) итогово-рефлексивный блок (выступления детей по итогам исследования на «научном совете», вручение сертификатов участника исследовательской работы и т. п.).

Рассмотрим более конкретно организацию каждого из названных блоков.

1. Вступительно-обзорное мероприятие проводится, как правило, в актовом зале школы, где собираются все участники события. Оно начинается

ся с вручения каждому ребенку «Приглашения в мир науки», в котором содержится приветствие и указывается маршрут участия: название и место лаборатории, в которой будет работать ученик, место и время подведения итогов исследовательских работ (актовый зал).

После небольшого приветствия организуется диалог, в ходе которого выясняется, что такое наука, кто такой ученый, что делают ученые, как они работают, важно ли другим людям уметь действовать, как ученые и т. п. Участвуя в игре «Угадайка», организуемой с использованием электронной презентации, дети уточняют свои представления об исследовании, лаборатории. Они высказывают предположения, а затем узнают о том, что исследуют в лаборатории по ономастике, дендрологии, математике.

По окончании вступительной части собрания дети расходятся по лабораториям.

2. Работа детей в лабораториях. Цели участия детей в лабораториях направлены на достижение следующих результатов:

а) дети получают представление об элементарных методах исследования (статистический метод, метод опроса, метод классификаций, логический метод, метод использования модели-делянки и др.);

б) у них начнет вырабатываться эмоционально-ценностное отношение к исследованию, к науке;

в) дети узнают об известных ученых нашего края: В. Д. Бондалетове; И. И. Спрыгине, А. К. Артемове;

г) получают новую информацию о действительности (об изменении имен, о ландшафте местности, где они проживают, о способах решения нестандартных задач).

Для каждой лаборатории заранее подготавливается своеобразный «Science-In-Box» с необходимыми материалами для проведения исследований.

Работа детей в лабораториях включает следующие этапы:

а) погружение детей в проблему;

б) там, где это целесообразно, ознакомление их с личностью ученого, который успешно решал эту проблему тем или иным методом;

в) групповое исследование детей на основе данного научного метода;

г) подготовка к представлению результатов исследования.

Организация работы в лаборатории по русскому языку (название «Бондалетовская лаборатория ономастики»). В этой лаборатории дети исследуют особенности имен двух поколений: самих учащихся и их бабушек и дедушек.

Содержание «Science-In-Box»:

1) небольшие карточки-заготовки для проведения опроса среди учащихся третьих классов (нужны три разновидности заготовок с надписями:

а) «Имя учащегося»;

б) «Имя бабушки»;

в) «Имя дедушки»); если опрос проведен заранее, то учащиеся получают заполненные, но несистематизированные карточки);

2) «Лист исследователя», на котором дети записывают свои предположения, составляют план работы, оформляют таблицы по результатам проведенного исследования, делают выводы.

Таблица 1
Имена наших сверстников

Имена	Женские	Мужские
Самые частотные		
Менее частотные		
Редкие		

Таблица 2
Имена наших бабушек и дедушек

Имена	Женские	Мужские
Самые частотные		
Менее частотные		
Редкие		

Ход работы лаборатории

1. Погружение в проблему, осмысление темы. Детям сообщается о том, что людей всегда волнует то, что связано с собственными именами. Имена всегда интересовали не только ученых, но и обычных людей.

2. Знакомство с методом и ученым, который работал этим методом, определение задач учебного исследования.

– В нашей лаборатории мы будем исследовать имена тем методом, который

предложил В. Д. Бондалетов. Он собирал имена разных десятилетий и даже столетий, потом делал подсчеты и приходил к важным выводам. А каким, вы узнаете, если поработаете методом, который применял В. Д. Бондалетов. Этот известный ученый сравнивал имена, которые давались девочкам и мальчикам одного поколения, с именами, которыми назывались девочки и мальчики другого поколения. Мы тоже сегодня проделаем этот путь.

– Для работы нам нужен инструмент. Он собран в папке под названием «Science-In-Box». В переводе это означает «Наука в чемодане», а у нас все необходимое для исследования в папке. Откройте ее и познакомьтесь с научным инструментом. (Знакомство детей с материалами папки «Science-In-Box» и обсуждение назначения помещенных в папку материалов.)

3. Выдвижение гипотез и планирование хода работы.

– Как вы думаете, ребята, что может получиться в результате нашего исследования? (Дети высказывают предположения и записывают свои версии на «Листе исследователя» на строке «Наши догадки».)

– Высказанные догадки должны проверяться в ходе исследования. Давайте и мы приступим к проверке ваших догадок. Как же мы будем исследовать? Попробуйте высказать догадки и об этом. А для этого рассмотрим материалы исследовательского листа. (Дети выдвигают свои версии, совместно намечают план дальнейших действий, также фиксируя его на исследовательском листе.)

Примерный план:

1) распределение имен на группы: мужские – женские;

2) в каждой группе выделение возрастных подгрупп: имена дедушек – имена мальчиков, имена бабушек – имена девочек;

3) объединение одинаковых имен в каждой подгруппе;

4) оценка полученных объединений.

4. Групповое исследование детей:

1) сбор (если он запланирован);

2) обработка собранных имен по намеченному плану;

3) занесение результатов в таблицу.

5. Подведение итогов исследования. Устанавливается, подтвердились ли предположения, догадки; можно ли сказать, как изменился набор популярных имен? А как изменились редкие имена? И т. п.

Детям предлагается составить небольшой отчет, в котором нужно указать ответы на следующие вопросы: сколько имен было у ребят? Какие имена оказались самыми популярными, а какие попали в разряд редких у представителей разных поколений? Как изменились предпочтения?

Дети кратко записывают отчет на «Листе исследователя», далее выбирают представителя, который на «научном совете» доложит о результатах исследований. Также выбираются ответственные за размещение информации об исследовании на общем исследовательском коллаже.

Организация работы в лаборатории по естествознанию (название «Спрыгинская дендрологическая лаборатория»). Работа детей направлена на исследование растительного мира Пензенской области.

Содержание «Science-In-Box»: фотографии с разными участками леса, модель-делянка, «Природная карта Пензенской области» или географический атлас с указанием видов ландшафтных территорий края; «Лист исследователя» (на котором дети записывают гипотезу, заполняют таблицу по результатам проведенного исследования, оформляют выводы).

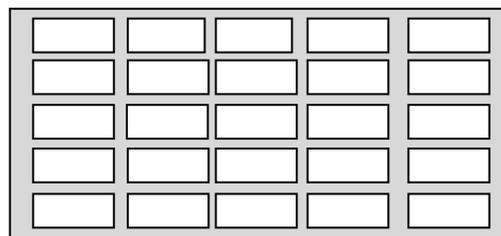

Рисунок модели-делянки (размер соответствует размеру фотографий)

Данная модель накладывается на фотографию с изображением лесов (описание работы с моделью дается ниже).

Ход работы лаборатории

1. Погружение в работу, уточнение содержания названия лаборатории.

– Здравствуйте, ребята! Приглашаем вас в мир науки. А вот и дверь, которая поможет нам туда войти. Прочитаем надпись на этой двери. Вы уже знаете, что такое лаборатория. Попробуем узнать, что же мы будем исследовать в нашей лаборатории. Может быть, кто-нибудь знает, что значит слово *дендрология*? (На доске может быть запись: *dendron* – в греческом языке означает «дерево».)

– В названии нашей лаборатории осталось еще одно непонятное слово. Может быть, кому-то из вас оно понятно?

– Значение этого слова вам подскажет (уточнит) материал следующего слайда. (Информация об Иване Ивановиче Спрыгине: ученый-исследователь природы Пензенского края, Среднего Поволжья, Предуралья, Средней Азии и Казахстана, один из зачинателей природоохранного дела в России, основатель научно-просветительских учреждений в Пензе: естественно-исторического музея, ботанического сада, гербария. Его знают не только в России, но и за рубежом.)

– Как теперь вы понимаете название нашей лаборатории?

2. Определение темы, метода и гипотезы исследования.

– Что и как он изучал, мы сегодня узнаем, когда сами станем исследователями. А исследовать мы будем следующим образом: рассмотрим карту растительности Пензенской области, определим, где на территории области находятся леса, рассмотрим фотографии лесных участков Пензенской области, с помощью модели-делянки определим сомкнутость крон древесных пород на выделенном снимке. Установим различие в лесных участках, зная принадлежность фотографии определенной территории, нанесем результат работы с помощью значка. Учитываем, что полная сомкнутость кроны в ячейках соответствует смешанному лесу и наносится темно-зеленым цветом, неполная сомкнутость кроны соответствует широколиственному, дубравному лесу и наносится бледно-зеленым цветом. Если заполнена половина ячеек, то это

свидетельствует об островных формах леса и наносится зеленой штриховкой. На основе такой работы установим, какие растения могут расти в лесах, которые запечатлены на данных вам фотографиях.

– Как вы думаете, ребята, что может получиться в результате нашего исследования? (Дети высказывают предположения и на «Листе исследователя» на строке «Наши предположения» записывают одно из предположений.)

– Предположения проверяются в ходе исследования. Каков будет ход нашего исследования? (Дети осмысливают план исследования:

1) выбор фотографии;

2) наложение модели-делянки на фото;

3) подсчет квадратиков на модели, включающих верхушки и кроны деревьев;

4) фиксирование полученных результатов в «Листе исследователя».)

3. Групповое исследование детей:

а) выбор фото с определенными территориями леса;

б) исследование объекта по предложенному плану.

4. Подведение итогов исследования.

Какие выдвинуты предположения? Что получили в ходе исследования? Можете ли вы сказать, как изменился цвет на карте растительности Пензенской области?

Далее дети кратко записывают результаты своей работы на «Листе исследования», составляют небольшой отчет, выбирают представителя, который выступит с ним на «научном совете». Назначаются ребята, которые разместят информацию о работе лаборатории на коллаже.

Организация работы в лаборатории по математике (название «Логико-математическая лаборатория»). В данной лаборатории дети исследуют способы решения нестандартных задач.

Содержание «Science-In-Box»: 4 карточки с текстом задачи, 4 карточки с рассуждениями и аналогичные плакаты, ручки, маркеры, карандаши, цветные ленты 4 цветов (каждому ребенку по одной ленте), бутылочка кока-колы, бумажные модели сторублевой фальшивой купюры, настоящих 100 рублей, разменных денег (5 монеток по 10 рублей и 50 рублей бумажной купюрой),

элементы костюмов героев задачи или просто бумажные венцы с надписями: Люба, Вася, Жулик.

Ход работы лаборатории

1. Погружение в проблему, деление на группы.

– Ребята, сегодня у нас Праздник науки, а какие отличительные особенности праздника вы знаете? (Дети называют различные признаки, среди которых – наличие украшений в помещениях, на одежде.)

– Давайте и мы украсим наши костюмы цветными лентами (детям раздаются ленты четырех разных цветов; каждый ребенок получает по одной ленте и украшает ей свою одежду).

– Ребята, посмотрите, как расставлены парты. Что вы заметили? (Парты расставлены для работы в группах. Всего 4 группы. Каждое рабочее место украшено цветной лентой. Цвета лент такие же, как у ребят на одежде.)

Дети объединяются в группы, согласно цвету лент, и рассаживаются за столы. На столе у каждой группы лежит текст задачи (в одном экземпляре), листочек с рассуждением, 5 карандашей, 5 листов бумаги.

Задача. Однажды Жулик купил у продавщицы Любы бутылку колы за 30 рублей, расплатившись фальшивой сторублевой купюрой. У Любы не было сдачи, и она разменяла фальшивую купюру у ларечника Васи. Когда Жулик ушел с колой и сдачей, Вася заметил обман и потребовал у Любы вернуть ему его деньги. Любе пришлось отдать Васе свои 100 рублей. Какой убыток понесла Люба?

Детям предлагаются примеры типичных рассуждений по решению задачи.

1. Люба отдала Жулику кока-колу за _____ рублей и сдачу _____ рублей. Да еще Васе _____ рублей. Значит, всего она потеряла _____ рублей.

2. Люба отдала Жулику сдачу _____ и Васе свои _____ рублей. Всего ее убыток составил _____ рублей.

3. Люба отдала Васе свои _____ рублей. Это ее убыток.

4. Люба отдала Жулику кока-колу за _____ рублей и Васе свои _____ рублей, значит ее убыток _____ рублей.

После того как дети расселись, им предлагается выполнить следующие задания:

– Вам предстоит

- 1) прочитать историю;
- 2) восстановить цепочку рассуждений;
- 3) письменно выразить свое согласие или несогласие с данным вам рассуждением;
- 4) выработать свой ответ и записать его.

2. Работа в группах, представление результатов.

Дети работают в группах, вписывая ответы в места пропусков.

По окончании групповой работы на доске вывешиваются плакаты с аналогичными рассуждениями. Представители каждой команды по очереди выходят к доске и в процессе выступления восстанавливают рассматриваемые рассуждения на плакатах, аналогичных карточкам, и отвечают на вопросы. (Практика показывает, что в процессе устных рассуждений ребятам трудно прийти к единому мнению и найти правильный ответ.) Подводим итог этого этапа работы и фиксируем на доске все версии ответа.

– Ребята, есть ли еще варианты? (Если есть, дополняем имеющиеся предположения.)

3. Наглядно-практический метод решения проблемы.

– Как же нам прийти к общему мнению? (Дети чаще всего оказываются в замешательстве.)

– Оказывается, такой способ есть. Это способ проигрывания ситуации. Давайте и мы с вами инсценируем эту задачку, проиграем мини-сценку. (Выбираются дети, которые будут инсценировать сценку, они выходят к доске, разбирают реквизит и надевают элементы костюмов.)

Проигрываем сценку и вносим результаты в таблицу на доске.

	Жулик	Люба	Вася
Было	100 фальшивых рублей, т. е. ничего	Кола (30 руб.) 100 руб.	70 + 30 = 100 руб.
Стало	Кола – 30 руб. Сдача – 70 руб. Всего: 100 руб.	30 руб. (за колу) Фальшивые 100 руб. Всего: 30 руб.	100 руб.
Изменилось на:	+ 100 руб.	– 100 руб.	–

Заполнив таблицу и обсудив ее, дети убеждаются, что Люба понесла убыток в 100 рублей.

– Ребята, как-то изменилось материальное положение у Васи? А у Жулика? А у Любы? Эта история подтверждает главный закон нашей жизни, который в науке называют законом сохранения энергии: «Ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно». Люба потеряла ровно столько, сколько «заработал» Жулик.

3. Итогово-рефлексивное мероприятие. Финалом этого события становится заседание «научного совета», на котором дети выступают с оглашением своих результатов и в ходе которого создается общий «научный» отчет-коллаж. На заготовленное для коллажа место прикрепляются схемы, карты, таблицы и т. п., то есть все те материалы, которые явились результатом работы детей. После выступления представителей групп подводится общий итог, а детям вручаются сертификаты участника (каждому ребенку).

В заключение отметим, что проведение Дня науки – это не одноактное событие. В течение года таких событий может быть несколько, при этом общая модель события может оставаться неизменной, изменения требует содержание детских исследований, организуемых в рамках конкретных лабораторий. Материалы для организации детских лабораторий отражены в приведенном списке литературы: [1, 2, 3, 4].

Библиографический список

1. Барашкина С. Б. Формирование регулятивных универсальных учебных действий на уроках окружающего мира : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. Д. Мали, Н. И. Наумовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 14–24.
2. Истомина Н. Б., Тихонова Н. Б. Развитие универсальных учебных действий у младших

школьников в процессе решения логических задач // Начальная школа. – 2011. – № 6. – С. 30–35.

3. Истомина Н. Б., Тихонова Н. Б. Формирование умения рассуждать в процессе решения логических задач // Начальная школа. – 2014. – № 7. – С. 87–91.
4. Наумова Н. И. Ступени поиска. Сборник исследовательских задач для внеурочной работы по русскому языку. 3 класс : пособие для учащихся / под ред. Л. Д. Мали. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 44 с.
5. Наумова Н. И. Организация учебного лингвистического исследования младших школьников при изучении языковой теории // Формирование универсальных учебных действий у младших школьников : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. Д. Мали, Н. И. Наумовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 96–110.

Bibliograficheski spisok

1. Barashkina S. B. Formirovanie reguljativnyh universalnyh uchebnyh dejstvij na urokah okružhajushhego mira : sb. nauch. st. / pod obshh. red. L. D. Mali, N. I. Naumovoj. – Penza : Izd-vo PGU, 2015. – S. 14–24.
2. Istomina N. B., Tihonova N. B. Razvitie universalnyh uchebnyh dejstvij u mladshih shkolnikov v processe reshenija logičeskijh zadach // Nachalnaja shkola. – 2011. – № 6. – S. 30–35.
3. Istomina N. B., Tihonova N. B. Formirovanie umenija rassuzhdat v processe reshenija logičeskijh zadach // Nachalnaja shkola. – 2014. – № 7. – S. 87–91.
4. Naumova N. I. Stupeni poiska. Sbornik issledovatel'skijh zadach dlja vneuročnoj raboty po russkomu jazyku. 3 klass : posobie dlja uchashhihsja / pod red. L. D. Mali. – Penza : Izd-vo PGU, 2015. – 44 s.
5. Naumova N. I. Organizacija uchebnogo lingvističeskogo issledovanija mladshijh shkolnikov pri izuchenii jazykovej teorii // Formirovanie universalnyh uchebnyh dejstvij u mladshijh shkolnikov : sb. nauch. st. / pod obshh. red. L. D. Mali, N. I. Naumovoj. – Penza : Izd-vo PGU, 2015. – S. 96–110.

© Барашкина С. Б., Наумова Н. И., Тихонова Н. Б., 2015

**КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В УПРАВЛЕНИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ****Л. В. Боброва***Кандидат технических наук, доцент,
Национальный открытый институт,
г. Санкт-Петербург, Россия***KVALIMETRICHESKOJ METHODS EDUCATIONAL MANAGEMENT****L. V. Bobrova***Candidate of Technical Sciences,
assistant professor,
National Open Institute,
St. Petersburg, Russia*

Summary. One of the important directions of reforming the current system of engineering education is a system integration of information and communication technologies in the educational process itself and in the management of education. Assessment of the quality of education has become one of the main problems in the organization of educational institutions. The transition from the management of structural units of universities to manage the process. The article deals with the system of education quality assessment and performance of universities in France, Russia, European countries and the United States. Analyzes the trends of the modern world educational situation in the organization monitoring the quality of education and introduction of educational competence interpretation of learning outcomes.

Keywords: information and communication technology; quality management of the educational process.

Бурное развитие информационных систем и технологий позволяет говорить о формировании новых подходов к образованию. Традиционные формы обучения уже не обеспечивают решения современных задач организации образовательного процесса, но, с другой стороны, не безграничны и возможности современных педагогических и информационных технологий. Таким образом, необходимость управления качеством инженерно-технического образования с использованием технологий дистанционного и электронного обучения (как и обычного образования при очной форме обучения) обусловлена многими факторами.

Инструментом управления качеством образования служат системы менеджмента качества (СМК), соответствующие требованиям международных стандартов ISO серии 9000 третьего и четвертого поколений. Они внедрены во всех вузах и включены в состав аккредитационных показателей. Революционной для теории административного управления здесь является рекомендация управлять не структурными подразделениями об-

разовательных учреждений (управлениями, факультетами, отделами, кафедрами, лабораториями в вузах), а процессами – обучения, воспитания, материально-технического обеспечения, повышения квалификации персонала и т. д. [1, 2].

Нельзя улучшать образовательный процесс, не имея адекватных средств измерения уровня сформированности тех или иных компетенций. К методам квалиметрической оценки уровня сформированности компетенций обычно относят тесты, предъявляя к ним ряд требований: универсальность (возможность применять данную методику в различных ситуациях, для различных дисциплин); возможность использования для тестирования в пределах одной дисциплины или для междисциплинарной диагностики; высокая надёжность и валидность, сравнительная простота обработки результатов теста и др. [3, 4]. Системы тестирования имеют важное значение в образовательном процессе, но не решают полностью проблему управления качеством образовательного процесса в целом и управляемого качества в частности.

Поэтому разработка комплексной методики измерения качества обучения (квалиметрии) для оценки различных вариантов комплексирования технологий с точки зрения влияния каждого из видов технологий на итоговый (обобщенный) показатель качества, а также принятие педагогических решений путём моделирования процессов и применения информационных технологий являются актуальными задачами как в теоретическом, так и практическом планах [5, 6].

Текущий контроль успеваемости студентов – традиционная форма управления учебным процессом. Подход, при котором комплексным показателем качества знаний, характеризующим степень усвоения всеми студентами программного материала по дисциплине, служит «средний балл», представляющий собой среднее арифметическое значение оценок (в цифровой форме), полученных всеми студентами в группе, является некорректным. Отметки являются просто обозначениями реперных точек на квалиметрической шкале, и математические действия с отметками невозможны. Ниже предлагаются формулы для расчёта комплексного показателя качества Q_d , конкретный вид которых зависит от формата представления измерительной информации.

Если зачетная ведомость по отдельной дисциплине представлена в текстовом формате, то комплексный показатель успеваемости (качества знаний) по этой дисциплине рассчитывается по формуле:

$$Q_d = 1 - \frac{n_{\text{нз}}}{m}, \quad (1)$$

где $n_{\text{нз}}$ – число «незачетов» (число студентов, не сдавших зачет); m – число студентов, сдававших зачеты.

Если ведомость успеваемости студентов по отдельной дисциплине представлена в цифровом формате с обозначениями реперных точек цифрами 2, 3, 4, 5, то комплексный показатель качества знаний рассчитывается по формуле:

$$Q_d = 1 - \sum_{i=2}^{i=5} \frac{5-i}{3} \frac{n_i}{m}, \quad (2)$$

где i – оценки (обозначения реперных точек) из числа 2, 3, 4, 5; n_i – число i -х оценок; m – число студентов, проходивших аттестацию в цифровой форме.

Если же ведомость успеваемости представлена в числовом формате по балльно-рейтинговой шкале, то

$$Q_d = 1 - \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m \frac{100 - Z_i}{60}, \quad (3)$$

где Z_i – i -я оценка.

При внешних аудитах или проверках эксперты обычно выражают свое мнение о том, в какой мере студенты овладели *группами компетенций*, предусмотренными ФГОС, в буквенном формате. **При представлении ведомости в буквенном формате** комплексный показатель качества знаний, умений и навыков по *группе компетенций* рассчитывается по формуле:

$$Q_{\text{гк}} = 1 - \frac{n_{\text{н}}}{m} - 0,5 \frac{n_{\text{с}}}{m}, \quad (4)$$

где $n_{\text{н}}$ – число оценок, обозначенных буквой Н; $n_{\text{с}}$ – число оценок, обозначенных буквой С; m – общее число оценок, равное количеству студентов.

При обнаружении в процессе мониторинга устойчивой тенденции к уменьшению $Q_{\text{гк}}$ должны планироваться *предупреждающие* воздействия на образовательный процесс по этой дисциплине. При $Q_{\text{гк}} < 0,5$ они становятся *корректирующими* [7, 8].

Применение современных информационных технологий привносит в учебный процесс новые возможности: сочетание высокой экономической эффективности и гибкости учебного процесса, широкое использование информационных ресурсов, существенное расширение возможностей традиционных форм обучения, а также возможность построения новых эффективных форм обучения. Однако новые методики обучения требуют и новых методик оценки качества обучения.

Библиографический список

1. Bobrova L., Marinova O. Methodological Problems in Organization of Educational Process for Remote Audience // World Applied Sciences Journal, Volume 20, Issue 20 (Special Issue on Pedagogy and Psychology). – P. 78–83.

2. Боброва Л. В., Писарев А. Ю. Проблемы управления качеством образовательного процесса // Журнал научных публикаций «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». – М. : Центр стратегических исследований. – 2013. – № 2 (49). – С. 271–274.
 3. Боброва Л. В. Проблемы обучения преподавателей информационным технологиям // Modern technologies in system of additional and professional education. Materials of the II International scientific conference on May 2–3. – Prague, 2014. – P. 170–173.
 4. Боброва Л. В. Практико-ориентированное дистанционное обучение как фактор создания инновационной экономики // Сборник материалов III-й международной научно-практической конференции «Инновации и современные технологии в системе образования», Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra–CZ». – Прага, 2013. – С. 36–38.
 5. Третьякова Т. В. Анализ подходов к оценке качества образования за рубежом // Вестник ЯГУ. – 2011. – Т. 6. – № 2.
 6. Смирнова Н. А. Проблемы управления качеством образовательных услуг // Paradigma poznani, Vedecko vydavatelске centrum «Sociosféra–CZ». – 2014. – № 2. – P. 16–19.
 7. Смирнова Н. А. Системы управления обучением в дистанционном образовании // Informative and communicative space and a person. Materials of the IV International scientific conference on April 15–16. – Prague, 2014. – P. 129–132.
 8. Смирнова Н. А., Bobrov S. Вопросы управления качеством образовательных услуг // Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных и гуманитарных дисциплин : труды межд. науч.-метод. конференции 27–29 мая 2014 г. «Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». – СПб., 2014. – С. 181–186.
- Bibliografickij spisok**
1. Bobrova L., Marinova O. Methodological Problems in Organization of Educational Process for Remote Audience // World Applied Sciences Journal, Volume 20, Issue 20 (Special Issue on Pedagogy and Psychology). – R. 78–83.
 2. Bobrova L. V., Pisarev A. Ju. Problemy upravlenija kachestvom obrazovatel'nogo processa // Zhurnal nauchnyh publikacij «Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk». – М. : Centr strategicheskikh issledovanij, 2013. – № 2 (49). – S. 271–274.
 3. Bobrova L. V. Problemy obuchenija prepodavatelej informacionnym tehnologijam // Modern technologies in system of additional and professional education. Materials of the II International scientific conference on May 2–3. – Prague, 2014. – R. 170–173.
 4. Bobrova L. V. Praktiko-orientirovannoe distancionnoe obuchenie kak faktor sozdanija innovacionnoj jekonomiki // Sbornik materialov III-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Innovacii i sovremennye tehnologii v sisteme obrazovanija», Vědecko vydavatelске centrum «Sociosféra–CZ». – Прага, 2013. – S. 36–38.
 5. Tretjakova T. V. Analiz podhodov k ocenke kachestva obrazovanija za rubezhom // Vestnik JaGU. – 2011. – Т. 6. – № 2.
 6. Smirnova N. A. Problemy upravlenija kachestvom obrazovatel'nyh uslug // Paradigma poznani, Vedecko vydavatelске centrum «Sociosféra–CZ». – 2014. – № 2. – R. 16–19.
 7. Smirnova N. A. Sistemy upravlenija obucheniem v distancionnom obrazovanii // Informative and communicative space and a person. Materials of the IV International scientific conference on April 15–16. – Prague, 2014. – R. 129–132.
 8. Smirnova N. A., Bobrov S. Voprosy upravlenija kachestvom obrazovatel'nyh uslug // Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii v prepodavanii estestvennonauchnyh i gumanitarnyh disciplin : trudy mezhd. nauch.-metod. konferencii 27–29 maja 2014 g. «Nacionalnyj mineralno-syrevoj universitet «Gornyj». – Sankt-Peterburg, 2014. – S. 181–186.

© Боброва Л. В., 2015

УДК 37.025.7: 37.014.543

**НОВЫЙ ПОДХОД В ОРГАНИЗАЦИИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В КАЗАХСКОЙ АУДИТОРИИ**

С. Т. Жарбулова*Кандидат педагогических наук,
профессор,***С. Т. Тайман***кандидат исторических наук, доцент,
Кызылординский государственный
университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан*

**A NEW APPROACH IN ORGANIZATION
OF GROUP WORK ON EMPLOYMENT OF PRACTICAL
RUSSIAN LANGUAGE IN THE KAZAKH AUDIENCE**

S. T. Zharbulova*Candidate of Pedagogical Sciences,
professor,***S. T. Taiman***Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
The Korkyt Ata Kyzylorda State University,
Kyzylorda, Kazakhstan*

Summary. Organization of group work is the main condition for the development of personal position in relation of functional literacy of future specialists. Using of interactive teaching methods in group work provides an opportunity for everyone to show their individuality. The introduction of constructivist teaching in the educational process of high school contributes to the improvement of Kazakhstan's model of multi-level professional education.

Keywords: group work; constructivist teaching; functional literacy; personality potential.

Форма групповой работы на протяжении нескольких десятилетий успешно используется как в средних, так и в высших профессиональных учебных заведениях. В частности, на практических курсах по русскому языку мы проводим занятия в малых группах (7–10 студентов).

Организация групповой работы с применением метода «лицом к лицу» полностью, можем даже сказать, кардинально изменила методику преподавания дисциплины. Почему? Во-первых, мы проводили занятия в малых группах, но это была не коллаборативная работа. Во-вторых, традиционная форма групповой работы отличается от предложенной новой формы тем, что субъект-субъектная деятельность основывается на Я-концепции. Иными словами, анализируя методический подход применения групповой работы, мы можем подчеркнуть, что преподаватели должны обеспечить психолого-педагогические условия для выявления

и развития личностного потенциала каждого студента. В-третьих, используя групповую работу, каждый из нас (и преподаватель, и студент) открывает для себя что-то новое, т. е. трансляция академических знаний происходит на уровне исследования для применения на практике (рис. 1).

Следует обратить внимание на то, что в ходе проведения занятия в такой форме обучающиеся раскрываются, показывают своё личностное отношение к предложенной педагогом учебной задаче (вопросу, упражнению и т. д.). В свою очередь преподаватель в учебное время может вести педагогическое исследование в отношении уровня развития коммуникативных и профессионально направленных качеств обучающихся, что способствует своевременному изменению, дополнению педагогических действий в процессе преподавания. Такую работу можно проводить в зависимости от выбранных педагогических аспектов исследования.

Рис. 1

Организация групповой (коллективной) работы, на наш взгляд, является основным условием формирования и развития личностной позиции по отношению к функциональной грамотности будущих специалистов. Поэтому каждый обучающийся, для того чтобы проявить свое Я, должен выработать в себе следующие умения:

- презентовать самого себя;
- высказывать свое мнение по поставленным педагогическим задачам;
- оказывать поддержку или выражать противоположенное мнение в отношении выдвинутых учебных задач в группе и перед аудиторией;
- уметь оценивать себя и людей, сопричастных к данному вопросу.

Таким образом, обучающиеся находятся в условно созданных «лабораториях» саморазвития.

Использование групповой работы развивает диалогическую, монологическую речь обучающихся, воспитывает культуру речи (рис. 2).

Для организации групповой работы, во-первых, необходимо иметь такое количество учащихся, которое считалось бы достаточным для разделения академической учебной группы на деятельностно-действующие микрогруппы: в последних должно быть не менее 3 и не более 8–10 студентов. На практике мы разделили группу АТТ-14-1, где в первой подгруппе учатся всего 13 студентов, на 3 части, *не акцентируя* внимание на уровне знаний. Во-вторых, нужно иметь активный раздаточный материал, ИКТ, средства наглядности (рис. 3).

Рис. 2

Рис. 3

Научная организация труда

Выражение значений меры и степени, сравнения, сопоставления в СП.

Рис. 4

Инсерт-задание:

значение научной организации умственного труда

это организация труда, основанная на достижениях науки и передовом опыте, систематически внедряемых в производство, которая позволяет наиболее эффективно соединить технику и людей в едином производственном процессе и обеспечивает повышение производительности труда, сохранение здоровья человека и постепенное превращение труда в первую жизненную потребность.

Научная организация умственного труда призвана способствовать решению 3-х основных взаимосвязанных задач: *экономической, психофизиологической, социальной*

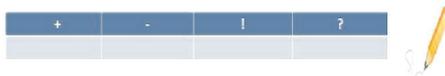

Рис. 5

На практике мы использовали такие интерактивные методы обучения, как

«ассоциация», «кластер», «кубизм», «синквейн», «взаимоопрос», «семантическая карта», «ключевые термины», «рассказ по опорным словам», «РАФТ».

Мы уверены в том, что групповая работа будет эффективной только тогда, когда станет применяться систематически. Необходимость непрерывного использования такой формы организации учебного процесса заключается в том, что она способствует развитию чувства ответственности каждого за «общее дело». В условиях кредитной системы обучения групповая работа может продуктивно применяться как на аудиторных занятиях, так и на занятиях СРСП, и СРС.

Мы обратили внимание на то, что групповая (коллаборативная) работа отличается и от работы в малых учебных группах, и от дифференциального метода обучения. При организации групповой работы необходимо соблюдать принципы педагогической психологии: соразмерность, совместимость, приемлемость.

Использование интерактивных методов обучения в групповой работе предоставляет возможность каждому проявить свою индивидуальность и раскрыть потенциальные возможности личности. Несмотря на языковой барьер, студенты на занятиях стремились высказать свои суждения, ответить на вопросы от имени группы, проявляя чувство ответственности за команду, лидерские способности и т. п. Кроме

того, групповая работа совершенствует рефлексию каждого учащегося.

Опираясь на педагогическую практику, мы можем утверждать, что групповая работа продуктивно применяется на практических, лабораторных занятиях, СРСП. Систематическое использование такой работы в учебном процессе способствует развитию саморефлексии студентов и совершенствует профессиональную рефлексию преподавателя.

Педагогический аспект экспериментальной апробации внедрения конструктивистского преподавания во время педагогической практики даёт возможность выдвинуть следующую гипотезу: исторически сложившаяся «традиционная методика преподавания, основанная на трансляции готовых знаний» [1, с. 66], не отвечает государственно-значимым педагогическим, психологическим, социальным требованиям подготовки полиязычной конкурентоспособной личности будущего специалиста, пронизанного духом казахстанского патриотизма и толерантности. Внедрение конструктивистского преподавания в учебный процесс высшей школы способствует совершенствованию казахстанской модели многоуровневого профессионального образования, так как на основе конструктивистского обучения совершенствуются педагогические условия формирования и развития профессиональной рефлексии будущих специалистов. Данная рефлексия основывается на умении моделировать собственные действия, предполагает критическое отношение к информационно-обобщающим знаниям об окружающей действительности.

Формирование профессиональной рефлексии будущего специали-

ста в учебном процессе основывается на принципе «обучение тому, как учиться» [1, с. 71]. Основываясь на Я-концепции и личностно-деятельностном подходе, каждый субъект образовательного пространства должен самостоятельно и непрерывно находиться в процессе исследования для расширения функциональной грамотности по специальности, а следовательно и по метапознанию.

Таким образом, конструктивистское преподавание, на наш взгляд, не является новейшим подходом в обучении тому, как учиться и чему учиться. По методу кубизма, «это новый подход рассмотрения со всех сторон формы и содержания структурированных элементов метапознания для дальнейшего самостоятельного исследования с целью расширения способов применения на практике».

Библиографический список

1. Чиксентмихайи М. Поток : психология оптимального переживания. – Москва, 2011. – 1028 с.
2. Дудкина О. И., Буркитова А. А., Шакиров Р. Х. Формативное оценивание в начальной школе : практическое пособие для учителя. – Бишкек : Билим, 2012. – 89 с.
3. Дадли П. Lesson Study : руководство / Pete Dudley, 2011. – 19 с.

Bibliograficheski spisok

1. Chiksentmihaji M. Potok : psihologija optimalnogo perezhivaniya. – Moskva, 2011. – 1028 s.
2. Dudkina O. I., Burkitova A. A., Shakirov R. H. Formativnoe ocenivanie v nachalnoj shkole : prakticheskoe posobie dlja uchitelja. – Bishkek : Bilim, 2012. – 89 s.
3. Dadli P. Lesson Study : rukovodstvo / Pete Dudley, 2011. – 19 s.

© Жарбулова С. Т., Тайман С. Т., 2015

the university learners at the same time; it likewise gives real picture of learning process, that results are not based on subjective knowledge, the evaluation of the knowledge can be found according to the summative points by correct answers of the test [1].

The justification of the test choice is explained by the intensification of educational process or by saving time of educational process, that provides rational use of students' and teachers' energy and abilities for quick control of learners' knowledge [1].

Recently the testing form of examination has been certified, implemented and has been used to enter universities (UNT, USE).

However other forms to control learners' knowledge shouldn't be forgotten.

The method of written examination reveals theoretical knowledge and skills that can be used to solve concrete tasks, it provides high objectiveness of the results, contributes to logical thinking, forms reflexive skills and trains to be accurate.

Written form of control is the main method of control of learners' knowledge and differs in individual character of the performing the task.

The method of written control of knowledge provides deep and extensive background control and evaluation of students' knowledge, skills, reveals theoretical knowledge and skills used to solve concrete tasks, also the degree of possessing written speech, development of thinking and formation of reflexive skills [2].

Modern practical knowledge of European educational system shows that popular form of written form of control is writing an essay.

The word "essay" takes its root from Latin *exagium* (deliberation). Translation from French means experience, attempt, draft, and outline.

As the word "essay" is foreign word let's have a look at "Modern dictionary of foreign words and expressions", it shows that "essay is prosaic, unscientific philosophical, literal, historical, publicistic or another work in unconstrained way stating author's personal ideas on the given topic" [3].

The closest to the notion essay is sketch genre. Generally speaking the term essay is used to mean composition.

The author of the term essay as prosaic work is French philosopher Michel de Montaigne [4].

It is a small prosaic composition with short volume and free formulation, expressing individual impressions and ideas on concrete conditions or questions and it does not claim particular or exhaustive interpretation of the subject.

L. P. Krysin's "Explanatory dictionary of foreign languages" explains the term as "sketch, interpreting particular problems not in systematic scientific form but in plain-text form" [5].

"Big encyclopedia dictionary" gives following explanation: "it is a genre of philosophical, literal-critical, historical-biographical, journalistic prose, combining author's individual position with natural, often paradoxical interpretation oriented to colloquial speech" [6].

Main features of an essay are small volume, concrete topic, its open individual comprehension, free formulation, paradox and aphoristic nature, colloquial intonation and lexis [4].

An essay has its exact structure (the quantity of thesis and arguments depending on the topic, plan, and the logic of idea development): introduction, main part (body), author's attitude to the topic; ways of solving the problem, facts, self-evaluation and conclusion [4].

The following types of an essay are distinguished: descriptive, narrative, reflexive and critical [2].

A teacher orients to the main principles of control and evaluation of the written control irrespective to the discipline and specialty: objectiveness, validity, reliability, differentiation, system, confidentiality and obviousness (publicity) [2].

All the criteria of essay evaluation are grouped around the complex of main thinking skills:

- to understand used theories and different authors' ideas (quotes), to transfer author's idea and formulate own idea;
- to comprehend the material individually and creatively (originality of the idea);
- to comprehend the problem critically;
- to give reasons in the logical order;
- to state the content structurally;
- to analyze, to state cause and effect relations and make a conclusion;

– to use the ideas in the practice (here the validity and creativeness of using theoretical ideas to the analysis of practical experience, facts and problems are valued) [4].

Here it should be remembered that criteria of evaluation must be transferred to the learners.

Now we are going to analyze practical use of written form of examination at Shakarim state university of Semey (Republic of Kazakhstan) where the written form of examination is used successfully along with other forms and methods of examination and regulated in the quality management system documented by the procedure “Regulations for admission written examination” [7].

At Shakarim state university of Semey the written control can be used as current and boundary control, mid-term examination and final attestation (state examination).

The control of quality of written examination tasks are realized by expert commission of educational-methodological counsel of the faculty and by the department of control of learners’ knowledge.

The written examination is held as final control of learners’ achievements on the discipline after studying it according to the educational program.

The main aim is to implement written form of control to the educational process as one of the important devise of quality management.

The achievement of this aim can be a solution of the following objectives:

- the creation and enhancement of theoretical, methodical and technological base of written examination;
- the accomplishment of the organization of the written control in order to object the control process, the level of learners’ knowledge and obtain quantitative indicators of quality of the educational process;
- the creation of methodological base for analysis of written control results according to different criteria, characterized by the level of learners’ knowledge, the procedure of the lesson, the quality of the teaching process.

To conduct written examination the followings should be kept in mind:

- the examination tasks must be formulated clearly and presume exact answers;
- to provide with greater independence while written examination it is rec-

ommended to create several variants of answers to the materials. The difficulty of questions and tasks for every variant can be the same;

– the criteria of the evaluation must be developed for each subject and must be brought to notice of the students;

– it also can be recommended to use tickets for written examination with big quantity of questions, encompassing the whole material of the course, formulating questions by the level of complexity. Successful answers for questions with minimum level can guarantee positive marks. Answers for medium and high level of complexity of questions allow students to get good or excellent mark depending on the answer.

As medium and high level of complexity of questions case- study tasks (creative, case, economic) assorted in compliance with requirements of specialists’ qualifications and writing essay are used.

Written tasks must be logically structured, argumentative, with clear conclusions and generalization, applicable to norms of grammar and spelling, orthographic, syntactic and verbal literacy.

The examination for humanitarian disciplines on full-time course of study for bachelor degree is held in the written form through task fulfillment grouped in tree parts.

The first part of the examination considers choosing by the student one of the given variants one or more correct answers. Every correct answer is valued with one point. Every incorrect answer decreases total amount for one point. The maximum point that can be collected by the student for fulfillment of task for the first part is fifteen points.

The second part presumes from the examinee to develop the problem based tasks, for example financial market of Kazakhstan and argumentation of the ways of its solutions. This part as the most complicated and extensional is evaluated with sixty-five points.

The third part contains the task that examinee must give definition of several terms and notions. Full and correct fulfillment of the task is evaluated with twenty points.

Moreover, following model forms of tasks and questions can be separated out:

- missing words tasks;
- matching tasks;

- tasks for compliance;
- open- ended questions;
- tasks to choose the correct answer;
- tasks “Hot point”;
- sequencing tasks;
- comparing and listing tasks;
- tasks with graphics;
- problem- based tasks;
- term cards;
- essay;
- clusters and other types of tasks contributing objective evaluation of the learners’ knowledge [2].

In conclusion we would like to list advantages of the written examination:

- objective reveal of the degree of learners’ educational achievements;
- the absence of the contact with the teacher;
- the detection of logical thinking;
- the determination of creative approach to the solution of the problem from the side of the learner;
- minimum quantity of the appeal;

The results of written examination on the basis of full- time course of study showed that this form of control to evaluate learner’s knowledge is truly effective and objective.

Thus the choice of the form of control (traditional, testing or written form) to check learners’ knowledge is fully up to the department and the lector depending on the course of study. However, it should not be forgotten that irrespective to the form of examination conduction the results of it depend on the degree of students’ possessed knowledge and skills, the quality of teaching either disciplines, qualification and teaching experience and of course on each learner.

Hence, the experience of conducting written examination testifies effective-

ness of its expansion that has enough advantages.

Bibliography

1. Жовниренко И. Инновационные методы проверки знаний. – Астана, 2010.
2. Педагогическая креативность и компетентность как факторы профессионального развития преподавателя вуза: материалы методической недели. Государственный университет имени Шакарима города Семей / Г. К. Искакова, М. Б. Смирнов, Г. М. Бекбауова, Т. Д. Исабаева. – Семей, 2014.
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн. : Харвест, – М. : АСТ, 2001.
4. Мынбаева А. К., Садвакасова З. М. Инновационные методы обучения, или Как интересно преподавать : учеб. пособие. – А., 2013.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2000.
6. Большой энциклопедический словарь. – М., 2000.
7. Положение о проведении письменного экзамена в ГУ имени Шакарима г. Семей.

Bibliography

1. Zhovnirenko I. Innovacionnye metody proverki znanij. – Astana, 2010.
2. Materialy metodicheskoy nedeli «Pedagogicheskaja kreativnost i kompetentnost kak faktory professionalnogo razvitija prepodavatelja vuza». Gosudarstvennyj universitet imeni Shakarima goroda Semej / G. K. Iskakova, M. B. Smirnov, G. M. Bekbauova, T. D. Isabaeva. – Semej, 2014.
3. Novejshij slovar inostrannyh slov i vyrazhenij. – Мн. : Harvest, – М. : AST, 2001.
4. Mynbaeva A. K., Sadvakasova Z. M. Innovacionnye metody obuchenija, ili Kak interesno prepodavat : ucheb. posobie. – А., 2013.
5. Krysin L. P. Tolkovij slovar inojazychnyh slov. – М., 2000.
6. Bolshoj jenciklopedicheskij slovar. – М., 2000.
7. Polozhenie o provedenii pismennogo jekzamena v GU imeni Shakarima g. Semej.

© Ismailova G. K., Khassenova K. E., Kabdylmanova L. T., 2015

УДК 372.8:512

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ
С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ PISA

Т. П. Кучер

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Казахстанский государственный
университет имени Манаша Козыбаева,*

В. Е. Корчевский

*старший преподаватель,
Институт повышения квалификации
педагогических работников**по Северо-Казахстанской области, филиал акционерного общества
«Национальный центр повышения квалификации «ОРЛЕУ»,
г. Петропавловск, Казахстан*FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF MATHEMATICAL TASKS
WITH A FOCUS ON INTERNATIONAL PISA STUDY

T. P. Kucher

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
North Kazakhstan State University
named after Manash Kozybaev,*

V. E. Korchevsky

*teacher,
Branch of Joint-stock Company
«National Center for Professional Development "ORLEU"»,
Institute of Professional Development
of the Research-pedagogical Staff on the North Kazakhstan,
Petropavlovsk, Kazakhstan*

Summary. This article describes the tasks to generate mathematical literacy students. The design became the basis for the analysis of international studies of the mathematical knowledge of Kazakh students 15 years of age and especially the proposed tests to students in the course of these studies.

Keywords: mathematics; international research; students; knowledge development; practical content.

Результаты международных исследований PISA являются индикаторами состояния образования стран-участниц в международном образовательном пространстве. В международных сравнительных исследованиях результатов обучающихся из разных стран устанавливается и уровень развития навыков в рамках той или иной грамотности: математической, естественнонаучной и читательской. При этом у 15-летних учащихся проверяются навыки практического применения академических знаний при решении реальных проблем, а также умения, важные для их максимальной самореализации в жизни. Международный тест «Математическая грамотность» содержит различные текстовые ситуации, связанные с личной жизнью (школьной, домашней, на отдыхе), профессиональной деятель-

ностью и общественной жизнью (местного общества, всего мира), обучением и наукой [4, с. 23].

В исследовании PISA выделяются три уровня математической компетентности: воспроизведение, установление связей и рассуждение [5, с. 19]. Для проверки достижений первого уровня компетентности (воспроизведение) в основном предлагаются традиционные учебные задачи, характерные для проверочных работ в казахстанской школе. При этом требуется знание математических фактов, воспроизведение определений математических объектов и их свойств, применение стандартных (простых и достаточно сложных) алгоритмов и методов решения, работа с формулами, выполнение вычислений. Так как способы решения в основном стандартные, то запись самого решения не представляет интереса.

Для проверки математической компетентности обучающихся используются три известных типа заданий. Это задания с выбором ответа, с кратким свободным ответом, когда ответ чётко ограничен условием задачи по содержанию и форме (обычно даётся в виде числа, последовательности чисел или букв, выражения, рисунка, слова и т. п.), и с развёрнутым свободным ответом. Два первых типа заданий использовались для проверки более простых знаний и умений. Наиболее сложные умения проверялись с помощью заданий третьего типа, когда от обучающегося требовалось записать полное решение или обоснование полученного ответа. На задания, требующие развёрнутого ответа, обучающиеся должны предоставить решения, различающиеся по развёрнутости, обобщенности и сложности использованных методов. Характерно, что в исследованиях PISA рассматриваются задания с одним сюжетом. При этом учащемуся предлагается несколько вопросов различного уровня сложности, от простых на вычисление до вопросов 5-го и 6-го уровней сложности, при выполнении которых надо использовать знания из нескольких разделов математики или предметов естественнонаучного цикла, а также требуется творчество и логические рассуждения. При выполнении заданий международных исследований PISA учащимся важно продемонстрировать умение анализи-

ровать информацию, представленную в виде таблиц, диаграмм, графиков.

Результаты участия Казахстана в международных исследованиях PISA и TIMSS показывают, что учителя общеобразовательных школ республики дают хорошие предметные знания, но учащиеся слабо умеют применять их в реальных, жизненных ситуациях [3, с. 3].

Тщательность подготовки и инструментарий международных сравнительных исследований позволяет использовать их рекомендации для разработки, мониторинга и корректировки национальной политики в области образования Казахстана. Кроме того, выводы из национальных отчётов по результатам участия нашей страны в исследованиях PISA служат дополнительным аргументом в пользу проводимого в республике масштабного обновления содержания среднего образования [3, с. 2].

Приведём несколько примеров, демонстрирующих, как из традиционных заданий по математике разработать задания практического содержания для формирования математической грамотности казахстанских учащихся уровня основного среднего образования.

Задание 1. Коммунальные услуги.

Семья из четырёх человек проживает в трёхкомнатной квартире площадью в 72 м². Стоимость коммунальных услуг в г. Петропавловске приведена в таблице (по состоянию на май 2014 г.):

Наименование коммунальных услуг	Тариф	Объём потребления	Стоимость услуг
Тепловое отопление	112 тг/м ²	72 м ²	
Электроэнергия	10,57 тг/ кВт	142 кВт	
Подогрев горячей воды	466,19 тг/ чел.	4 чел.	
Холодное водоснабжение	75,02 тг/ м ³	4,6 м ³	
Канализация	66,09 тг/ м ³	4,6 м ³	
Вывоз мусора	170 тг/чел.	4 чел.	
Газоснабжение	456,4 тг/ м ³	5 м ³	
Домофон	250 тг/квартира	1 квартира	

Заполните таблицу и найдите итоговую сумму в тенге, которую оплачивает семья за коммунальные услуги в месяц.

- а) 14 741
- б*) 15 291
- в) 15 181
- г) 15 281
- д) 15 681.

Задание 2. Коллекция моделей.

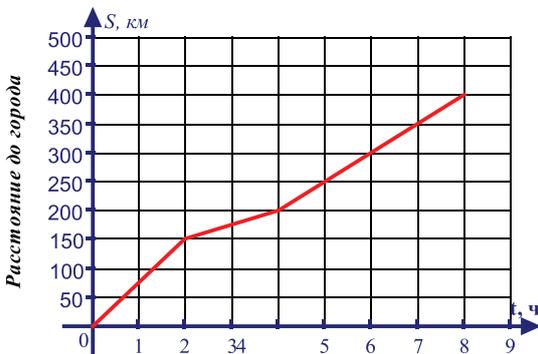
Число моделей в коллекции одежды разной цветовой гаммы представлено в виде диаграммы (см. рисунок). Сколько в коллекции моделей красного и синего цвета, если всего в ней 80 моделей?

- а) 24
- в*) 32
- д) 38.
- б) 30
- г) 35

Задание 3. Движение.

Из города выехал автобус. График его движения представлен на рисунке. Через три часа вслед за ним из города выезжает легковой автомобиль. С какой скоростью должен ехать легковой автомобиль, чтобы догнать автобус через четыре часа после своего выезда?

- а) 80,5 км/ч
- в) 86 км/ч
- д) 90 км/ч.
- б) 85,5 км/ч
- г*) 87,5 км/ч

Задание 4. Стоимость работ.

В таблице приведена стоимость работ по окраске стен офиса.

Цвет стен	Цена в тенге за 1 в зависимости от площади		
	до 40 м ²	от 40 м ² до 100 м ²	более 100 м ²
Белый	800	750	700
Голубой	750	700	700
Другой	900	850	820

Пользуясь данными, представленными в таблице, найдите стоимость работ, если:

1. Площадь стен 70 цвет – «Голубой» и действует сезонная скидка в 10 %.

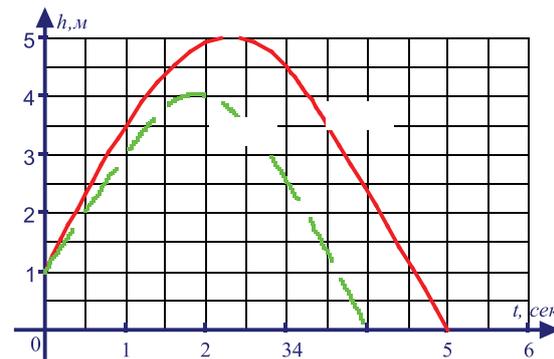
Ответ: _____.

2. Площадь стен 90 цвет – «Другой» – 30 м², цвет «Белый» – 60 м².

Ответ: _____.

Задание 5. Движение.

Два мяча подбросили вертикально вверх, и они упали на землю. На рисунке изображены графики зависимости высоты расположения мячей над землёй от времени полёта. Используя графики, выясните, какой из мячей за первые 3 с пролетел больше и на сколько метров больше.

Ответ: _____.

Задание 6. Езда на велосипеде.

Велосипедист поехал от дома вниз к реке, отдохнул у реки и вернулся обратно. На рисунке изображён график движения велосипедиста.

Пользуясь графиком, найдите:

Вопрос 1. Сколько минут отдыхал велосипедист _____?

Вопрос 2. Скорость велосипедиста на спуске к реке _____ км/ч.

Вопрос 3. Какое время заняла езда на велосипеде _____?

Вопрос 4. Среднюю скорость велосипедиста _____.

Для проверки достижения третьего уровня компетентности (рассуждение) были разработаны более сложные задачи, в которых, прежде всего, надо было «математизировать» предложенную ситуацию. Эта процедура состояла из двух этапов: выделение проблемы, которая решается средствами математики, и её формулировка, затем разработка соответствующей математической модели, решение и интерпретация согласно предложенной в задании ситуации.

Задание 7. Периметр и площадь четырёхугольника.

Садовник желает огородить участок земли в форме четырёхугольника так, чтобы при данном количестве погонных метров изгороди, равной 100 м, площадь была наибольшей.

Вопрос 1. Какой формы будет полученный участок? _____. Найдите длины его сторон.

- а) 20 и 30
- б) 21 и 29
- в) 19 и 31
- г*) 25 и 25
- д) 23 и 27.

Вопрос 2. Если длины сторон участка увеличить на 5 м, то чему будет равен периметр полученного участка?

- а) 116
- б*) 120
- в) 122
- г) 124
- д) 128.

Вопрос 3. На сколько процентов увеличится площадь полученного участка?

- а) 41 %
- б) 42 %
- в) 43 %
- г*) 44 %
- д) 45 %.

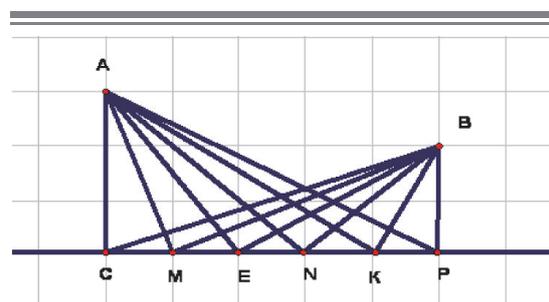
Инструментарий теста PISA–2012 предлагал также ещё один тип задания – «структурированные вопросы». Эти задания состояются из нескольких вопросов различного типа, относящихся к одной и той же ситуации. Как правило, они располагаются по возрастанию уровня сложности. Чаще всего сначала даются вопросы с выбором ответа или с кратким ответом, а в конце – вопросы с развёрнутым ответом и с учётом полученных результатов при ответе на предшествующие вопросы.

В следующем задании по одному сюжету задачи надо дать ответы на несколько структурированных вопросов, причём каждый следующий более сложный вопрос связан с ответами на предыдущие вопросы. Последние вопросы соответствуют высокому уровню сложности.

Задание 8. Населённые пункты.

Два населённых пункта *A* и *B* находятся от шоссе на расстоянии 1500 и 1000 м. В каком-то месте шоссе (в пунктах *C*, *M*, *E*, *N*, *K*, *P*) следует разместить почтовый ящик так, чтобы почтальон из пункта *A* мог кратчайшим путём доставить почту в пункт *B*.

На рисунке изображены ломаные линии *ACB*, *AMB*, *AEB*, *ANB*, *AKB*, *APB*.

Вопрос 1. Назовите самую короткую из них.

- A) *AMB*
- Б) *AKB*
- С) *ACB*
- Д*) *ANB*
- Е) *APB*.

Вопрос 2. Найдите длину этого пути (ответ округлите до целых).

- а) ≈ 3450 м б) ≈ 3500 м
в*) ≈ 3535 м г) ≈ 3550 м
д) ≈ 3600 м.

Вопрос 3. Найдите время, которое потребуется почтальону для доставки почты в пункт B , если его скорость 5 км/ч (ответ дайте в метрах в минуту).

Ответ: _____.

Комментарии

При ответе на первый вопрос этого задания учащемуся надо построить точку B_1 , симметричную точке B относительно прямой CP , затем найти расстояние AB_1 .

При ответе на второй вопрос нужно учесть ответ на первый вопрос и использовать теорему Пифагора.

При нахождении времени почтальону, вышедшему из пункта A для доставки почты в пункт B , надо найденное кратчайшее расстояние перевести в километры, найти скорость в километрах в час, а затем выразить её в метрах в минуту. (Ответ: $42,4$ м/мин.)

При изучении темы «Решение текстовых задач» в 9 классе учитель имеет возможность видоизменить задачи на нахождение производительности труда, затраченного времени при выполнении работы (задания № 67, 70, 71 и 77) [6, с. 29–31] или предложить новое, как, например, задание 9, соответствующее исследованиям PISA.

Структурированные вопросы в задании 9 составлены так, что каждый следующий вопрос сложнее предыдущих вопросов и взаимосвязан с ними. Сложными являются вопросы 5 и 6, при их выполнении проверяются умения логически мыслить, делать обобщающие выводы.

Задание 9. Ремонт офиса.

Требуется отремонтировать помещение офиса. В бригаде имеется трое рабочих – Талгат, Искандер и Мурат. Талгат может выполнить эту работу за 2 дня. Искандер выполняет эту же работу за 3 дня, а Мурат – за 6 дней.

Дайте ответы на следующие вопросы.

Вопрос 1. За какое время они отремонтируют помещение, работая вместе? (Выберите правильный ответ.)

- а) 0,9 дня б*) 1 день
в) 1,2 дня г) 1,4 дня
д) 1,5 дня.

Вопрос 2. За какое время будет выполнена вся работа, если сначала одну третью часть её выполнит один Талгат, затем половину оставшейся части – Искандер, а уже остальное – Мурат? Ответ запишите: _____.

Вопрос 3. Кто выполнит всю работу быстрее: Талгат, работая один, или Искандер и Мурат, работая вместе? Дайте обоснованный ответ: _____.

Вопрос 4. Талгат, Искандер и Мурат выполнили эту работу вместе и получили $45\ 000$ тг. Сколько денег из этой суммы надо выдать каждому? _____.

Вопрос 5. Первый день работал один Талгат, а с начала второго дня к нему присоединились Искандер и Мурат. По окончании работы им заплатили $45\ 000$ тг. Сколько тенге получил каждый из них? Дайте обоснованный ответ: _____.

Вопрос 6. В первый день работали Искандер и Мурат вместе. Затем Мурат ушёл, а Искандер и Талгат закончили работу. Как распределить полученные деньги – $45\ 000$ тг за работу? Дайте обоснованный ответ: _____.

При изучении темы «Последовательности» в 9 классе можно рассмотреть задание формата PISA, которое проверяет навыки заполнения таблицы по определённой закономерности, нахождение суммы значения в последовательности и т. д. В качестве примера рассмотрим задачу из учебника алгебры 9 класса [1, с. 66].

Задание 10. Декоративная клумба из роз.

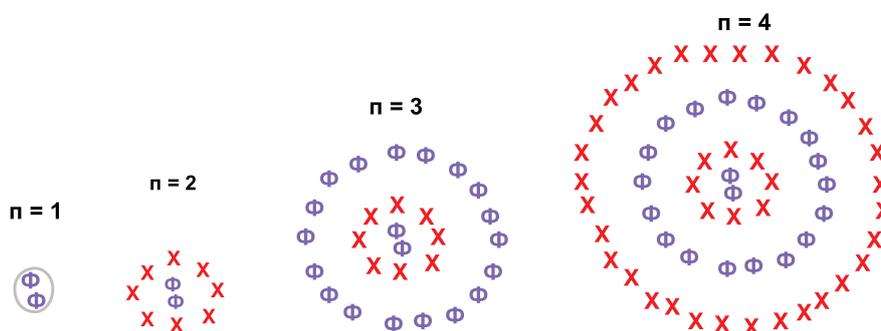
Цветочница-декоратор создаёт декоративную клумбу для украшения фойе административного здания фирмы, как показано на рисунке.

В декоративной клумбе кольца из разноцветных роз чередуются.

Ниже на рисунке изображены схемы подбора роз клумбы.

Φ – фиолетовая роза; x – красная роза; n – некоторое натуральное число.

Вопрос 1. Декоративная клумба из роз.

Заполните таблицу:

n	Число роз в n -м кольце	Число роз в декоративной клумбе
1	2	2
2	8	10
3		
4		
.....		

Вопрос 2. Декоративная клумба из роз. Если стоимость одной красной розы равна 100 тг, а фиолетовой розы – 70 тг, то какова стоимость декоративной клумбы из 6 концентрических кругов, если внутреннее кольцо начинается из фиолетовых роз?

Запишите решение _____.

Ответ: 16 100 тг.

Вопрос 3. Декоративная клумба из роз. Исходя из приведённой выше таблицы, найдите число роз в n -ом кольце и число роз в клумбе из n колец.

Запишите решение _____.

Ответ: $2n^2$;

$$2 \cdot (1 + 2^2 + 3^2 + \dots + n^2) = 2 \cdot \frac{n \cdot (n+1) \cdot (2n+1)}{6}$$

Рассмотрим задачу № 223 из учебника алгебры 8 класса [2, с. 74]. Пассажир метро спускается по движущемуся эскалатору за 24 с. Если он пройдёт по неподвижному эскалатору с той же скоростью, то спустится вниз за 42 с. За какое время пассажир спустится вниз, стоя на ступеньках движущегося эскалатора?

Покажем, как можно изменить это задание в соответствии с международными исследованиями PISA.

Задание 11. В метро.

тец с сыном Ренатом спускались по эскалатору метро. Ренат заметил, что если они будут стоять на ступеньках движущегося эскалатора, то спустятся вниз за 56 с, а если будут идти по неподвижному эскалатору, то спустятся за 42 с.

Вопрос 1. Во сколько раз скорость движущегося эскалатора меньше скорости движения отца и сына, идущих по неподвижному эскалатору?

- а) в 2 раза б) в $1\frac{2}{3}$ раза
 в*) в $1\frac{1}{3}$ раза г) в $1\frac{1}{2}$ раза
 д) найти невозможно.

Вопрос 2. За сколько секунд отец и сын спустятся вниз, если они будут идти по движущемуся эскалатору со скоростью, с которой они шли по неподвижному эскалатору?

- а) 20 с б*) 24 с
 в) 25 с г) 28 с
 д) по этим данным найти нельзя.

Вопрос 3. Ренат решил проверить, сможет ли он подняться вверх, если эскалатор движется вниз. С какой скоростью должен двигаться Ренат, чтобы он смог подняться с нижней на верхнюю площадку, если эскалатор движется вниз? Ответ обоснуйте.

Вопрос 4. Отец и сын заметили, что их поезд прибывает на станцию через 36 с. Какой должна быть скорость движения отца и сына по отношению к скорости движущегося вниз эскала-

тора, чтобы они смогли спуститься за 28 с и успеть к своему поезду? Ответ обоснуйте.

Ответ. Скорость движения отца и сына должна быть равной скорости эскалатора, тогда они спустятся за время в два раза меньшее, чем они бы спустились 56 с, стоя неподвижно на движущемся вниз эскалаторе.

Такого рода задания учитель математики может самостоятельно смоделировать и использовать на любых уроках по математике или предлагать учащимся для самостоятельного решения дома с последующей проверкой. При выполнении подобных заданий у школьников формируются устойчивые навыки и умения применять предметные знания в реальных, жизненных ситуациях.

Библиографический список

1. Абылкасымова А. Е., Корчевский В. Е., Жумагулова З. А. Алгебра. 9 класс : учебник. – Алматы : Мектеп, 2013. – 253 с.
2. Абылкасымова А. Е., Корчевский В. Е., Абдиев А., Жумагулова З. А. Алгебра. 8 класс : учебник. – Алматы : Мектеп, 2012. – 146 с.
3. Национальный план действий по развитию функциональной грамотности школьников на 2012–2016 годы.

4. Основные результаты международного исследования – 2012. – Астана. РГКП «Национальный центр образовательной статистики и оценки МОН РК», 2014. – 283 с.
5. Особенности формирования функциональной грамотности учащихся старшей школы по предметам естественнонаучного цикла. Методическое пособие. – Астана: Национальная академия образования им. Ы. Алтынсарина, 2013. – 48 с.
6. Развитие функциональной грамотности на уроках естественно-математических дисциплин: методические рекомендации / сост.: К. У. Сабиева, В. Е. Корчевский. – Петропавловск: филиал АО «НЦПК «Өрлеу» «ИПК ПР по SKO», 2014. – 90 с.
2. Abylkasymova A. E., Korchevskij V. E., Abdiev A., Zhumagulova Z. A. Algebra. 8 klass : uchebник. – Almaty : Mekterp, 2012. – 146 s.
3. Nacionalnyj plan dejstvij po razvitiju funkcionalnoj gramotnosti shkolnikov na 2012–2016 gody.
4. Osnovnye rezultaty mezhdunarodnogo issledovanija – 2012. – Astana. RGKP «Nacionalnyj centr obrazovatelnoj statistiki i ocenki MON RK», 2014. – 283 s.
5. Osobennosti formirovanija funkcionalnoj gramotnosti uchashhihsja starshej shkoly po predmetam estestvennonauchnogo cikla. Metodicheskoe posobie. – Astana : Nacionalnaja akademija obrazovanija im. Y. Altynsarina, 2013. – 48 s.
6. Razvitie funkcionalnoj gramotnosti na urokah estestvenno-matematicheskikh disciplin : metodicheskie rekomendacii / Sost. : Sabieva K. U., Korchevskij V. E. – Petropavlovsk : filial AO «NCPK «Өrleu» «IPK PR po SKO», 2014. – 90 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Abylkasymova A. E., Korchevskij V. E., Zhumagulova Z. A. Algebra. 9 klass : uchebник. – Almaty : Mekterp, 2013. – 253 s.

© Кучер Т. П., Корчевский В. Е., 2015

UDC 378 (14.35.07)

TOPIC-RELATED CREATIVE WRITING AS A MEANS OF FORMING FOREIGN LANGUAGE PRODUCTIVE SKILLS

G. A. Petrova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,*

E. Y. Koshel

senior lecturer,

E. G. Rura

senior lecturer,

O. V. Efimova

lecturer,

A. N. Duchko

assistant,

E. I. Podberesina

assistant professor,

*National Research Tomsk State University,
Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia*

Summary. The goal of the present research is the analysis of creative writing characteristics and its application prospects within the framework of various approaches to the development of written speech in the context of teaching a foreign language. The peculiarities of creative writing as a way to develop the student's productive skills are considered in the article. The role of creative writing in the process of teaching foreign communication and the influence of the method on different creative thinking components have been researched. As a result of our research, an approach to introducing creative writing into the teaching process is proposed.

Keywords: creative writing; productive skills; foreign language; written speech.

Introduction

Modern tendencies in the educational system, such as computerization and informatization, lead to an increase in the amount of self-directed learning done by the student in the learning process. This learning may imply both collecting information received from different external sources (foreign literature, electronic learning resources, communication on foreign chat forums, traveling abroad etc.), and processing the information collected while using internal resources of the higher education institution directly aimed at foreign language teaching (course books, media resources etc.) with a view of participating in several projects, research or development. The variety of activities in the learning process and dynamics of changing requirements for a professional in modern society make it necessary for the student to have a creative approach when applying professional skills and, therefore, to introduce into the learning process activities aimed not only at mastering ready knowledge, but also developing out-of-the-box thinking, creative abilities and personality traits.

Considering the given problem in the field of foreign language teaching, it is essential to notice the communicative ori-

entation regularized by federal standard and supported by constantly developing cross-cultural relationships as well as experience in foreign language teaching. Any kind of communication turns into a form of competition under the modern conditions of social development, and the student who is unable to communicate in such a manner automatically becomes uncompetitive in the world market. The oral form in teaching foreign communication is unjustly highlighted, while not enough attention is still given to such a productive form of speech as writing at foreign language lessons. As noted by E. V. Zhitkova [2, p. 101–105], the same transitions between explicitly expressed and internally pronounced language forms function in oral and written speech. The way from a thought to linguistic means is identical (lexical units selection, their organization into speech units). Along with the similarities of the given forms of communication, E. N. Solovova points out a number of differences in [4]. Presented to readers, the written text cannot be changed any more, which results in the entirety and informativeness of the contents. The author of the written text works independently, which helps them to better structure and organize their text. Unlike

speaking, written texts imply stricter requirements imposed on saving the standard language, and writing is not the purpose, but a means of teaching only.

According to the practice of teaching, students' written work does not meet the requirements of creative writing, which shows the ineffectiveness of the method of teaching writing in a foreign language and requires its improvement. It predetermines the introduction of creative writing to the teaching process, which means writing in non-traditional genres, the peculiar style of composition, presupposing irregular thinking of the author. The main goal of creative writing is the author's self-expression, which implies artistic freedom, an opportunity to creatively express different ideas, thoughts, and perceptions [1, p. 54–63]. The author of creative writing aims at presenting his own outlook and subjectivity of feelings as well as the uniqueness of his mind [3, p. 32–38]. At the same time, creative writing requires the author to be linguistically competent, have mastered the language adequately and think clearly.

Creative writing as a method of teaching written speech

Creative writing is a universal age-diverse technology for written speech development. The authorial training course based on this technology, is intended to help in breaking the psychological barrier before the writing process, to teach the techniques of imagining and thinking facilitation for creating texts, as well as to help in learning some rhetoric strategies of written speech and written communication rules. The technology is based on Donald Murray's and Donald Graves's written speech pattern. Adapted and original interactive exercises, team activities, films and videos etc. are used [6].

The Americans Nathan and Temple have developed a series of lessons within the framework of creative writing technologies. They suppose that the following conditions are necessary for effective writing:

- the opportunity to write regularly is needed. Writing regularly allows one to generate new ideas, develops the main components of creative thinking, such as visual thinking and imagination;

- the writer's personal interest is essential. They must choose the topics

which make them interested and curious. Creative people accept the requirements of the environment only to the extent to which they coincide with their own standpoints. This leads to the development of intuition, which is the ability to directly, without recursing to a detailed discourse, find answers to difficult questions, perceive the truth by guessing it;

- samples are necessary. Creating a written text is a craft that can and should be learnt. From this very point of view, the teacher plays a significant role, demonstrating examples of creating texts in class;

- the writer seeks the audience, propelling the interest by the fact that the real audience will read the lines appearing on paper, and the impressions will be shared promptly;

- the author will make use of the habit of correction, considering that not only the idea itself, but also its correct implementation is important;

- colleagues' help is required.

Let us now consider the correlation of creative writing with various approaches to teaching written speech. E. E. Sysoeva defines three approaches to teaching written speech: prescriptive, linguistic and active [5, p. 6–15]. The essence of the prescriptive manner is to achieve the language accuracy of the written text, whereas the content remains less important. The main features characterizing the linguistic approach are as follows: a large number of linguistic exercises and strict control over the writing process. The activity approach is aimed at text production on the basis of the individual creative work carried out by a student or a group. Creative writing combines all the three approaches to foreign language teaching.

It's known that working upon writing encourages the student to correct the text by themselves and to study grammar rules, which leads to using alternative learning resources. Therefore, creative writing can easily obtain a linguistic direction through its form: parodies of famous works of literature, compositions-sketches and advertisements, poetry etc. By setting the topic, one can vary the style of creative writing, be it a review of a Shakespeare play or a business analysis of Microsoft corporation, an appeal to the international affairs of the Russian Federation, research

of the world's water reservoir pollution, a lawnmower service manual or a football chant to support a football team. At the same time, it is obvious that the main purpose of creative writing is the creative process, during which the realization and framing of thoughts take place. Such kind of work is to be redone and edited several times in order to make their thoughts clearer to the reader.

Creative writing plays a significant role in foreign language teaching. It provides an opportunity to internalize the obtained knowledge, stimulates the development of speaking and writing skills in a foreign language; it also shapes imaginative thinking, which acts as a powerful growth driver of the personality of a person, and defines one's readiness to change, putting aside any stereotypes. In the creative thinking process, the intellectual abilities of a person and their creative potential reveal themselves to the full, expressed in acquiring knowledge rapidly and using it independently.

Conclusions

As can be seen from the above, the undertaken research demonstrates a huge educational potential of creative writing, along with the necessity of improving the existing method of teaching written speech. The described method can be applied for teaching different forms

of verbal expressions, given the considered conditions are met in order to improve the efficiency. The exercises connected with teaching creative writing can be used at every lesson; however, they ought to be selected according to the educational purpose and the knowledge level of students.

Bibliography

1. Basova A. V. Writing and written speech in the context of teaching a foreign language revisited // Language. Culture. Education: Collection of materials from the international scientific conference «Readings from Ushinskiy». – 2. – 2006. – P. 54–63.
2. Zhitkova E. V. Creative writing in the process of foreign language teaching in a higher education institution. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 3, 2009. – P. 101–105.
3. Kirzina N. G. The contemporary problems of German philosophy and German language teaching methods: Collection of research paper, 3, 2006. – P. 32–38.
4. Solovova E. N. Foreign language training method: A core course of lectures. – Moscow : Prosveteniye, 2006.
5. Sysoeva E. E. Forming communicative competence in written speech in the context of foreign language teaching, Foreign languages at school, 5, 2007. – P. 6–15.
6. Vishnyakova E. E., Zachesova E. V. Teaching creative writing, Education, 7, 2006.

© Petrova G. A., Koshel E. Y., Rura E. G.,
Efimova O. V., Duchko A. N.,
Podberesina E. I., 2015

УДК 908(470)

**ФУНКЦИИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Н. Н. Редченко

*Преподаватель,
Научно-исследовательский ядерный
университет «МИФИ»,
г. Москва, Россия*

**FUNCTIONS OF INTERDISCIPLINARY
LEARNING A FOREIGN LANGUAGE**

N. N. Redchenko

*Teacher,
Research Nuclear University
«Moscow Engineering Physics Institute»,
Moscow, Russia*

Summary. This article observes the problems of multisubject students' studying. A large number of students in the world study "general" English, that is all-purpose language with no special focus on one area of human experience over another. In schools and institutes all over the world students are taught to communicate on a general social level and to cope with the normal range of texts which educated language users experience outside their professional lives. A decision to teach general English is made when we don't know, how, why or when our students will need the language in the future, and so we give them language with the broadest range of use possible.

Keywords: science; experience; culture; education; integration.

Коммуникация и интеграция – два основных способа организации культуры. Образование, будучи неотъемлемой частью культуры, также может строиться на коммуникативной и интегральной основе. В первом случае организуются репродуктивные образовательные системы, во втором – образовательные системы развивающего типа. Для реализации межкультурного образования, для соединения концептуальной и языковой картины мира мы вводим модель интердисциплинарного обучения иностранному языку.

Под термином «интердисциплинарное обучение иностранному языку» мы понимаем модель обучения иностранному языку, основанную на концептуальной и языковой картине мира по методической системе, интегрирующей элементы культурного подхода к обучению иностранным языкам.

Для разработки эффективной методики интердисциплинарного обучения иностранному языку с целью формирования межкультурной коммуникативной компетенции учащихся следует рассмотреть функции ин-

тердисциплинарного обучения. Необходимость проведения подобного анализа в определённой мере объясняется полифункциональностью феномена «интердисциплинарное обучение», которому свойственны следующие функции: образовательная, координирующая и интегрирующая, развивающая, воспитывающая и методологическая. Рассмотрим перечисленные функции более подробно. При их выявлении и описании мы опираемся на работы таких авторов, как В. В. Громова, И. Д. Зверев, В. Н. Максимова, В. Н. Фёдорова [1, с. 67; 2, с. 63; 5, с. 23; 6, с. 12].

Образовательная функция является одной из важнейших функций интердисциплинарного обучения. Она нацелена на формирование целостной картины мира ученика на основе системы его знаний о природе и обществе. Соответственно, перед учителями, преподающими разные предметы, стоят следующие общие учебно-воспитательные задачи:

– формирование мировоззрения школьников, их верного представления о современной картине мира;

– формирование умений в тех видах учебной деятельности, которые являются общими для интегрируемых предметов;

– воспитание в процессе усвоения разнопредметных знаний личности учащегося, способной к решению жизненно важных задач.

Изучая определённую тему в рамках своего предмета, каждый учитель должен максимально активизировать весь фонд знаний школьников, приобретаемых в процессе обучения в школе.

Комплексное использование межпредметных связей не только выступает в качестве основного фактора совершенствования образования, но и является одним из критериев отбора и координации материала в программах смежных дисциплин. В процессе установления и развития межпредметных связей происходит: обобщение объективной зависимости на уровне закона; обобщение объективных отношений на уровне теории; обобщение фактов, законов, теорий; формирование естественно-научной картины мира; трансформация теории в метод, картины мира – в стиль мышления, предметных знаний, объединённых с помощью интердисциплинарного обучения – в убеждения; формирование научно-мировоззрения.

Образовательная функция при интердисциплинарном обучении иностранному языку заключается в том, что объединение межпредметных знаний ведёт к углублённому познанию, пониманию и интеграции различных культур, то есть формированию и развитию межкультурной коммуникативной компетенции учащихся.

Большую роль играют также **координирующая и интегрирующая** функции интердисциплинарного обучения. Координация и интегрирование содержания учебных предметов закладывают прочный фундамент научного мировоззрения школьников, формируют у них современный стиль мышления. Доказано, что согласование, соотнесённость, интеграция видов знаний и усилий становятся возможными благодаря взаимосвя-

зям между дисциплинами внутри предметных циклов. Это выявлено путём проведённого в ряде исследований отечественных учёных анализа содержания обучения и учебного материала по предметам гуманитарного цикла (И. Н. Зотева, Н. А. Лошкарёва, В. Н. Максимова и др.) [3, с. 29; 4, с. 35; 5, с. 10]. Ими доказана важная роль координирующей функции интердисциплинарного обучения, состоящей в согласованности учебных программ по родственным предметам с точки зрения общности трактовки изучаемых понятий, явлений и процессов. Следует также отметить, что реализация данной функции даёт неоспоримый организационно-педагогический эффект, выражающийся в устранении дублирования учебного материала и экономии учебного времени на основе координации предметных и межпредметных знаний, навыков и умений, взаимно дополняющих друг друга.

Применительно к интердисциплинарному обучению иностранному языку эта функция означает, что возникает возможность оптимизации процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции за счёт снятия дублирования учебного материала, и учебное время значительно экономится, причём не только на занятиях по иностранному языку, но и при изучении интегрируемых с ним предметов.

Развивающей функцией интердисциплинарного обучения является создание мотивации учащихся к самостоятельной и обоснованной оценке явлений, развитие целостного миропонимания и духовно-нравственных основ личности, развитие способности к саморазвитию и самопониманию, развитие понимания ценности и уникальности другого человека, другой страны, другой культуры в сравнении и сопоставлении с «Я-концепцией», родной страной и своей культурой.

Полученные учащимися знания находятся в постоянном движении, они связаны с другими системами и могут перестраиваться в соответствии с целями познания и конкретными задачами по их применению,

что является сутью интердисциплинарного обучения. Развивающая функция заключается, следовательно, в том, чтобы научить школьников устанавливать и усваивать связи между дисциплинами в процессе взаимосвязанного изучения конкретных предметов. Эта деятельность может иметь положительный результат в процессе формирования и развития межкультурной коммуникативной компетенции учащихся при условии интегрированного обучения.

Большую роль в образовательном процессе играет **воспитывающая функция** интердисциплинарного обучения. Школа должна воспитывать активную жизненную позицию каждого учащегося. Эта цель может быть достигнута с помощью системы дидактических средств активизации учебно-познавательной и творческой деятельности, которые служат конкретным целям каждого этапа обучения в решении междисциплинарной учебно-воспитательной проблемы. В процессе интердисциплинарного обучения знание фактов и понятий необходимо, но в то же время не менее важно, какими путями и методами они познаны и усвоены, какие при этом качества личности актуализировались и развивались, в какую систему сложились факты и понятия в сознании учащегося, какую оценку они получили с его стороны, как повлияли на мировоззрение, эмоциональную и волевую сферы личности, на его поведение. Формирование ценностной ориентации личности является основой того процесса, который и называется воспитанием.

Применительно к обучению иностранному языку воспитательная функция интердисциплинарного обучения выражает себя в том, что в процессе обучения у учащихся формируется и развивается представление о многообразии культур в мире, воспитывается позитивное, толерантное отношение к культурным различиям, развиваются умения гуманного, продуктивного взаимодействия с носителями других культур. Воспитательная

функция интердисциплинарного обучения реализуется посредством подготовки личности к современной реальности, её полноценной самореализации независимо от национальной, культурной и языковой принадлежности. Поиск в ходе педагогического взаимодействия уникального сочетания мировых образцов культуры с достижениями своей национальной культуры является главной задачей поликультурного образования, включающей интердисциплинарное обучение иностранному языку.

Помимо рассмотренных выше функций, интердисциплинарное обучение выполняет **методологическую функцию**, заключающуюся в совершенствовании процесса обучения в целом, что отвечает социальным требованиям развития личности школьника, будущего полноценного гражданина нашего общества. Эта функция непосредственно связана со сферой практических действий учащихся, которая достаточно масштабна. Учебно-познавательная деятельность вовлекает учащихся в широкий круг социальных отношений, они постоянно получают обильную разностороннюю информацию и бесценный опыт общения, что помогает формированию у них межкультурной коммуникативной компетенции. Данный вид деятельности перестраивает внутренний мир школьников, развивает у них естественную потребность активного созидания как свойства личности. Интердисциплинарное обучение позволяет направить деятельность учащихся таким образом, чтобы она приносила удовлетворение каждому ученику.

С позиций методологической функции специфика иностранного языка как учебного предмета в его интеграции с другими учебными предметами заключается в том, что он, являясь орудием познания и средством общения, может быть использован в различных областях познавательной деятельности школьников, способствуя всестороннему развитию личности.

Библиографический список

1. Громова В. В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции на основе интердисциплинарного обучения: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2011. – 255 с.
2. Зверев И. Д. Проблемы экологического образования и воспитания в средней школе: тезисы докл. всесоюз. конф. – Таллинн: НИИ педагогики, 1980. – 27 с.
3. Зотева И. Н. Характер межпредметных связей и их реализация в обучении иностранному языку в средней школе (на материале французского языка): дис. ...канд. пед. наук. – М., 1989. – 162 с.
4. Лошкарева Н. А. Межпредметные связи и их роль в формировании знаний и умений школьников: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1967. – 180 с.
5. Максимова В. Н. Межпредметные связи в процессе обучения. – М.: Просвещение, 1988. – 191 с.
6. Федорова В. Н. Дидактические функции и признаки методов учения по естественнонаучным дисциплинам // Новые исследования в педагогических науках. – 1975. – № 2. – С. 12–14.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gromova V. V. Formirovanie mezhkulturnoj kommunikativnoj kompetencii na osnove interdisciplinarnogo obuchenija: dis. ...kand. ped. nauk. – М., 2011. – 255 s.
2. Zverev I. D. Problemy jekologicheskogo obrazovaniya i vospitaniya v srednej shkole: tezisyy dokl. vsesojuz. konf. – Tallinn: NII pedagogiki, 1980. – 27 s.
3. Zoteeva I. N. Harakter mezhpredmetnyh svyazej i ih realizacija v obuchenii inostrannomu jazyku v srednej shkole (na materiale francuzskogo jazyka): dis. ... kand. ped. nauk. – М., 1989. – 162 s.
4. Loshkareva N. A. Mezhpredmetnye svyazi i ih rol v formirovanii znaniy i umenij shkolnikov: dis. ... kand. ped. nauk. – М., 1967. – 180 s.
5. Maksimova V. N. Mezhpredmetnye svyazi v processe obuchenija. – М.: Prosveshhenie, 1988. – 191 s.
6. Fedorova V. N. Didakticheskie funkicii i priznaki metodov uchenija po estestvennonauchnym disciplinam // Novye issledovanija v pedagogicheskix naukah. – 1975. – № 2. – S. 12–14.

© Редченко Н. Н., 2015

УДК 159.923.3

**ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ ВРАЧЕЙ,
ПРЕПОДАЮЩИХ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

В. В. Потявина *Старший преподаватель,*
Н. Л. Москвичева *кандидат психологических наук, доцент,*
Санкт-Петербургский университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

**PERSONAL RESOURCES OF OCCUPATIONAL CAREER
OF DOCTORS, WHO TEACH AT HIGHER SCHOOL**

V. V. Potiavina *Teacher,*
N. L. Moskvicheva *Candidate of Psychological Sciences,*
assistant professor,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Summary. The article describes one of career pathways in medicine – career in Academic medicine (teaching). In research were studied 3 groups of personal resources (self-assessment resources, behavioral resources and motivational resources) and their correlation with career indexes (subjective, objective, career anchors). The control sample is a group of doctors who have only medical practice. Doctors who teach in a higher school assess their occupational career more positive. Doctors who work as lecturers in universities have a higher level of social self-efficacy, hope and lower level of motivation to avoid failure.

Keywords: occupational career; personal resources; career of doctors.

Психологические аспекты практической деятельности врачей достаточно широко освещены в научной литературе: рассматриваются личностные качества врача, особенности его психических процессов, мотивационная сфера, психологические аспекты взаимодействия с пациентами, эмоциональное выгорание и др. [4, 5, 6]. Однако профессиональная карьера врача может развиваться в нескольких направлениях: лечебном, научном, преподавательском и административном, а также представлять собой сочетание этих направлений. Так, мало изучена профессиональная деятельность врачей-преподавателей как специалистов, реализующих сочетанную профессиональную карьеру (преподавательскую и лечебную), для успешного осуществления которой им нужно располагать определенными личностными ресурсами, осознавать их и развивать.

Необходимость исследования этого вопроса определяется, прежде всего, социальной значимостью, заинтересованностью общества в эффективной передаче накопленного медицинского опыта.

Цель работы: изучить личностные ресурсы профессиональной карьеры врачей, преподающих в высшей школе. Мы опирались на понимание профессиональной карьеры как процесса и результата профессионального саморазвития и самореализации специалиста [1, 3, 7]. Оценочно-смысловыми психологическими характеристиками профессиональной карьеры выступили субъективное представление участников исследования об уровне своего профессионализма и авторитета и их карьерные ориентации (ценностные ориентации в профессиональной сфере). Среди личностных ресурсов профессиональной карьеры врача-преподавателя

(личностных характеристик, способствующих достижению мастерства, авторитета в профессиональной области, субъективному переживанию успеха, стремлению к саморазвитию и дальнейшей самореализации в профессиональной сфере) мы выделили три группы качеств, имеющих существенное значение:

- самооценочные ресурсы (показателем которых в исследовании выступила оценка самооэффективности);
- поведенческие ресурсы (сила воли, способность находить пути решения проблем, локус контроля);
- мотивационные ресурсы (уровень мотивации достижений, мотивации избегания неудач).

Методы исследования: разработанная нами анкета, позволяющая получить объективные показатели (индикаторы) профессиональной карьеры, субъективные оценки профессиональной карьеры по позициям профессионализма и авторитета (семибалльные шкалы), социально-демографические данные участников; шкала «диспозиционной надежды» Р. Снайдера в адаптации К. Муздыбаева, состоящая из двух компонентов: «сила воли» и «способность находить пути решения проблемы»; методика «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В. А. Чикер; тест определения самооэффективности Маддукса и Шеера (перевод и модификация Л. Бояринцевой под руководством Р. Л. Кричевского); методики диагностики мотивации к успеху и избегания неудач Т. Элрса; опросник уровня субъективного контроля личности (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда. Выборку составили 68 врачей различных Санкт-Петербургских городских стационаров; 34 врача, кроме лечебной практики, осуществляют также преподавательскую деятельность (экспериментальная группа), остальные 34 врача имеют только лечебную практику (контрольная группа). По полу и стажу профессиональной деятельности выборка сбалансирована. Данные изучались с помощью анализа различий средних величин (критерий Манна-Уитни), корреляционного анализа (по Спирмену).

Были получены следующие результаты, отражающие особенности профессиональной карьеры обеих групп врачей. В целом суммарное количество характеристик, отражающих объективные профессиональные достижения, значимо больше у врачей, осуществляющих преподавательскую деятельность ($16,65 \pm 6,76$), чем у врачей, ориентированных только на лечебную работу ($9,41 \pm 5,27$), $p < 0,01$, что отражает тот факт, что поле профессиональной реализации врача-преподавателя значительно шире, чем у лечащего врача. Врачи, осуществляющие преподавательскую деятельность в высшей школе, значительно больше позитивны в субъективном восприятии своих профессиональных достижений и авторитета в профессиональной среде (субъективный профессионализм – $4,76 \pm 0,92$; субъективный авторитет – $3,79 \pm 1,72$) по сравнению с лечащими врачами ($4,11 \pm 1,29$ и $2,97 \pm 1,52$ соответственно), $p < 0,05$. Самая частая оценка своего профессионализма по семибалльной шкале врачами обеих групп – 4 балла, то есть все респонденты определяют себя «специалистами, которые могут справиться, помочь в большинстве случаев», однако распределение оценок различается: у медиков-преподавателей нет оценок ниже 4 баллов, но они встречаются у 20,5 % лечащих врачей; количество более высоких субъективных оценок у медиков-преподавателей также выше. Описывая частотное распределение субъективных оценок медиков-преподавателей по позиции «авторитет», можно отметить, что большинство оценивает себя как специалиста, которого знают не только те, с кем он работает. Возможно, благодаря большей вовлеченности в различные профессиональные события (конференции, мастер-классы и др.), а также работе в высшей школе, врачи-преподаватели имеют большую известность среди медиков Санкт-Петербурга. Для респондентов экспериментальной группы также характерно то, что их больше знают как за пределами города, так и России. У лечащих врачей субъективная характеристика авторитета характеризуется

двумя частотными пиками: 2 балла – «в больнице меня считают хорошим специалистом» и 4 балла – «я специалист, которого знают не только те, с кем я работаю».

Выявлено, что карьерные ориентации в обеих группах схожи. Наиболее распространенными карьерными ориентациями являются «стабильность места работы» (52,3% для медиков-преподавателей, 51% для лечащих врачей), «служение» (23% для обеих групп), «профессиональная компетентность» (11,7% для медиков-преподавателей, 14% для лечащих врачей), «интеграция стилей жизни» (9,2 и 8,4% соответственно). Статистически значимо различались только ориентации на «стабильность места жительства»: они менее выражены у врачей, осуществляющих педагогическую деятельность ($p < 0,05$). Вероятно, врачи-преподаватели чаще принимают участие в международных конференциях, программах международного профессионального обмена, что может служить основой для решения о переезде при возможности перспективной работы или повышения.

Анализ самооценочных личностных ресурсов участников исследования выявил, что показатели «деятельностной самооффективности» (убежденности в способности достичь определенного результата) имеют средние значения в обеих группах ($40,2 \pm 19,06$ – врачи-преподаватели и $35,88 \pm 20,29$ – лечащие врачи). Однако значения по шкале социальной самооффективности (восприятие человеком собственной эффективности во взаимодействии с другими людьми) достоверно различались ($p < 0,05$): врачи-преподаватели воспринимают себя как более успешных в социальном взаимодействии ($6,85 \pm 10,08$) по сравнению с лечащими врачами ($0,76 \pm 9,88$). Низкую самооценку своих возможностей во взаимодействии с другими у лечащих врачей можно, вероятно, объяснить эмоциональным напряжением в общении с пациентами, в то время как профессиональное общение врачей-преподавателей бо-

лее широко, включает также студентов и коллег, что создает предпосылки большей уверенности в коммуникации с другими.

Исследование мотивационных ресурсов выявило умеренно высокий уровень мотивации к успеху в обеих группах ($17,93 \pm 3,64$ – врачи-преподаватели, $18,62 \pm 2,72$ – лечащие врачи). При этом статистически значимо различался уровень мотивации избегания неудач ($p < 0,05$): у врачей-преподавателей крайние значения среднего уровня, а у лечащих врачей высокий уровень мотивации избегания неудач ($15,24 \pm 4,75$ и $18,44 \pm 5,2$ соответственно).

Анализ не выявил значимых различий в общем уровне субъективного контроля ($33,17 \pm 21,14$ – врачи-преподаватели, $34,55 \pm 22,98$ – лечащие врачи) и в уровне субъективного контроля во всех сферах (в области достижений, неудач, семейных, производственных, межличностных отношений и здоровья); то есть врачи в обеих группах склонны приписывать успех собственной деятельности, как внутренним факторам, так и внешним, понимая, что итоговый результат зависит от совокупности различных причин. Вместе с тем обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,05$) в установке на надежду у врачей-преподавателей ($25,5 \pm 3,34$) и лечащих врачей ($23,4 \pm 3,66$). Хотя обе группы значений находятся в пределах средних, для врачей-преподавателей они более высокие, то есть им в большей степени присуща решимость, включенность в работу, готовность действовать и развиваться, находить эффективные пути достижения поставленных целей. Возможно, это связано с тем, что выстраивание профессиональной карьеры в нескольких областях позволило им накопить определенный опыт решения разнообразных проблем, умение гибко реагировать на всевозможные ситуации и искать различные пути для реализации намеченного.

Корреляционный анализ взаимосвязей между показателями ка-

рьеры и личностными ресурсами выявил статистически достоверные позитивные связи между показателями профессиональных достижений и карьерной ориентацией на «вызов» в группе врачей-преподавателей ($p < 0,05$) и отрицательные связи ($p < 0,01$) показателей профессиональных достижений с мотивацией избегания неудач. Основные ценности при карьерной ориентации данного типа – преодоление препятствий, решение трудных задач, новизна, разнообразие. Ориентация на совладание с трудностями и достижение успеха проявляется в самом выборе сочетанной профессиональной карьеры и способствует достижению высоких профессиональных результатов, стремлению к постановке сложных целей в карьере врача-преподавателя. И наоборот, большое количество профессиональных достижений способствует формированию большей уверенности и ориентации на успех в профессиональной деятельности. Мотивация избегания неудач имеет статистически значимую отрицательную связь ($p < 0,05$) и с субъективным показателем профессионализма. Врач-преподаватель в большей степени ощущает себя профессионалом, и в меньшей степени у него выражена потребность избежать срыва, порицания, неудачи в профессиональной сфере. Интернальность в межличностных отношениях позитивно связана ($p < 0,05$) с индикаторами профессиональных достижений, «субъективным профессионализмом» и «субъективным авторитетом». Эти связи обусловлены особенностями профессиональной деятельности врача-преподавателя.

У лечащих врачей показатели карьеры связаны с «установкой на надежду», коррелирующей на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$) с показателями «субъективного профессионализма», «субъективного авторитета» ($p < 0,05$) и профессиональных достижений ($p < 0,05$). «Надежда» позволяет врачу справляться с трудностями сво-

ей профессиональной деятельности и вселять ее в пациента. По мнению филологов, слово «врач» происходит от славянского «врати», означающего «говорить», «заговаривать». Слово лечащего врача и его позитивные установки на выздоровление, связанные с надеждой, могут влиять на состояние больного. Петербургский врач И. П. Лапин [2] говорил о «трагедии утраты надежды» пациентом и его родными. «Отрезвляющее действие реальности», лишаящее пациента «надежды» на выздоровление, может причинить ему дополнительные страдания. Поэтому личностный ресурс установки на надежду связан с показателями профессиональной успешности врача.

Итак, врачи, осуществляющие преподавательскую деятельность, имеют более позитивные субъективные оценки своей профессиональной карьеры по позициям уровня профессионализма и авторитета, чем врачи, осуществляющие только врачебную деятельность. Выявлена специфика личностных ресурсов в каждой группе медиков. У врачей-преподавателей выше уровень социальной самоэффективности, показателей силы воли и способностей находить пути решения проблем, и ниже уровень мотивации избегания неудач. У врачей-преподавателей ключевыми характеристиками, связанными с показателями карьеры, выступают низкий уровень мотивации избегания неудач и «интернальность в области межличностных отношений». Лечащие врачи продемонстрировали меньший уровень самоэффективности и более высокий уровень мотивации избегания неудач. Это, на наш взгляд, может быть опосредовано основополагающим принципом врачебной деятельности – «не навреди» – и боязнью допустить ошибку при чрезмерно рискованных решениях. У лечащих врачей показатели карьеры связаны с установкой на надежду, способностью быть решительным, находить новые пути решения проблем.

Библиографический список

1. Дружилов С. А. Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития. – Новокузнецк: ИПК, 2002. – 242 с. – (Гуманитарные исследования в образовании).
2. Лапин И. П. Личность и лекарство. Введение в психологию фармакотерапии. – СПб.: Издательство «Деан», 2001. – 416 с.
3. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Индустриальная социальная психология: учебное пособие. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 184 с.
4. Чулкова В. А., Комяков И. П., Карелов А. Е., Демин Е. В., Донских Р. В. Эмоциональное выгорание врачей-онкологов и медицинских сестер онкологической клиники: учебное пособие. – СПб.: Издательство ГБОУ ВПО СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2012. – 32 с.
5. Cox J. Understanding doctors performance. – Oxford: Radcliffe publishing, 2006. – 175 p.
6. Leavitt J. Improving medical outcomes: the psychology of doctor-patient visits. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2011. – 256 p.
7. Slocum W. L. Occupational careers: a sociological perspective. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1974. – 349 p.

Bibliograficheski spisok

1. Druzhilov S. A. Stanovlenie professionalizma cheloveka kak realizacija individualnogo resursa professionalnogo razvitiya. – Novokuzneck: IPK, 2002. – 242 s. – (Gumanitarnye issledovanija v obrazovanii).
2. Lapin I. P. Lichnost i lekarstvo. Vvedenie v psihologiju farmakoterapii. – SPb.: Izdatelstvo «Dean», 2001. – 416 s.
3. Pochebut L. G., Chiker V. A. Industrialnaja socialnaja psihologija: uchebnoe posobie. – SPb.: SPbGU, 1997. – 184 s.
4. Chulkova V. A., Komjakov I. P., Karelov A. E., Demin E. V., Donskih R. V. Jemocionalnoe vygoranie vrachej-onkologov i medicinskih sester onkologicheskoj kliniki: uchebnoe posobie. – SPb.: Izdatelstvo GBOU VPO SZGMU im. I. I. Mechnikova, 2012. – 32 s.
5. Cox J. Understanding doctors performance. – Oxford: Radcliffe publishing, 2006. – 175 p.
6. Leavitt J. Improving medical outcomes: the psychology of doctor-patient visits. – New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2011. – 256 p.
7. Slocum W. L. Occupational careers: a sociological perspective. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1974. – 349 p.

© Потявина В. В., Москвичева Н. Л., 2015

UDC 159.9.316.6

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL DIMENSIONS OF THE LEADERSHIP PHENOMENON IN MANAGEMENT

S. K. Stoyanova

*Assistant professor, Ph.D.,
D. A. Tsenov Academy of Economics,
Svishtov, Bulgaria*

Summary. This article focuses on the social and psychological aspects of leadership in management. The relevance of the topic is determined by the fact that in the present-day business environment companies more and more often face problems such as increasing complexity, uncertainty and pressure from competitors. Under conditions of dynamic and unpredictable changes in the external environment, the ability to develop leaders and leadership skills on all levels of organizational hierarchy is a key factor of success. Modern organizations need individuals who can balance effectively their managerial functions and leadership skills, i. e. they can integrate to the maximum authority and influence as the main instruments for changing the attitudes and behaviors of subordinates/followers. All this will contribute to the voluntary acceptance of set goals, standards and propositions and encourage employees to become engaged in a deep, inner process of becoming permanently committed to the organization's values, objectives and requirements. The article provides a detailed outline of the nature and specific characteristics of leadership. Special attention is paid to the question that has been in the centre of scientific interests of social psychologists and researchers of the theory and practice of management for many years, namely how managers can become effective leaders. With reference to the answer to this question, the author defines the prerequisites for successful leadership by analyzing the different approaches to studying different leadership theories. As a result of the comparative analysis of the existing concepts ideas of leadership, expressed by the researchers, presented in the specialized literature, the author of the present article puts forward the opinion that these ideas can be classified into three main groups. However, according to the conclusions made on the basis of the theoretical review, exerting influence on the behavior of followers is considered to be the primary, key characteristic of the definitions of leadership provided in each of the three groups.

Keywords: leadership; influence; behavior; management activity; group; authority; social and psychological impact.

Introduction

People have been interested in leadership for a long time since the beginning of modern civilization. Since ancient times, it has been known that individuals are not the same. For this reason, even in the earliest forms of human organizations certain individuals always stepped forward. They have stood at the forefront and led their clans, guilds, cities or countries. These people are the leaders. The interest in leadership can be dated back to the first human communities. Over the different cultural and historical periods in the development of society the attitudes towards leadership have changes. The approaches and methods for studying this phenomenon have also undergone changes and have improved with time.

The interdisciplinary character of leadership means that it can be analyzed from different points of view:

1) from the perspective of the subjective prerequisites – personality param-

eters, necessary traits, basic dimensions and combinations of skills for exercising effective influence on others;

2) from the perspective of the objective prerequisites – ways of performing different activities, demonstrated behaviors and styles with reference to subordinates, tasks and dependence on the internal and external business environment;

3) from the perspective of the current business environment and the requirements it places with reference to certain theoretical and practical competences.

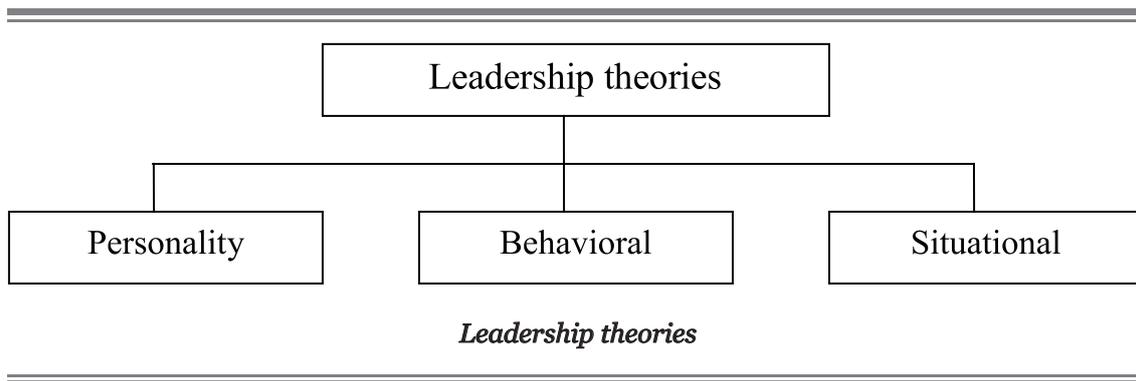
Nature and specific features of leadership

The interest in the nature and process of leadership in the sphere of psychology originated from social psychology and later spread to areas such as organizational psychology and the study of management and the development of human resources.

Actually, the first formal studies of leadership date back to the end of the 19th

and the beginning of the 20th century and are related to the theoretical research of German psychologist from this period. The conducted research and the theories based on it produced various and often contradicting concepts but every one of them contributed to clarifying the nature of leadership and helped identify the factors that turn individuals into confident and effective leaders who could influence the behavior of other people or groups. The main ques-

tion, which is still in the centre of interests of social psychologists and researches of the theory and practice of management, is how managers can become effective leaders. Looking for the answer to this main question has created numerous theories of leadership. The researchers' conclusions, resulting from the different approaches they have applied when studying this problem, state that the main theories could be grouped into three main categories (figure).

The first group refers to the personality theories or the so called trait theories. There, the efforts of scientists are directed to determining the prerequisites of successful leadership by studying the personality traits and attributes of famous business and historical model figures. The second group reveals the behavioral approach to leadership and focuses not on the personality traits of leaders but on their actual behavior and relationships with subordinates. These two theories have offered various models for classifying the different leadership styles of managers that are used widely in the studies of this phenomenon. Modern leadership theories are related to the situational approach in management. According to them, there is not only one, most effective leadership style. In addition to the personality traits and behavior of leaders, the effective management also depends on the needs and personality traits their subordinates, the type of task that have to be completed, the information available to managers and the influence of the context in which the business is performed. These are the so called situational factors which influence the choice

of an appropriate management style [5, c. 292, 293].

In order to analyze more thoroughly the studied topic, after outlining the characteristics of the three main groups of leadership theories, it is necessary to define the notion of "leadership" itself.

The specialized literature provides many various definitions of leadership. However, certain trends can be distinguished because they focus on similar characteristics of leadership. The idea that unites all these trends is that leadership affects attitudes, behaviors, beliefs and feelings of other people. This effect can be viewed in general as the ability of a particular person with his/her behavior and actions to change the behavior and actions of other people (subordinates or followers). The particular authors put an emphasis on different aspects of the phenomenon thus prioritizing certain characteristics of the leader's personality. For example, according to Victor Vroom and Arthur Jago's definition of leadership, it is a process of motivating people to work together and cooperate with each other to achieve great things [12]. Chester Schriesheim, James

Tolliver and Orlando Behling define leadership as "...a social influence process in which the leader seeks the voluntary participation of subordinates in an effort to achieve the organizational objectives" [11, p. 35]. According to Anatolii Asenov, "leadership is a process and a personal ability at the same time. Viewing leadership as a process suggests that it uses influence to streamline and coordinate the activities of members of organized groups so that they work voluntarily to achieve the objectives of the group. As a personal ability, leadership implies the set of personality traits and attributes of a particular individual who is considered to use them successfully to exert influence on others" [3, p. 193, 194]. Philip Usunov states that while management is oriented towards achieving objectives, leadership is to make others want to work in order to achieve these objectives [6, p. 13]. Martin Chemers defines leadership as a process of social influence by which an individual manages to obtain the support and help of others in accomplishing a common task [8, p. 76, 77]. For Stephen Robbins and Timothy Judge leadership is the ability to influence a group towards the achievement of a vision or a set of goals [10, p. 186–188] while for Robert Baron and coauthors leadership is to influence team members by provoking them to make mutual efforts and after that to manage the collective activities needed to forward the completion of tasks [7, p. 149, 150]. Another definition describes leadership in a similar way, namely as a process involving the exertion of influence on other people within the context of a group so that they group member achieve set goals [9, p. 13].

Having in mind the above – mentioned, we can summarize that specialized literature is abundant in various definitions of leadership that describe it from three main viewpoints. The *first approach* views leadership as a trait, the *second approach* describes it as a process while the *third one* suggests it is both a process and a trait. Research, done by the advocates of the first approach, states that leadership is a set of attributes and a multitude of traits, possessed by individuals, who successfully exert **influence**. Studies of leadership as a process suggest that it is a direct, voluntary **influence** on the actions of a group

and their coordination for accomplishing its objectives. The third approach coordinates these characteristics and determines leadership as a direct **influence** of individuals, who possess the respective qualities, that elicits voluntary action for achieving certain goals.

It should be noted that each of the three approaches to defining leadership assumes the exertion of **influence** is one of its key characteristic.

From a psychological point of view, the influence an individual has on others could be explained by three qualitatively different from each other process [2, p. 26], namely:

- *Instrumental agreement* which implies the completion of set task for obtaining certain benefits or avoiding punishment; it usually involves minimal efforts.

- *Internalization* where the followers support the leader and comply with their requirements because these demands are internally desired and acceptable with reference to the followers' attitudes, beliefs or perceptions of self. себепредстави.

- *Personality identification* where followers identify with the leader or adopt their attitudes in order to be liked by them or be like them.

Social and psychological aspects of leadership

Over the last years the focus of research has shifted from studying power as a source of influence to investigating the various patterns of behavior used to exert this influence. Finding new possibilities and alternatives for improving and facilitating the management in its efforts to overcome more successfully the social and psychological barriers in organizations provokes the interest of the business in adopting such effective solutions that will encourage and guide employees to express their personalities actively and creatively.

The specialized literature mentions different methods of influencing the behaviors in organizations. In particular, these methods can be divided into two main groups [4, p. 108, 109], i. e.:

- ✓ *Methods of direct influence*, which include:

- *giving orders* – this method is used mainly when there is not much time to apply the other ones. For it to be effective,

however, managers need to have considerably more authority than their subordinates;

– *persuasion* – it is used when authority is limited and the others have equal or bigger authority in the particular situation. In such cases it is necessary to give a good reason to the other team members to follow the leader. Leaders should also persuade team members that the tasks or goals that are to be completed are of great importance for the organization;

– *negotiation* – this method is used mainly when benefits for the potential followers are limited. It is necessary to offer these individuals something in return so that they become actual followers;

– *participation* – this method provides opportunities for serious motivation and, therefore, it is of key importance that managers use it in every possible situation. The idea here is to make followers accept the set goals and task and make them their own. The important consequences of direct influence through participation are that team members share ideas, help each other and work in cooperation.

✓ **Methods of indirect influence** have a rather negative effect on followers. Examples of such methods include manipulation, misleading and opposing team members. These methods can provoke negative feelings and can result in lack of trust and insecurity in followers in the future.

It is necessary to point out managers should not mistake authority with coercion. Authority should imply reasonable, correct behavior based on persuasion – this is the modern understanding of authority. The way authority is applied and the responsibilities taken determine the role and form managers assign to authority [1, c. 400, 401].

The different methods of influencing help managers to use the authority delegated to them. These techniques also aid managers to lead their organizations in order to achieve the set goals but at the same time they encourage them to do it without imposing their personal interests. And if leaders perform well in this role, this is due to their ability to influence successfully the three levels of their followers' personality. These three levels refer to the intellect, emotions and behavior and imply the managers' abilities to explain and persuade; to get followers

involved and encourage them to participate and to be a good example they can follow in accomplishing successfully their tasks. The strength of managers lies in their ability to inspire, motivate, and stimulate the enthusiasm of their followers by avoiding any insecurity, doubt or fear of problems.

Prerequisites for successful leadership

The concept of influencing on social and psychological levels in the leadership process shows that different individuals possess different possibilities to affect the group's activity and the individual behaviours of group (organization) members respectively. That is, every person influences the others in different situations but leaders exert unproportionally huge influence. This is a special case of interpersonal behavioural influence which is characterised as:

➤ an activity or behaviour which lead to changes in the understanding or behaviour of subordinates;

➤ a process of guiding and inspiring the organization's members to perform activities that will lead to accomplishment of particular set objectives;

➤ creating a system of relationships in the team which is based on mutual needs and desires;

➤ the ability to influence through taking initiative and responsibility for the actions of the group by one person, i. e. the leader, as well as the readiness of the others, i. e. the leader's followers, to participate in these initiatives and make efforts for their realization;

➤ an impact on the behaviour of others and the use of the personal skills and capabilities of individuals;

➤ a possibility for creating efficient work teams or groups by provoking the collective effort and managing the team/group activities to forward the successful completion of task.

The outlined characteristics show that to influence individuals through leadership skills refers to the ability of managers to affect their subordinates (followers) on a cognitive, emotional or volitional level so that they commit themselves to following them.

Due to increased complexity and unpredictable changes in external environ-

ment, modern organizations have an increasing need for people who can balance effectively their managerial functions and leadership skills, which is to be able to integrate to the maximum their authority and influence as basic mechanism for changing the attitudes and behaviors of their subordinates/followers. This will contribute considerably to the voluntary acceptance of set goals, propositions and standards of behavior on behalf of subordinates. This will also facilitate the establishment of a supporting working environment and, therefore, the effective managing of organizations.

Conclusion

In conclusion it can be summarized that multiple aspects of the discussed topic reveal the numerous interdisciplinary characteristics of the studied phenomenon which is analyzed by sciences such as psychology, sociology, management, and managerial behavior and many others. From the point of view the objective and subjective prerequisites it becomes obvious that modern business needs more leaders who possess the necessary competences and leadership skills to encourage positive changes in the working environment (friendly climate, supportive teams, delegating authorities and horizontal cooperation) and establish corporate culture that will be beneficial for the personal and professional development of employees as well as for increasing the effectiveness of management processes in organizations. This is due to the fact that leadership is not just a new management style. It is rather the ability to exercise influence in order to change the behaviors in organizations through inspiration, inclusion, commitment, involvement, motivation of their employees. Leadership also stimulates individuals to make collective efforts to increase both their and their organization's productivity.

Bibliography

1. Алексиева Д. Властови отношения в държавната администрация. // Човешкият фактор в управлението : сборник с доклади, А. И. Ценов. – Свищов, 2012.
2. Асенов Ан., Емилова Ир. Лидерство и кризи. Фавер, В. Търново. – 2009.
3. Каменов К., Асенов Ан., Хаджиев Кр. Човек – екипи – лидери. – София : ИК «Люрен», 2000.
4. Семерджиев Ц. Стратегическо ръководство и лидерство. – София : Софттрейд, 2007.
5. Серафимова Д. Основи на управлението. – Варна, Стено, 2007.
6. Узунов Ф. Харизматичното лидерство (Политология, психология и прихотфармакология). Фавер, В. Търново, 2006.
7. Baron R., Branscombe N., Byrne D. Social Psychology (12th ed.). Pearson // Allyn and Bacon. – Boston, 2009.
8. Chemers M. An Integrative Theory of Leadership. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, NJ, US, 1997.
9. Northouse P. Leadership: Theory and Practice (second edition). – London, 2001.
10. Robbins S., Judge T. Organizational Behavior. Prentice Hall, New Baskerville, 2012.
11. Schriesheim C., Tolliver J., Behling O. (1978). Leadership Theory: Some Implications for managers. MSU Business Topics, p. 35. / R. Kreitner, A. Kinicki, M. Buelens. (Eds.). Organizational Behavior. London: McGraw-Hill, p. 472.
12. Vroom V., Jago Ar. Decision-making Model of Leadership. URL: /http://www.leadership-central.com/Vroom-Yetton-Jago-decision-making-model-of leadership.html#axzz2hFB47Zuw.

Bibliography

1. Aleksieva D. Vlastovi otnoshenija v drzhavnata administracija. // Choveshkijat faktor v upravlenieto : sbornik s dokladi, A. I. Cenov. – Svishov, 2012.
2. Asenov An., Emilova Ir. Liderstvo i krizi. Faver, V. Trnovo. – 2009.
3. Kamenov K., Asenov An., Hadzhiev Kr. Chovek – ekipi – lideri. – Sofija : IK «Ljuren», 2000.
4. Semerdzhiev C. Strategichesko rkovodstvo i liderstvo. – Sofija : Softtrejd, 2007.
5. Serafimova D. Osnovi na upravlението. – Varna, Steno, 2007.
6. Uzunov F. Harizmatichnoto liderstvo (Politologija, psihologija i prihofarmakologija). Faver, V. Trnovo, 2006.
7. Baron R., Branscombe N., Byrne D. Social Psychology (12th ed.). Pearson // Allyn and Bacon. – Boston, 2009.
8. Chemers M. An Integrative Theory of Leadership. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, NJ, US, 1997.
9. Northouse P. Leadership: Theory and Practice (second edition). – London, 2001.
10. Robbins S., Judge T. Organizational Behavior. Prentice Hall, New Baskerville, 2012.
11. Schriesheim C., Tolliver J., Behling O. (1978). Leadership Theory: Some Implications for managers. MSU Business Topics, p. 35. / R. Kreitner, A. Kinicki, M. Buelens. (Eds.). Organizational Behavior. London: McGraw-Hill, p. 472.
12. Vroom V., Jago Ar. Decision-making Model of Leadership. URL: /http://www.leadership-central.com/Vroom-Yetton-Jago-decision-making-model-of leadership.html#axzz2hFB47Zuw.

© Stoyanova S. K., 2015

УДК 316.334.3:324

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АБСЕНТЕИЗМА МОСКВИЧЕЙ
НА ВЫБОРАХ МЭРА Г. МОСКВЫ В 2013 Г.**

М. О. Абрамкина

*Студентка,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF ABSENTEEISM OF MOSCOW RESIDENTS
IN THE MAYORAL ELECTION IN MOSCOW IN 2013**

M. O. Abramkina

*Student,
The Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary. In this research work we consider the problem of absenteeism in modern Russia on an example of mayoral elections in Moscow in 2013. The object of the research is the electoral behavior of Moscow residents, the subject and the main problem is absenteeism of Moscow residents in the elections. We define the essence of the concept of “absenteeism”, its types, causes and ways to overcome it. The characteristic of these elections from a sociological point of view was represented. The dynamics of change in the attitude of Moscow residents to candidates based on their propaganda company was given. Statistics for failure to appear on the elections was studied. The causes and consequences of absenteeism of Moscow residents in these elections were identified and analyzed.

Keywords: absenteeism; mayoral elections in Moscow in 2013; electorate; electoral behavior; political involvement.

Введение

Выборы – важнейший компонент современной демократии, один из главных ее институтов; основная форма участия народа в политическом процессе, выражение его воли. Помимо этого, выборы несут в себе функции переизбрания некоторых высших должностей государственного аппарата (например, президента) и представительных органов власти (местного самоуправления, парламента).

Выборы – основополагающая составляющая современной политики, необходимая процедура в любом демократическом государстве. Итоги выборов во многом определяют дальнейшее направление развития страны на определенный период времени, что ставит этот процесс на особое место в политической жизни государства.

Одним из отрицательных феноменов, связанных с электоральным процессом, является абсентеизм. Абсентеизм определяется как отстранение избирателей от участия в голосовании, уклонение от политического участия, политическая апатия.

теизм определяется как отстранение избирателей от участия в голосовании, уклонение от политического участия, политическая апатия.

Сегодня существует большое количество научной литературы, посвященной этой тематике, однако чувствуется нехватка научных работ, направленных на изучение абсентеизма и его причин именно в современной России.

Таким образом, *цель* данной работы – изучение абсентеизма как формы политического электорального поведения (на примере выборов мэра г. Москвы в 2013 г.).

Объектом исследования является электоральное поведение москвичей, наделенных правом голоса, а предметом – абсентеизм москвичей на выборах мэра г. Москвы в 2013 г.

Основная *проблема*, рассмотренная в данной работе, – абсентеизм среди населения на примере выборов мэра столицы в 2013 г.

В связи с определенной целью и проблематикой исследования сформулированы следующие задачи:

1) определить сущность понятия «абсентеизм», его виды и причины, пути преодоления;

2) изучить статистические данные по неявке на выборы мэра г. Москвы в 2013 г.;

3) проанализировать причины абсентеизма на выборах мэра в указанном году;

4) выявить последствия абсентеизма на выборах мэра столицы;

Методологическую основу работы составит анализ документов, соответствующих заявленной проблеме, и вторичный анализ всероссийских опросов ФОМ, ВЦИОМ.

Апробация работы. Основные результаты исследования докладывались на V Международном научном студенческом конгрессе, в рамках дискуссионного клуба «Социология – Финансы – Государство».

1. Абсентеизм как вид политического электорального поведения

Научное определение политического участия гласит, что под этим термином следует понимать вовлечение социально-политической общности и ее членов (рода, племени, нации и т. д.) в процесс политико-властных отношений, индивидуально или группой, внутри данной общности.

Политическая иммобильность (от лат. *immobilis* – неподвижный) – противоположность политического участия – бездействие и отстраненность от политической жизни. Одна из форм такой иммобильности – абсентеизм – на сегодняшний день является очень распространенным явлением.

Понятие «политический абсентеизм» его основные причины

Абсентеизм (от лат. *absentis* – отсутствующий) – отказ избирателей от участия в выборах, форма сознательного их бойкотирования; проявление безразличия к осуществлению гражданских прав и обязанностей.

Рассматривая различные причины возникновения абсентеизма (социаль-

ные факторы: недоверие к власти и политическим институтам, уверенность в ненужности политики, социальная незащищенность; экономические факторы: низкий уровень жизни, безработица; политико-правовая безграмотность, определенные психологические установки) на примере разных групп населения, мы приходим к выводу, что общий ряд причин может быть классифицирован так:

1) особенности избирательной кампании (слабая агитационная деятельность или ее отсутствие, малопривлекательные политические лидеры (кандидаты), отсутствие конкуренции и т. д.);

2) общеполитические и общесоциальные причины (недоверие к власти и кандидатам, отсутствие интереса к политике в принципе, сомнения в честности выборов, отсутствие веры в силу отданного голоса, в возможность что-либо им изменить и др.).

Пути преодоления абсентеизма

Существует несколько взглядов на проблему абсентеизма. Некоторые эксперты склонны полагать, что это нормальное и закономерное явление. Другие уверены, что абсентеизм изначально не присущ обществу и с этим явлением необходимо бороться. Так или иначе, абсентеизм оказывает негативное воздействие на проведение выборов и политическую жизнь государства, что делает эту проблему одной из приоритетных в плане скорейшего решения.

Основными путями преодоления абсентеизма в демократическом обществе можно считать образовательно-просветительскую деятельность в этой области, а также ряд административных мер, которые, будучи примененными по отношению к населению, способны мотивировать граждан участвовать в политической жизни.

Примером таких административных мер могут послужить денежные взыскания в различных странах мира, накладываемые на тех, кто обладает правом голоса, но игнорирует выборы. В Европе законодательно эта позиция закреплена в Италии, Германии, Австрии, Бельгии. Также административным правонарушением неявка на выборы считается в Греции, Турции

и Пакистане, где тоже предусмотрено уголовное преследование за такого рода нарушение.

Образовательно-просветительские меры воздействия на население были подробно изложены на примере модели социально-ориентированной программы О. В. Захарова, которая предполагает:

1) предотвращение развития и преодоление последствий социального кризиса;

2) повышение политической и электральной культуры граждан;

3) внедрение элементов социального характера в предвыборную кампанию кандидатов.

II. Выборы мэра г. Москвы в 2013 г.: абсентеизм москвичей

Для исследования были взяты выборы мэра г. Москвы в 2013 г., так как они носили очень противоречивый характер. Предположения социологов не оправдались, что вызвало широкий общественный резонанс. По их прогнозам, в выборах должно было участвовать около 70 % всех избирателей, но по факту участие приняли только 30 %.

Как показали результаты опроса ВЦИОМ (9–10 июля и 20–21 июля 2013 г.), подавляющее большинство опрошенных москвичей знали о предстоящих выборах мэра столицы, которые должны были состояться 8 сентября (92 % – в начале месяца, 94 % – в конце). Также возросла и потенциальная явка: 20–21 июля намерение голосовать выразили 49 % (9–10 июля – 44 %).

Прослеживая динамику изменения ответов респондентов, можно сказать, что происходило незначительное колебание (изменение в среднем на 4–6 %) в ответах респондентов «обязательно приму участие в выборах» и «скорее приму участие в выборах». То есть за весь период опросов 47 % человек подтвердили, что обязательно пойдут на выборы, и 29 % – что, скорее всего, примут участие в них. Таким образом, в среднем за весь период опросов 76 % респондентов были готовы прийти в назначенный день на избирательные участки.

ФОМ также провел два социологических опроса с целью выявить готовность избирателей участвовать в вы-

борах и отношение к кандидатам. Как видно из графика, предполагаемая явка существенно не изменилась (71 % 12–23 июля, 72 % 26–31 августа).

В итоге два крупных аналитических центра, ФОМ и ВЦИОМ, получили примерно одинаковые результаты опросов. Так, 72–76 % избирателей должны были прийти на выборы, но итоговая явка 8 сентября составила 32,03 %. Возникают совершенно естественные вопросы: «А куда исчезли 42 % избирателей, которые были готовы прийти и проголосовать? Что случилось?».

Причины и последствия абсентеизма москвичей на выборах мэра г. Москвы

Основные причины абсентеизма москвичей, выявленные в данном исследовании:

- 1) предопределенность результатов;
- 2) неактивность «основного» кандидата;
- 3) неудачное время для голосования.

Также было проанализировано поведение кандидатов и реакция избирателей согласно теории В. С. Комаровского. Разделив электорат на четыре группы (ядро – 10 %, основная масса – 50 %, «электоральное болото» – 20 %, «абсентеисты» – 20 %) и проведя анализ избирательных кампаний кандидатов, мы пришли к выводу, что упор был сделан на основную массу и «электоральное болото» при низкой агитационной активности со стороны С. С. Собянина и высокой – со стороны А. А. Навального. Это привело к тому, что часть сторонников С. С. Собянина либо перешли на сторону А. А. Навального, либо переместились в группу «абсентеистов».

Во-первых, отсутствие активной агитации основным кандидатом открывает возможности для активной оппозиционной агитации. Возможно, в случае большей активности А. А. Навального был бы назначен второй тур мэрских выборов.

Во-вторых, удельный вес оппозиционных кандидатов при низкой явке на выборы очень сильно увеличивается. Согласно опросу ВЦИОМ от 7 сентября, только 8 % москвичей хотели голосовать за А. А. Навального. А в назначенный день он получает 32 % голосов по

результатам экзитпола ВЦИОМ и 27% по официальным данным.

Таким образом, мы приходим к выводу, что абсентеизм на выборах – опасное явление. Оно может привести к самым неожиданным последствиям, если отсутствовала грамотная агитация и большая часть населения не была мобилизована и мотивирована идти на выборы. Представленные в работе пути решения этой проблемы при помощи государственной поддержки, безусловно, должны помочь мобилизовать граждан и мотивировать их участвовать в выборах.

График «Предполагаемая и реальная явка избирателей».

Библиографический список

1. Ackaert J., De Winter L. Electoral absenteeism and potential absenteeism in Belgium: manuscript // Political Science Manuscript, 1996. URL: <http://www.tcnj.edu>.
2. Анисимова О. В. Социально-психологический анализ проблемы абсентеизма // Изв. Саратовского ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. – 2009. – Т. 2. – № 1. – С. 41–46.
3. Аринина К. И. Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – № 1.
4. Баскакова Ю. М. «Мы эту власть не выбрали»: абсентеизм на выборах 2011–2012 гг. // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 6.
5. Беляев А. Ю., Тарасов Е. Н. Тенденция абсентеизма в современном российском обществе // Власть. – 2013. – № 5.
6. Березина Е. В. О точности прогноза результата голосования // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 98–104.
7. Захаркин Р. А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4.
8. Комаровский В. С. Типология избирателей // Социологические исследования. – 1990. – № 1. – С. 42–47.
9. Мартынова А. В. Мотивы участия/неучастия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – Т. 4. – С. 116.
10. Морозова О. С. Абсентеизм как тип электропального поведения // Культура и образование. – 2013. – № 2. – С. 2.

Bibliograficheskij spisok

1. Ackaert J., De Winter L. Electoral absenteeism and potential absenteeism in Belgium: manuscript // Political Science Manuscript, 1996. URL: <http://www.tcnj.edu>.
2. Anisimova O. V. Socialno-psihologicheskij analiz problemy absenteizma // Izv. Saratovskogo un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. Novaja serija. Ser.: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitiija. – 2009. – Т. 2. – № 1. – С. 41–46.
3. Arinina K. I. Absenteizm v politike: prichiny i posledstviija // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2014. – Т. 156. – № 1.
4. Baskakova Ju. M. «My jetu vlast ne vybirali»: absenteizm na vyborah 2011–2012 gg. // Monitoring obshhestvennogo mnenija. – 2012. – № 6.
5. Beljaev A. Ju., Tarasov E. N. Tendencija absenteizma v sovremennom rossijskom obshhestve // Vlast. – 2013. – № 5.
6. Berezina E. V. O tochnosti prognoza rezultata golosovanija // Sociologicheskie issledovanija. – 1995. – № 2. – С. 98–104.
7. Zaharkin R. A. Molodezhnyj absenteizm v Rossii // Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke. – 2010. – № 4.
8. Komarovskij V. S. Tipologija izbiratelej // Sociologicheskie issledovanija. – 1990. – № 1. – С. 42–47.
9. Martynova A. V. Motivy uchastija/neuchastija studentov i uchashhihsja v vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy RF (2011 g.) i Prezidenta RF (2012 g.) // Monitoring obshhestvennogo mnenija. – 2013. – Т. 4. – С. 116.
10. Morozova O. S. Absenteizm kak tip jelektoralnogo povedenija // Kultura i obrazovanie. – 2013. – № 2. – С. 2.

© Абрамкина М. О., 2015

УДК 365.24

**ЖИЛЬЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ
КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

А. В. Чаленко

*Студентка,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

**HOUSING FOR THE MODERN RUSSIAN YOUNG FAMILY
AS AN ACTUAL SOCIAL PROBLEM**

A. V. Chalenko

*Student,
Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint-Petersburg, Russia*

Summary. The article studies the problem of housing a young Russian family in modern conditions. The young family is one of the most unprotected social groups in Russian society. The main problem is the lack of their own homes at a young family. The article discusses ways of solving this important social problem. The decision of housing problems of young families is one of the main, but at the same time difficult tasks of public authorities at Federal, regional levels and on the ground. The present paper analyses the features and prospects of realization of measures of state support of young families in the area of housing construction.

Keywords: housing problem; young family; social policy; government program; rent.

Прочность государственного устройства, рост экономики страны, повышение роли государства на мировой арене неотделимы от благополучия каждого гражданина. Социальные проблемы мешают гражданам реализовываться в полной мере, отдаваться труду и повышению квалификации и заставляют направлять на их решение значительную часть созидательного потенциала граждан. Основной социальной проблемой современной России является нехватка жилья для наименее обеспеченных групп граждан, среди них – молодые семьи, молодые специалисты, военные и ветераны войны [1]. Многие молодые семьи не в состоянии в полной мере принять участие в созидательном труде, так как отсутствие жилья ограничивает их возможности. В Советском Союзе социальная политика государства имела в своих приоритетах обеспечение отдельной жилплощадью каждой молодой семьи. Российская Федерация в условиях рыночной экономики не может гарантировать бесплатное предоставление жилья всем нуждающимся, но она вынуждена находить иные пути решения этой важнейшей социальной проблемы. Прямым следствием проблемы жилья является и низкий уро-

вень демографического роста: создание семьи и рождение детей требует крепкого и устойчивого базиса в виде подходящей жилплощади [5]. Решение проблемы жилья возложено не только на плечи федерального правительства, большая доля ответственности остается на региональном и муниципальном уровнях. Так, в 2006 г. был принят приоритетный национальный проект «Доступное жилье – гражданам России». В 2012 г. утверждена госпрограмма «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», со сроком реализации – 2013–2020 гг.

Основным направлением государственной политики обеспечения молодых семей жильем является программа материнского капитала [2]. Несмотря на то, что каждый год появляется информация о ее прекращении, данная программа успешно работает. Чаще всего эти средства направляются на приобретение квартир и отдельных домов. На региональном уровне существует отдельная программа субсидий, предоставляемых молодым семьям на приобретение жилья [4]. Она предусмотрена в рамках ФЦП «Жилище». Субсидия – это целевое финансирование, предоставляемое

молодой семье. Налогами эти средства не облагаются и выдаются на безвозвратной основе. Предоставление субсидий целиком находится в компетенции муниципальных властей. Начиная с 2012 г., такую субсидию получает около 30 тысяч молодых семей. Несмотря на то, что в рамках страны это низкий показатель, каждая новая приобретенная таким путем квартира снижает остроту социальной проблемы [7]. Однако даже наличие средств на приобретение жилья не всегда дает такую возможность из-за отсутствия свободных метров жилой площади, завышенных цен, по которым реализуется жилая недвижимость. Также реализации программы мешают многочисленные бюрократические барьеры, стоящие на пути строительства и увеличивающие его себестоимость на каждом этапе.

В настоящее время большое значение имеют программы строительства социального жилья, реализуемые многими регионами. Правовое регулирование идет по пути стимулирования именно социального направления строительных проектов, так как оно позволяет обеспечить потребности в социальном жилье широкого круга лиц [6]. Программа арендного жилья начала реализовываться с 2013 г. Пилотными регионами, участвующими в ней, стали Новосибирская, Пензенская и Нижегородская области, Республика Алтай. Они заключили договоры с Агентством финансирования жилищного строительства. Важно отметить, что, помимо выделяемых фондом средств, появились и другие источники финансирования – участие в строительстве недорогого жилья стали принимать крупные градообразующие предприятия, заинтересованные в строительстве жилья для привлечения специалистов. До 2016 г. в рамках проектов должно быть сдано до 70 тысяч квартир [3].

Таким образом, из вышесказанного следует, что только совместная работа властей всех уровней с социально ответственным бизнесом позволит обеспечить граждан России доступным жильем и ускорит решение этой важнейшей социальной проблемы. Безусловно, основным путем ее решения является продолжение строительства арендного жилья, для чего необходи-

мо также принятие ряда регулирующих его законопроектов и увеличение объемов льготного кредитования.

Библиографический список

1. Викторов С. К., Кремнев И. С., Ступка К. А. Формирование инновационной жилищной политики и эффективное управление рынком доступного жилья мегаполиса // Политика, государство и право. – 2014. – № 9. – С. 69–74.
2. Рохманова Д. А. Особенности инвестирования строительства в современных условиях // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 3–3 (34). – С. 86–87.
3. Рынку арендного жилья в России нужен закон о некоммерческом найме. URL: <http://bujet.ru>
4. Селютина Л. Г. Инновационный подход к управлению инвестиционными процессами в сфере воспроизводства жилищного фонда // Современные технологии управления. – 2014. – № 11. – С. 37–41.
5. Селютина Л. Г. Современные аспекты процесса управления инвестиционной деятельностью в сфере воспроизводства жилищного фонда // Paradigmata poznani. – 2014. – № 2. – С. 28–30.
6. Селютина Л. Г., Булгакова К. О. Развитие некоммерческого жилищного фонда как способ формирования доступного и комфортного жилья в Санкт-Петербурге // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 374–376.
7. Субсидии молодым семьям. URL: <http://subsider.ru>.

Bibliograficheskij spisok

1. Viktorov S. K., Kremnev I. S., Stupka K. A. Formirovanie innovacionnoj zhilishhnoj politiki i jeffektivnoe upravlenie rynkom dostupnogo zhilja megapolisa // Politika, gosudarstvo i pravo. – 2014. – № 9. – S. 69–74.
2. Rohmanova D. A. Osobennosti investirovaniya stroitelstva v sovremennyh usloviyah // Mezh-dunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2015. – № 3–3 (34). – S. 86–87.
3. Rynku arendnogo zhilja v Rossii nuzhen zakon o nekommercheskom najme. URL: <http://bujet.ru>
4. Seljutina L. G. Innovacionnyj podhod k upravleniju investicionnymi processami v sfere vosproizvodstva zhilishhnogo fonda // Sovremennye tehnologii upravlenija. – 2014. – № 11. – S. 37–41.
5. Seljutina L. G. Sovremennye aspekty processa upravlenija investicionnoj dejatel'nostju v sfere vosproizvodstva zhilishhnogo fonda // Paradigmata poznani. – 2014. – № 2. – S. 28–30.
6. Seljutina L. G., Bulgakova K. O. Razvitie nekommercheskogo zhilishhnogo fonda kak sposob formirovaniya dostupnogo i komfortnogo zhilja v Sankt-Peterburge // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiija. – 2014. – № 1. – S. 374–376.
7. Subsidiij molodym semjam. URL: <http://subsider.ru>.

© Чаленко А. В., 2015

УДК 327

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И В ДРУГИХ РЕГИОНАХ ИСЛАМСКОГО МИРА**

Н. М. Алимова

*Преподаватель,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

**MODERN TENDENCIES OF TRANSFORMATION
OF GEOPOLITICAL SITUATION IN MIDDLE EAST
AND IN OTHER REGIONS OF ISLAMIC WORLD**

N. M. Alimova

*Teacher,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This scientific article analyses and learns of geopolitical changes in Middle East and in other regions of Islamic world in modern conditions. In this article says about the modern Islamic world, its geopolitics and economic features, role of religion in modern states of Islamic world, which play more important role in modern world. Particularly it happens in Saudi Arabia, in Iran, in Turkey and in Egypt.

Keywords: Middle East; international relations; stabilization; safety; international organizations; Arab spring; regional conflict; political system.

Одной из главных тенденций современного мира стали коренные изменения геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в других регионах исламского мира. Так, социально-политические волнения, начавшиеся в Тунисе в январе 2011 года, охватили почти весь регион Ближнего Востока и Северной Африки и ввели его в состояние хаотичной нестабильности, которая серьезно влияет на международную стабильность и безопасность.

В той или иной степени процессами дестабилизации за короткий промежуток времени оказались охвачены более десяти государств, в которых проявились самые различные формы социального протеста. Масштаб и последствия этих событий, получивших название «Арабская весна» (“Arab spring”) [5; 6; 9; 10], оказались неожиданными для мирового сообщества и показали абсолютную неготовность отдельных государств, международных и региональных организаций своевременно и адекватно

реагировать на подобные кризисные ситуации в ключевых странах и регионах мира.

Продолжающийся на протяжении последних лет в арабском мире процесс глубоких общественно-политических изменений на сегодняшний день уже привел к смене правительств (в некоторых случаях – уже неоднократно) и политических режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, к растущей нестабильности в Бахрейне, гражданской войне в Сирии, общественным протестам и ответным правительственным реформам в Саудовской Аравии, Марокко и Иордании, острому внутриполитическому кризису в Турции, обострению нестабильности в Ираке и ряде других государств.

Как отмечают исследователи, «подобные по мощности и глубине воздействия перемены (реформы, революции и восстания 1919–1920-х гг., революции и перевороты 1950–1960-х гг.) ранее приводили не только к появлению

новых государств и режимов, но и к изменению политической архитектуры арабского мира в целом» [4, с. 1]. При этом нам представляется, что данные события являются лишь первым этапом системной трансформации региона, которая может продолжаться несколько десятков лет.

По мнению российских экспертов, с одной стороны, это придает создавшейся ситуации неопределенность и изменчивость, в результате чего «и внешним, и самим региональным игрокам трудно предсказать развитие событий хотя бы на ближайшую перспективу. С другой стороны, пока еще не наступила стабилизация и результаты «тектонического сдвига» неизвестны, внешние игроки имеют возможность в какой-то мере влиять на события и иногда даже прогнозировать и направлять их развитие в нужное им русло» [4, с. 77].

К настоящему времени указанные события на Ближнем Востоке и в Северной Африке уже привели к росту влияния, а в некоторых случаях и к выходу на авансцену политической жизни исламистских сил («Братья-мусульмане» и другие радикальные и салафитские группы в Египте и Сирии, «Хамас» в Палестине и т. д.), к серьезному ухудшению социально-экономической ситуации и углублению экономического кризиса в ряде стран, деградации ситуации в области безопасности, обострению межрелигиозных, а также суннитско-шиитских противоречий (Сирия, Ливан, Бахрейн, Саудовская Аравия и др.).

Причины этих событий, всколыхнувших почти весь регион, лежат не только в социально-экономической плоскости. В ряде стран, в частности «в Ливии, Сирии и Бахрейне, на них наслонились этнорелигиозные и региональные настроения. Такой размах протестов был в определенной степени реакцией части населения на ущемление их прав, отсутствие социальных лифтов, обездоленность, и только некоторые государства, в основном арабские монархии Персидского залива, за исключением Бахрейна, оказались способными противостоять угрозам внутренней дестабилизации» [9, с. 1; 7, с. 8].

По мнению ряда ученых, одним из факторов дестабилизации арабских

стран явилась проблема демографического роста, который опережал производство новых ресурсов. Более 50% населения в странах Арабского Востока составляют лица в возрасте до 30 лет. В 1959 году население Египта насчитывало 26 млн человек, в настоящее время – почти 84 млн человек. На это наслаиваются серьезные социально-экономические проблемы, хронический дефицит земли, перенаселенность деревни и т. д. В 1970-х годах население Сирии едва превышало 5 млн человек, теперь – 23 млн человек, и это повлияло на усугубление проблем в данной стране [2, с. 293].

Помимо социально-экономических и политических причин можно указать целый комплекс других предпосылок этих событий. В частности, несомненна роль мирового финансово-экономического кризиса, затронувшего большинство стран мира, ограничившего ресурсы государств и мирового сообщества для решения назревших социальных, экономических, гуманитарных и других проблем, а также усилившего глобальную конкуренцию за доступ к природным ресурсам, контроль над маршрутами их транспортировки и влияние на политическое развитие государств Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, других регионов мира. Вследствие глобального экономического кризиса, а также продовольственного кризиса и неурожая в целом ряде стран в разных частях мира число живущих за чертой бедности, особенно в развивающихся странах Арабского Востока, быстро выросло. И это, наряду с другими острыми проблемами (безработицей, особенно среди молодежи, коррупцией, неравенством и т. п.), возросшей ролью и влиянием радикальных элементов и движений, вылилось в политическую нестабильность.

Следует особо отметить внешний фактор, проявившийся, например, в организации так называемых протестных движений при помощи современных цифровых и интернет-технологий. Призывы к протестам и демонстрациям с помощью sms-сообщений или размещения на популярных сайтах стали признаком всех выступлений в арабских государствах, при этом

революционная технология быстро «копировалась» в соседних странах [8; 12]. Следует также отметить, что росту протестного потенциала в странах Магриба сопутствовала идея Белого дома по продвижению «западной демократии и свобод» на Ближнем Востоке, зародившаяся еще летом 2003 года [прим. авт.]¹.

Как отметил Президент Узбекистана И. А. Каримов в сентябре 2012 года, происходящие в различных регионах мира, в частности арабских странах, трагические события «волнуют любого здравомыслящего человека. Различные конфликты, противостояния, кровопролития, в какой бы стране мира они ни происходили, тревожат наши сердца. Наивно думать, что такие события происходят где-то далеко и поэтому нас не касаются. Подобные события не ограничиваются одной страной или регионом, и, если не принять своевременных мер, они могут распространиться на другие страны и регионы. Поэтому всегда надо быть бдительными, ценить сегодняшнюю мирную, спокойную и благополучную жизнь нашей Родины» [3]. Примером этого могут послужить события в соседнем Афганистане, где более 30 лет не прекращается война, оказывающая негативное воздействие на региональную и международную безопасность. В условиях дестабилизации обширного региона Ближнего Востока и сохраняющейся напряженности вокруг Ирана исходящие с территории Афганистана угрозы (терроризм, экстремизм, наркотрафик и др.) могут создать серьезные проблемы и для региона Центральной Азии.

Как нам представляется, события конца 2010–2013 годов, произошедшие в арабских странах, являются началом глубоких структурных изменений в мире, геополитической «реконфигурации» мира [1, с. 78]. К настоящему

¹ Речь идет о глобальном сценарии, предусматривающем переделку регионального геополитического пространства, причем в отдельных случаях даже его фрагментации. Целью данного проекта является предотвращение появления на территории Большого Ближнего Востока крупных самостоятельных игроков и обеспечение за США и их ближайшими союзниками полномасштабного контроля над энергетическими ресурсами и маршрутами их транспортировки (прим. авт.).

времени можно выявить несколько моделей изменений, к которым привели процессы трансформации Ближнего Востока и Северной Африки.

1. Общественно-политические и экономические реформы. В ряде арабских государств (Марокко, Иордания, Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, Алжир и др.) были предприняты целенаправленные меры по стабилизации ситуации в стране посредством инициированных властью конституционных и законодательных реформ, что привело в ряде случаев к либерализации законов о выборах, расширению полномочий парламента, обеспечению больших гражданских свобод, поддержке СМИ и проч. Эта модель трансформации стала возможной благодаря таким факторам, как легитимность власти, изначально присущая монархиям; наличие у государства достаточных финансовых ресурсов для проведения реформ, поддержки населения, обеспечения безопасности; наличие в политической системе как традиционных, так и современных демократических и традиционных институтов.

2. Смена правящих режимов (революции), не приведшая к крайней радикализации населения и не разрушившая до основания существовавшую политико-административную и законодательную систему, что позволило перейти к относительно контролируемому этапу реформ. Этому способствовали достаточно высокий уровень развития политических институтов, наличие хотя бы формальной демократической традиции (многопартийность, регулярные выборы), относительно высокая степень модернизированности общества, сильная роль армии и силовых структур. Попытки террористических и экстремистских сил навязать свою парадигму политического развития этих стран потерпели провал.

3. Гражданская война в Ливии, Сирии, отчасти в Йемене. В таком развитии событий большую роль сыграли внешнее вмешательство, особенно в Ливии и Сирии, недостаточно прочное положение правящих сил (Йемен), не позволившие властям быстро подавить выступления экстремистских сил, а также раскол в обществе, этноконфес-

сиональные, родоплеменные и клановые противоречия.

Продолжающиеся процессы дестабилизации в Северной Африке и на Ближнем Востоке в предстоящие годы могут еще больше обострить уже имеющиеся или назревающие конфликты в регионе и даже привести к перекройке границ отдельных государств. Многие конфликты в регионе имеют или приобретают региональное и глобальное измерение (курдская проблема, активизация международных террористических организаций, эскалация конфликта в Сирии, межэтнические и межрелигиозные проблемы и др.). Продолжающиеся конфликты расшатывают социально-экономическую ситуацию в регионе, ведут к сокращению притока инвестиций, экономической рецессии. Новые власти в Египте и Тунисе сталкиваются с огромными проблемами в решении задач экономического развития, а также восстановлению закона и правопорядка в стране, в них проявляется тенденция возвращения к авторитарным методам правления.

Нестабильность в ключевых странах региона ведет к обострению межконфессиональных проблем и сунни-то-шиитских противоречий, которые используются как радикальными религиозными силами, так и некоторыми крупными государствами для продвижения собственных целей или взаимной геополитической борьбы (Саудовская Аравия, Катар, Турция, Иран и другие страны). Усугубляется угроза распространения религиозного экстремизма и терроризма, усилилась опасность попадания в руки террористов ядерного, химического и других видов смертоносного оружия. В этих условиях регион Ближнего Востока и Северной Африки в ближайшие годы может оказаться перед лицом еще больших вызовов, потенциально грозящих протеканию в другие регионы исламского мира, а также на Запад.

Таким образом, в условиях быстро меняющейся международной обстановки за последние десятилетия мировое сообщество столкнулось с качественно новым, более сложным комплексом вызовов и угроз. Кроме традиционных (религиозный терроризм и экстремизм,

этнический сепаратизм, наркотрафик и др.) следует отметить расширение таких угроз международной безопасности, как киберпреступность, негативное информационное воздействие с использованием коммуникационных технологий.

Продолжающиеся глубокие изменения геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в других регионах исламского мира превратились в одну из главных тенденций современного мирового развития. Социально-политическая «турбулентность», начавшаяся с событий так называемой «Арабской весны» в Тунисе, Ливии и Египте в 2010–2013 годах, охватила почти весь регион Ближнего Востока и Северной Африки и оказывает значительное негативное воздействие на состояние международной стабильности и безопасности.

На сегодняшний день процессы геополитической и общественно-политической трансформации Ближнего Востока и Северной Африки привели к нескольким моделям развития, которые в общих чертах можно охарактеризовать в следующем виде:

- 1) общественно-политические и экономические реформы (Марокко, Иордания, Алжир, монархии Персидского залива);
- 2) смена правящих режимов (Тунис и Египет);
- 3) гражданская война в Ливии, Сирии, отчасти в Йемене.

Процессы «Арабской весны» представляются как начало глубоких политических изменений в мире, геополитической «реконфигурации» мира. А продолжающиеся процессы дестабилизации в Северной Африке и на Ближнем Востоке могут привести к перекройке границ отдельных государств региона.

В этих условиях данный макрорегион в ближайшие годы может оказаться перед лицом еще больших вызовов и угроз, которые потенциально способны распространиться на другие регионы исламского мира, а также на Запад.

Библиографический список

1. Гринин Л. Арабские революции и начинающаяся реконфигурация мира // материалы «круглого стола». Региональный мониторинг : анализ «Арабской весны» / IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество : глобальные

- вызовы и региональное развитие». – М., 2013. – С. 8276–8283.
2. Зинин Ю. «Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России // Научная жизнь. – М.: МГИМО, 2013. – С. 293–298.
 3. Каримов И. Трагические события в арабских странах волнуют любого здравомыслящего человека. (Из выступления на встрече с религиозными деятелями и представителями обществности в мемориальном комплексе «Шахидлар хотираси»). URL: <http://www.12news.uz/news/2012/09/01>.
 4. Наумкин В. В., Аксененок А. Г. Россия и Большой Ближний Восток // Российский совет по международным делам. – М., 2013. – № 9. – С. 1–3.
 5. Cofman T. Learning to Live With the Islamist Winter // Foreign Policy. – July 19, 2012. – P. 20–28.
 6. Gause G. Kings for All Seasons. How the Middle East's Monarchies Survived the Arab Spring // Brookings Doha Center Analysis Paper. – 2013. – № 8. – P. 1–12.
 7. Kassim S. Twitter Revolution: How the Arab Spring Was Helped By Social Media. URL: <http://www.policymic.com/articles/10642/twitter-revolution-how-the-arab-spring-was-helped-by-social-media> (дата обращения: 24.08.2012).
 8. Khalil L. Trends in a tumultuous region. Middle East after the Arab Awakening // Strategic Insights. Australian Strategic Policy Institute, September, 2013. – P. 1–19.
 9. Lynch M. Obama's Arab Spring? // Foreign Policy. – January 6, 2011. – P. 5–12.
 10. Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York: Public Affairs, 2013. – P. 7–9.
 11. Social Media and the Arab Spring: Revolution, Censorship, and Freedom // The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/events/2013/02/social-media-and-the-arab-spring> (дата обращения: 13.02.2013).
- skoj vesny» / IV Ocherednoj Vserossijskij sociologicheskij kongress «Sociologija i obshhestvo: globalnye vyzovy i regionalnoe razvitie». – М., 2013. – С. 8276–8283.
2. Zinin Ju. «Arabskaja vesna» v povestke dnja jekspertnogo soobshhestva Rossii // Nauchnaja zhizn. – М.: MGIMO, 2013. – С. 293–298.
 3. Karimov I. Tragicheskie sobytija v arabskih stranah volnujut ljubogo zdravomysljashego cheloveka. (Iz vystuplenija na vstreche s religioznymi dejateljami i predstaviteljami obshhestvennosti v memorialnom komplekse «Shahidlar hotirasi»). URL: <http://www.12news.uz/news/2012/09/01/>.
 4. Naumkin V. V., Aksenenok A. G. Rossiya i Bolshoj Blichnij Vostok // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. – М., 2013. – № 9. – С. 1–3.
 5. Cofman T. Learning to Live With the Islamist Winter // Foreign Policy. – July 19, 2012. – R. 20–28.
 6. Gause G. Kings for All Seasons. How the Middle East's Monarchies Survived the Arab Spring // Brookings Doha Center Analysis Paper. – 2013. – № 8. – R. 1–12.
 7. Kassim S. Twitter Revolution: How the Arab Spring Was Helped By Social Media. URL: <http://www.policymic.com/articles/10642/twitter-revolution-how-the-arab-spring-was-helped-by-social-media> (data obrashhenija: 24.08.2012).
 8. Khalil L. Trends in a tumultuous region. Middle East after the Arab Awakening // Strategic Insights. Australian Strategic Policy Institute, September, 2013. – R. 1–19.
 9. Lynch M. Obamas Arab Spring? // Foreign Policy. – January 6, 2011. – R. 5–12.
 10. Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York: Public Affairs, 2013. – R. 7–9.
 11. Social Media and the Arab Spring: Revolution, Censorship, and Freedom // The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/events/2013/02/social-media-and-the-arab-spring> (data obrashhenija: 13.02.2013).

Bibliograficheskij spisok

1. Grinin L. Arabskie revoljucii i nachinajushhajasja rekonfiguracija mira // materialy «kruglogo stola». Regionalnyj monitoring: analiz «Arab-

© Алимova Н. М., 2015

УДК 7.03

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТИЛЕЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГРАФИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ РЕКЛАМЫ (НА ПРИМЕРЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ УЗБЕКИСТАНА)

С. И. Мухамеджанова

*Старший научный сотрудник,
Национальный институт художеств
и дизайна им. К. Бехзад,
г. Ташкент, Узбекистан*

TRANSFORMATION OF STYLES AND DIRECTIONS FINE ARTS IN THE GRAPHIC DESIGN OF ADVERTISING (ON THE EXAMPLE OF OUTDOOR ADVERTISING OF UZBEKISTAN)

S. I. Mukhamedjanova

*Research associate,
National Institute of Fine Arts
and Design named after K. Bekhzad
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article discusses several major artistic styles and direction of the fine arts, had a great influence on the formation of modern advertising design. Art-theoretical analysis of each of them, by the example of the outdoor advertising of Uzbekistan will allow more detailed study of the specificity of modern advertising in this environment.

Keywords: advertising; design; style; art direction; art.

Сегодня реклама является значимым культурным феноменом, который охватывает различные сферы действительности. Динамично входя в жизнь современного человека, реклама занимает особое место в его сознании, перестраивает его мировоззрение, привлекает внимание к различным сторонам бытия. Более того, способность рекламы влиять на умонастроения, модели поведения, стиль жизни позволяет рассматривать её как явление искусства.

Ситуация в современной культурной жизни свидетельствует о нарастающих тенденциях глобализации, размывании границ между элитарными и массовыми видами искусства, различными видами искусства в целом. Формируется новый тип социокультурной парадигмы, в которой особое место занимают зрелищно-развлекательные, массовые виды искусства. Реклама же, как особый вид синтетического вида искусства, все больше интегрируется в духовную и культурную жизнь общества.

Влияние рекламы на эмоционально-духовное состояние человека достигается путем визуального контакта потребителя с рекламным объектом. В связи с этим актуальным является изучение визуального компонента рекламы, а именно композиционного решения.

В современной рекламной практике дизайнеры при создании композиции часто обращаются к множеству художественных направлений и стилей изобразительного искусства. Такое обращение способствует возвышению эстетической ценности композиции и наделяет ее культурными смыслами. Прежде чем рассмотреть особенности художественных направлений и стилей в визуальной рекламе, нужно сформулировать их сущность.

Художественное направление – принципиальная общность художественных явлений на протяжении длительного времени. Характерными особенностями каждого направления являются: творческий метод, системы

средств выразительности, открытость или замкнутость художественного текста, своеобразие стиливых манер [6].

Стиль – это создание и визуальное отражение конкретного образа с помощью специальных приемов. В нем нет четких граней и тем более рамок, поэтому основная задача стиля в дизайне – ограничить выбор. То есть, другими словами, конкретный стиль – это преобладание в нем того или иного художественного приема визуализации [7].

В изобразительном искусстве существует несколько художественных направлений и стилей, которые оказали большое влияние на формирование дизайна современной рекламы. К ним можно отнести реализм, сюрреализм, оп-арт, минимализм, а также стили ампир, ретро. Надо отметить, что в современной наружной рекламе Узбекистана также часто применяются художественные приёмы, такие как гранж, типографика, инфографика и т. д. Искусствоведческо-теоретический анализ

каждого из них на примере отечественной рекламы даст возможность более подробно изучить специфику наружной рекламы Узбекистана в определённом художественном направлении, стиле или приёме.

Итак, рассмотрим примеры художественных направлений изобразительного искусства, заимствованные рекламой.

Реализм (от фр. *realisme*, от лат. *realis* – действительный, вещественный) – направление в искусстве, стремящееся с наибольшей правдой и достоверностью отобразить как внешнюю форму, так и сущность явлений и вещей. Как творческий метод соединяет в себе индивидуальные и типические черты при создании образа. Реализм часто используется для наружной рекламы бутиков одежды или аксессуаров. Здесь отображается внешний вид товара с помощью рекламного образа. Например, в наружной рекламе бутика «Glamour» с помощью образов рекламируется модная одежда (рис. 1).

Рис. 1. Наружная реклама бутика «Glamour» создана в реалистическом направлении

Сюрреализм (от фр. *surrealisme* – сверхреализм) в значительной мере способствовал формированию сознания современного человека. Сюрреализм выражает идею существования за пределами реального. Особенно важную роль здесь приобретают абсурд, бессознательное, сны, отстранение от осознанного творчества, извлечение различными способами причудливых образов подсознания, родственные

галлюцинации. В рекламном же творчестве сюрреалистический подход можно наблюдать в рекламах бытовой техники. Например, в наружной рекламе стиральной машины «Samsung» изображено явление, которое человек не способен увидеть в реальности. Такое явление сюрреалистического характера передано с помощью увеличенных молекул воды, извлекающих грязь из ткани (рис. 2).

Рис. 2. Наружная реклама стиральной машины «Samsung» создана в сюрреалистическом направлении

Оп-арт (от англ. *op art*, сокращ. от *optical art* – оптическое искусство) – направление в искусстве XX в., получившее широкое распространение в 1960-х годах. Художники оп-арта использовали различные зрительные иллюзии, опираясь на особенности восприятия плоских и пространственных фигур. Эффекты пространственного перемещения, слияния, парения форм достигались введением ритмических повторов, резких цветовых и тональных контрастов, пересечения спиралевидных и решетчатых конфигураций, извиляющихся линий. В наружной рекламе столицы часто встречаются рекламные композиции, имеющие те же особен-

ности, которые свойственны оп-арту: установки меняющегося света, динамические конструкции и т. д. Например, особенно интересной, на наш взгляд, является объёмно-пространственная рекламная конструкция компании «Билайн». Данная конструкция установлена на боковой стене главного офиса фирмы в виде макета высокоскоростного самолета, стремящегося вверх. Оптическая иллюзия заключена в том, что спереди объёмная конструкция самолёта кажется наблюдателю парящей в воздухе, но, если подойти сбоку, можно заметить, что только половина изображения имеет объём, а остальная часть (второе крыло) изображена на плоскости стены (рис. 3).

Рис. 3. Наружная реклама мобильного оператора «Билайн» создана в направлении оп-арт

Минимализм (от англ. *minimal art*, от лат. *Minimus* – наименьший) – художественное направление авангардизма, исходящее из необходимости использования в искусстве минимума изобразительных средств и простых, единообразных форм. В современной наружной рекламе Узбекистана в минимализме создаются композиции в обобщенно-информационном характере. Основная чер-

та минимализма в рекламе проявляется в том, что в ней используется минимум изображения и текста. Так, в наружной рекламе торгового интернет-портала «Malina.uz» приведены изображения малины и букв «uz». Данная реклама своей загадочностью и интересным композиционным решением возбуждает у потребителя любопытство и интерес к сущности объекта рекламы (рис. 4).

Рис. 4. Наружная реклама торгового интернет портала «Malina.uz» создана в направлении минимализм

Художественные стили изобразительного искусства также часто применяются в рекламе. Например, рекламные дизайнеры все чаще используют стили ампир и ретро.

Ампир – имперский стиль. Художественные формы в нем взяты из западноевропейского искусства. Данный стиль используется в случаях, когда необходимо подчеркнуть величественность, возвышенность, королевские качества. В рекламе же с помощью этого стиля подчеркивается аристократичный характер продукта. В Узбекистане в стиле ампир создаются рекламы мебельной продукции, ресторанов и кафе. К примеру, в наружной рекламе мебельного салона «Flogensiya» изображена мебель в западноевропейском королевском дизайне. В восточной среде продукты, воспроизводящие западные светские качества, формы и цвета, являются актуальными. Это

можно видеть также и в наружной рекламе салона мебели для ванной комнаты от компании «Goldman». Здесь изображена ванна в средневековом имперском стиле, что также содержит в себе информацию о западноевропейском дизайне (рис. 5, 6).

Стиль ретро предусматривает обращение к прошлому. Характерной для него является стилизация образов под образы из далекого прошлого. Подобное композиционное решение можно видеть на примере наружной рекламы лимонада «Лимонашка». В данной композиции дизайнер обращался к советскому периоду, делая акцент на пробуждении у потребителя ностальгии к давно забытым вкусам того времени (рис. 7).

Кроме того, существует множество художественных стилистических приемов, которые часто применяются в визуальной рекламе. Основными среди них являются гранж, типографика, инфографика.

Рис. 5. Наружная реклама создана в стиле «Ампир»

Рис. 5. Наружная реклама создана в стиле «Ампир»

Гранж характеризуют небрежные ляпы, размытые мазки и потёртости. В рекламе гранж позиционируется как новая молодёжная субкультура. По художественному решению и по характеру она противоположна гламуру. Примером может послужить наружная реклама компании «Билайн». Характерные черты гранжа можно видеть в небрежно разбросанных логотипах интернет-сервиса и брызгах желтой краски (рис. 8).

В типографике главным композиционным элементом является текст.

Формы и образы создаются за счет использования различных шрифтов, что позволяет значительно усилить смысловую нагрузку и степень визуального восприятия. Сегодня в наружной рекламе Узбекистана типографика особенно популярна. Шрифтовая композиция создается на основе характера рекламируемого объекта. Например, текст наружной рекламы частного детского садика «Vombini Felici» имеет нестандартные черты, свойственные детским хатическим прописям (рис. 9).

Рис. 7. Наружная реклама прохладительного напитка «Лимонашка» создана в стиле «Ретро»

Инфографика – особый стиль презентации информации с помощью графики, который зародился во второй половине XX столетия. Его главная особенность заключается в возможности донесения максимального количества любой информации в минимально кратчайшие сроки. Для этого в визуальной композиции используются разные символы и знаки, обладающие знакомыми всем смыслами. Например, в наружной рекламе коммунально-жилищного портала «e-communal.uz» приведена информация в виде знаков. Ввиду своей лаконичности реклама понятна любому потребителю (рис. 10).

Итак, анализ специфических визуально-смысловых характеристик художественных стилей, приёмов и направлений в рекламе показывает, что каждый из них в графическом дизайне имеет свои индивидуальные свойства, через которые раскрывается суть рекламного обращения. Также надо учитывать, что товары и услуги, предоставляемые в рекламе, могут быть предназначены для потребительской аудитории определённой возрастной категории, в соответствии с которой и следует подбирать художественный приём или стиль. К примеру, для рекламы товаров и услуг, предназначенных для молодой аудитории, характерно использование стилей гранж и типографика. Наоборот, для более зрелой аудитории эффективными являются рекламы, созданные в стиле ретро и ампир.

Рис. 8. В наружной рекламе мобильного оператора «Билайн» использован художественный приём «Гранж»

Рис. 9. В наружной рекламе частного детского сада «Bombini felici» использован художественный прием «Типографика»

Рис. 10. В наружной рекламе коммунально-жилищного портала «e-kommunal.uz» использован художественный прием «Инфографика»

По итогам вышеизложенных результатов научно-практического анализа можем сделать вывод, что реклама, неотъемлемо принадлежа сфера современного массового искусства, заимствует художественные приёмы элитарного искусства. Особенное положение рекламы в системе массового искусства и возрастающее ее влияние на общественно-культурную жизнь социума открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования данного феномена в искусствоведческих аспектах.

Библиографический список

1. Богачева Н. М. Эстетические проблемы рекламы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1968. – 21 с.
2. Баранова М. В. Реклама как феномен культуры : дис. ... канд. культурологии. – Новгород, 2000. – 159 с.
3. Осетрова О. В. Шрифт в рекламном дизайне. На примере печатной полиграфической и пресс-рекламы : дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 2005. – 222 с.
4. Фурцева С. Искусство и реклама // Искусство и массы в современном буржуазном обществе /

под ред. Д. В. Житомирского. – М. : Советский композитор, 1989. – 320 с. – С. 254–283.

5. Феофанов О. А. Реклама : новые технологии в России. – СПб. : Изд-во «Питер», 2000. – 384 с.
6. Glossary Commander. URL: <http://www.glossary.ru>.
7. Авиа-принт. Типография в СПб. URL: <http://aviaprint-spb.ru>.

Библиографический список

1. Bogacheva N. M. Jesteticheskie problemy reklamy : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – M., 1968. – 21 s.
2. Baranova M. V. Reklama kak fenomen kultury : dis. ... kand. kulturologii. – Novgorod, 2000. – 159 s.
3. Osetrova O. V. Shrift v reklamnom dizajne. Na primere pechatnoj poligraficheskoj i press-reklamy : dis. ... kand. filos. nauk. – Voronezh, 2005. – 222 s.
4. Furceva S. Iskusstvo i reklama // Iskusstvo i massy v sovremennom burzhuaznom obshchestve / Pod red. D. V. Zhitomirskogo. – M. : Sovetskij kompozitor, 1989. – 320 s. – S. 254–283.
5. Feofanov O. A. Reklama : novye tehnologii v Rossii. – SPb. : Izd-vo «Piter», 2000. – 384 s.
6. Glossary Commander. URL: <http://www.glossary.ru>.
7. Avia-print. Tipografija v SPb. URL: <http://aviaprint-spb.ru>.

© Мухамеджанова С. И., 2015

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В АСПЕКТЕ СПЕЦИФИКИ
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ**

Л. П. Сараева

*Кандидат философских наук, доцент,
Белгородский государственный
институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

**MUSICAL FOLKLORE IN THE ASPECT OF THE SPECIFICITY
OF CULTURAL GENESIS OF THE BELGOROD REGION**

L. P. Sarajeva

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Belgorod, Russia*

Summary. This article discusses the musical folklore of the Belgorod region. Its uniqueness is due to the specificity of cultural Genesis of the South of Russia. The essence of folk music shows its ability to accumulate collective experience through ethno-art practices of the population. Thus, the range of intonations that are directly associated with behavioral stereotypes of the ethnic group, which is more stable compared to his later subjective lyrical manifestations.

Keywords: musical folklore; ethnic history; specificity of cultural Genesis; the South of Russia.

Смысловые формы и ценностные доминанты традиционной культуры и, в частности, музыкального фольклора представляют этнические традиции, духовно-нравственные устои и нормы поведения, этнокультурные синхронные и диахронные связи, примеры национального достоинства, национального самосознания, культурной идентичности. Отражение культурно-исторического опыта в музыкальном фольклоре Белгородчины обуславливается уникальностью и самобытностью, а также длительным процессом формирования и развития оригинального коллективного её носителя и субъекта. Особую роль в понимании его творческого наследия приобретает знание этнической подоплеки в структуре культурогенеза южнорусского края.

Рассматривать особенности регионального культурогенеза следует в связи с процессом формирования племенных союзов восточных славян: с племени северян, территория которого географически совпадает с восточной частью современной Белгородской области. Его целостность закалилась в борьбе с воинственными ордами кочевников и Хазарского ка-

ганата (хазаров, аланов, болгар). Сопоставление местных археологических материалов («Колосковский клад») с работами Б. А. Рыбакова о «северянских землях» позволило исследователю Белгородской этнохудожественной культуры заключить два важнейших вывода: о времени появления в крае славян, датируемом VI–VII вв. н.э., и о значении в культурогенезе региона традиций племени северян как «коренного этноса» (IX в.) [2, с. 85]. Вместе с тем характер культурогенеза (а с этим и музыкального фольклора) определяет территориальный принцип формирования. Территория Белгородской области с этой точки зрения предстаёт как «арена» бурного социокультурного взаимодействия различных этносов и локальных этнических групп. Узловыми вехами в этом процессе стали: хазаро-алано-болгарское присутствие, «венчающееся» строительством города-крепости Саркел (VIII–X вв.); причастность этой земли к историко- и социокультурным процессам Киевской государственности (IX–XI вв.), во времена которой волей Володимира в 993 году был возведён на обломках хазарской крепо-

сти Бел Город и «сведено туда много людей» – ратников («мужи лутши») [2, с. 86]; исполнение роли юго-восточной границы русских княжеств (XII–XIII вв.) с горьким опытом северского князя Игоря и его дружины. С первой половины XIII века, в результате нашествия монголо-татар, здешние места представляли собой «дикое поле», на что указывал проезжавший по этим землям московский митрополит Пимен (1389). О длительности этого периода говорят татарские названия рек и населённых пунктов, «бытующих в крае до сих пор: Усмань, Битюг, Айдар, Хава» [2, с. 87], что свидетельствует о древнем освоении неславянских гидронимов славянским населением края» [4, с. 17]. В продолжение опыта киевских дружин на южных рубежах в XVI–XVII веках возвели Тульскую, а затем Белгородскую засечные черты, активизируя процессы заселения южных окраин, где шло строительство городов-крепостей, пригородных слобод, жилых острогов. Это привело к формированию региональной специфики культурогенеза в совокупности доминирования таких факторов, как: соотносённость его с территорией расселения восточного славянства; трансфер традиций племени северян как «коренного этноса» (IX в.); процесс формирования великорусской народности, отмеченный присутствием этнических групп «севрюков», «горюнов», «саянов», «цуканов», «мамонов», «евунов», «щекунов», «ягунов»; колонизация этих мест – вольная (в том числе украинская, белорусская), правительственная, монастырская, помещичья, сословно расслоившая региональную общность; обособление сословия «единого класса земельных собственников, владевших землёй по частному «четвертному» праву, где наиболее консервативной оказалась культура «детей боярских»; концентрация торговой и культурной жизни вокруг местных административно-хозяйственных центров XVII века: Хотмыжск (1640), Карпов (1646), Болховец (1646), Белгород (1596), Нежегольск (1654), Короча (1638), Яблонов (1637), Новый Оскол (1647), Верхососенск (1647), Усёрд (1637) [3, с. 6–7].

Исследователь-фольклорист К. Квитка писал: «Если область распространения какого-то изучаемого типа обрядовых песен совпадает с конфигурацией населённых пунктов, экономически и политически связанных между собой и тяготеющих к какому-то центру в какую-то эпоху – мы будем вправе полагать, что эпоха таких именно связей и тяготения и была эпохой, когда исследуемый тип напевов окреп и интенсивно распространялся. Возникновение типа мы отнесём к этой именно эпохе» [5, с. 66]. Несомненно, музыковедческая аргументация подтверждает тезис А. Я. Флиера о территориальном принципе формирования характера культурогенеза, а значит, музыкального фольклора. Как уже отмечалось, локализуя группы людей на определённых территориях, данный принцип стимулирует повышение уровня их коллективного взаимодействия. В качестве фольклорного примера В. М. Щуровым приводится образец эпохи Московской Руси: распространённые в ряде Белгородских районов свадебные обрядовые песни «трубушки». По его утверждению, эта песня «бытует на территориях, объединившихся под властью Москвы в эпоху Ивана III» [5, с. 76]. «Время её создания с достаточной долей вероятности определяется по содержанию поэтического текста»: «характерный для позднего русского средневековья обычай трубить в трубы на свадьбах» [5, с. 58]. В бытующей на территории Белгородской области песне «Просо» в поэтическом тексте запечатлена архаичная форма подсечного земледелия; также в нём говорится об «игрищах меж сёл», с традиционным умыканием девушек, что, отсылая ко временам славянской общности, иллюстрирует древнейший обычай, распространённый среди русского, украинского и белорусского населения, а также у западных славян [5, с. 74–75]. К ряду подобных фактов относятся свидетельства старожилов Белгородчины, которые хорошо помнят традицию межсельских игр, плясок, вождения танков на «гранях», то есть на пограничной между двумя-тремя сёлами территории [2, с. 102]. «Это ещё одно из доказательств достоверности гипотезы об освоении региона северянами» с их

системой хороводов – основы славянского народного календаря, присущей «всем» славянским традициям [1].

В интонационном содержании музыкального фольклора, по словам В. М. Щурова, важное значение имеет установление типов национального переосмысления заимствованных музыкальных форм – творческое восприятие русскими ратными людьми некоторых украинских и белорусских стиховых структур («коломыйка», а также двухцезурные стихи 4 + 4 + 3 слога), проникших в период конца XVI – начала XVII века при освоении «дикого поля». В этом же ряду впитывание польских и литовских интонаций музыкальным фольклором Белгородчины через фиксируемые исследователями следы поселенцев из русского Смоленска [5, с. 68]. Следы белорусского влияния угадываются в особенностях говора, народной одежде, в характерной вышивке красно-чёрными нитями в традиционной культуре локальных очагов «прочан», которые бежали от униатов и гнёта шляхты на южные окраины Московского государства [2, с. 94]. (Ныне это территории Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти – Чернянского и Красногвардейского районов Белгородчины.) На Белгородчине отмечается «черкасский» «отпечаток», берущий начало от поселений черкасов в 1639 году в Короче, Белгороде, Валуйках, Коротояке, Урыве, Яблонове, потомки которых «составляют целые населённые пункты» в ряде регионов области, отголосками чего является распространённость типично украинского музыкального фольклора, а также ломаный украинско-русский язык. Миграция украинцев в XVII–XVIII веках способствовала формированию в верховьях Ворсклы, Северского Донца, в бассейне рек Нежеголь и Оскол многих украинских поселений, в том числе слободы Грайвороны – крупного украинского массива на юго-востоке края, – бассейне рек Валуга (современный Валуйский район) и Айдара (современный Ровеньский район). В то же время более поздние влияния проявляют себя

автономными элементами в музыкальном фольклоре. Казачий стиль в музыкальный фольклор привнесли приглашённые в 1652 году царём Алексеем Михайловичем на Белгородскую черту заднепровские казаки в количестве 1000 человек. Описание В. М. Щуровым трансформации музыкального фольклора переселенцев из южных районов России в Сибирь, в результате столыпинской земельной реформы, являясь аналогичным миграционным процессом, позволяет отследить динамику традиций метрополии и старожильческой среды. Так, по мнению учёного, в переселенческих сёлах, где ныне живёт третье поколение, «до настоящего времени почти в полной неприкосновенности сохранились стилевые особенности обрядового песенного фольклора метрополии». Одновременно «среди лирических песен немало таких, которые, несомненно, подвергались стилевому воздействию старожильческих традиций» [5, с. 96]. Это позволяет увидеть подобное и в культурогенезе Белгородчины, где в переселенческих сёлах украинской культуры одномоментно бытует как собственно традиционный музыкальный фольклор украинской «метрополии», так и интегрированный старожильческой средой. При этом круг интонаций, непосредственно связанный с поведенческими стереотипами этноса, более устойчив по сравнению с субъективными лирическими проявлениями в музыкальном фольклоре.

В целом, сущность музыкального фольклора в структуре культурогенеза региона Белгородчины проявляется в его способности аккумулировать коллективный опыт через этнохудожественные практики населения. В основе их функционирования находятся два взаимодополняющих гуманитарных механизма: интровертная этноинтонационная сохранность и экстравертная ценностная ориентированность на интонационные доминанты окружающей реальности (заимствование ладов, ритма, музыкальных форм и т. д.), режим которых синхронен с культурогенезом.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М., 2002. – 816 с.
2. Жиров М. С. Традиции народной художественной культуры Прохоровского района : учебно-методическое пособие. – Белгород, 2001. – 154 с.
3. Карачаров И. Н. Русская народная музыкальная культура бассейна реки Псел (Белгородско-Курское пограничье) : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.02. – М., 2004. – 22 с.
4. Попкова Л. И. Историко-географические особенности формирования пограничных этносов (Курский государственный педагогический университет) // Белгородская область вчера и сегодня: материалы региональной научно-практической конференции (к 45-летию образования области). – Белгород, 1999.
5. Щуров В. М. Стилевые основы русской народной музыки. – М. : Московская государственная консерватория, 1998. – 464 с.

Bibliograficheski spisok

1. Agapkina T. A. Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl. – M., 2002. – 816 s.
2. Zhirov M. S. Tradicii narodnoj hudozhestvennoj kultury Prohorovskogo rajona : uchebno-metodicheskoe posobie. – Belgorod, 2001. – 154 s.
3. Karacharov I. N. Russkaja narodnaja muzykalnaja kultura bassejna reki Psel (Belgorodsko-Kurskoe pograniče) : avtoref. dis. ...kand. iskusstvovedenija : 17.00.02. – M., 2004. – 22 s.
4. Popkova L. I. Istoriko-geograficheskie osobenosti formirovanija pograničnih jetnosov (Kurskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet) // Materialy regionalnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Belgorodskaja oblast včera i segodnja» (k 45-letiju obrazovanija oblasti). – Belgorod, 1999.
5. Shhurov V. M. Stilevyje osnovy russkoj narodnoj muzyki. – M. : Moskovskaja gosudarstvennaja konservatorija, 1998. – 464 s.

© Сараева Л. П., 2015

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 930(47)(075.8)

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

С. Г. Басырова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE FIRST HALF OF THE 1990S: GENERAL TRENDS OF DEVELOPMENT

S. G. Basyrova

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
Bashkir State University, Ufa, Bashkortostan, Russia*

Лекционные материалы могут быть использованы при изучении дисциплин:
«Историография истории России», «История исторической науки»,
при подготовке спецкурсов для студентов,
обучающихся по специальности «История»

Summary. The article discusses general trends and features of the development of national historiography in the first half of the 1990s, assessment of the stage of Russian historical science are studied. The work revealed the difficulties of research in the new political and economic conditions. Attention is paid to the problems and the nature of historical works. The process of expanding and updating the source base of historical research in the declassification of archival holdings, changing attitudes to local historians of western historiography historiographical pre-revolutionary heritage is described.

Keywords: first half of the 1990s; crisis of national historiography; conditions for the development of science; edition of historical literature; «archival revolution»; the emergence of the sources and historiographical framework of modern Russian historiography.

С крушением Советского Союза, кардинальными преобразованиями всех сфер общественной жизни отечественная историческая наука вступила в один из самых сложных и противоречивых этапов своего развития. Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин в своей работе приводят принадлежавшие различным историкам оценки того, что происходило в исторической науке тех лет: «исторический беспредел», имеющий «ярко выраженный демократический уклон» (П. К. Гречко); «идеологическая революция с ее безоглядным радикализмом, несомненными достижениями и не менее очевидными издержками и провалами» (С. В. Тютюкин); наука «выглядела лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углу-

бляющейся поляризацией, с амбициями новых лидеров и номенклатурно-должностными бастионами старых деканов, с недоразвитым догматизмом и вышедшей на авансцену конъюнктурной некомпетентностью» (Ю. А. Поляков) [1, с. 92].

Большинство авторитетных историков, характеризуя состояние исторической науки в эти годы, акцентировали внимание на негативных сторонах ее развития. Среди них выделяются методологическая неопределенность, отказ от прежних устоявшихся категорий, понятий и неформальность новых, разрушение советской концепции отечественной истории и новая политизация истории, организационная перестройка научных и учебных учреждений, сопро-

вождавшаяся кадровыми, структурными изменениями, перепрофилированием деятельности и т. д. Эти процессы приняли лавинообразный, неконтролируемый характер: «Все “плюзы” были открыты...» (С. В. Тютюкин). Многие историки отмечали изменение климата в научной среде, напряженность во взаимоотношениях между старым и молодым поколениями ученых, поляризацию научного сообщества по идеологическим и политическим взглядам. Отношение массового сознания к исторической науке в первой половине 1990-х годов по-прежнему было критическим. Историческая наука находилась в сложном состоянии переходности.

В то же время не следует упускать из виду и положительные тенденции, которые создавали условия для дальнейших исследований. При всех негативных проявлениях кризис в науке является признаком развития, движения научного знания вперед. Поэтому многие ведущие ученые стремились определить причины кризиса в отечественной историографии, наметить пути выхода из него. Сформировались две основные точки зрения. Приверженцы первой считали, что кризис характерен не только для отечественной исторической науки, но и для всего мирового исторического сообщества, он вызван дифференциацией научного знания и отставанием в деле его синтеза (И. Д. Ковальченко). Сторонники второй указывали, что если кризис западной науки вызван необходимостью создания синтетической теории, то кризис отечественной историографии вызван длительным отсутствием научного плюрализма (С. И. Жук, В. С. Прядеин) [1, с. 93–94].

В условиях критического отношения к советскому прошлому все больше распространялось мнение о том, что кризис российской исторической науки вызван отсталостью советской историографии, ее оторванностью от достижений мировой науки, замкнутостью на марксистско-ленинской методологии, не способной выступать в роли эффективного инструмента познания прошлого. Критика советской историографии приводила к утверждениям об

отсутствии у нее атрибутов научности, восприятию ее как элемента партийной пропаганды. Такие оценки не встречали поддержки у многих ученых, указывавших на то, что крушение советского строя и коммунистической власти вовсе не означает, что марксизм как научная доктрина опровергнут [2, с. 95].

Изменились внешние условия развития исторической науки. Власть перестала использовать историческую науку в качестве мощного орудия пропаганды своей политики и идеологии, характер взаимоотношений власти и науки изменился. Отныне ученый мог не опасаться открытого высказывания своих взглядов на историческое прошлое, был свободен в выборе методологических оснований, проблематике своих исследований. В исторической науке начиналось становление научного плюрализма. Всячески постулировались дедидеологизация и деполитизация исторической науки.

Однако историческое прошлое не ушло и не могло уйти из политики. Исторические представления, как и во все времена, играли важную роль в обосновании деятельности новой власти, пришедшей со своими ценностями и задачами. Российские власти в своей политике исходили из идей либерализма, позиций антикоммунизма и отрицания советского опыта. Крайне критическое отношение к советской истории и коммунистической власти, которые однозначно окрашивались в зловещие кровавые цвета, всячески распространялось в общественном сознании (большевики после прихода к власти в октябре 1917 года также однозначно воспринимали историю российского самодержавия). Часть исследователей считают, что в России в первой половине 1990-х годов власти пытались вернуть историков к единственной монометодологии: «Среди представителей исторической науки официальную поддержку получали лишь те, кто придерживался либеральных взглядов, настаивал на применении цивилизационного подхода к истории, объяснял советскую историю с позиций теории тоталитаризма. Это представляется определенным шагом назад по сравнению с тем состоянием исторической науки, которое

было достигнуто в годы перестройки» [1, с. 121]. Тем не менее прежняя советская модель взаимоотношений науки и власти не могла быть воспроизведена в новых общественно-политических реалиях. Условия для инакомыслия, развития различных мнений и концепций сохранялись.

Новая экономическая ситуация в стране также оказывала воздействие на развитие науки. Экономические свободы и полная бесцензурность (цензура печати была отменена постановлением правительства РСФСР «О регулировании издательской деятельности в РСФСР» от 17 апреля 1991 г.) изменили ситуацию в издательском деле. Повсюду стали возникать коммерческие издательства, которые предпочитали выпускать в свет ходовую, популярную литературу для массового читателя. Число научных, справочных изданий, социально значимой литературы резко сократилось. Особенно острой была ситуация с изданием исторической литературы в 1992 году: ее тираж сократился в четыре раза по сравнению с 1991 годом, во столько же раз уменьшилось количество названий книг и брошюр на историческую тематику [4, с. 27]. Повышение цен на полиграфические услуги также стали препятствием на пути увеличения объема выпускаемой печатной продукции. На 1993–1995 годы приходится постепенная стабилизация издательского дела: на фоне некоторого снижения тиражей увеличивалось число наименований исторической литературы. В первой половине 1990-х, по подсчетам исследователей, среди наименований исторической литературы лидировала научно-популярная и учебная литература, затем следовали мемуары (22 % в 1992 году, 5 % в 1995) [4, с. 32], биографии и исторические портреты и, наконец, научная литература [1, с. 105]. Изданная в 1991–1995 годах, литература исторической тематики ярко отражает интерес и общества, и авторов к определенным периодам прошлого. Российской истории 1861–1991 годов было посвящено 38 % названий изданной литературы, истории 1861–1917 – всего 5 %, советскому периоду – 57 (Гражданской войне – 2,6; 1921–1927 годам – 0,6;

1928–1953 – 22; 1954–1965 – 0,2; 1965–1985 – 0,8; после 1985 года – 12; 1917–1991 в целом – 19 %) [подсчитано по: 4, с. 33–34].

Историческая публицистика по-прежнему преобладала над научной литературой. Монографической литературы, в которой глубоко исследовались отдельные исторические проблемы, издавалось мало. Практически не выходили в свет обобщающие труды по истории России, для создания которых требовалось глубокое концептуальное осмысление прошлого. Экономические потрясения первой половины 1990-х годов тяжелее всего отразились на вузовской и академической науке, представители которой испытывали финансовые трудности при издании своих работ.

Научные труды историков в первой половине 1990-х годов были представлены в основном статьями в исторических научных журналах и немногочисленных сборниках. В них ученые рассматривали проблемы отечественной истории, которым мало уделялось внимания в советской историографии. Наблюдался всплеск интереса к политической истории, особенно дореволюционной России. Историки приступили к разработке истории российской государственности, органов управления Российской империи, местного самоуправления, карательных органов, истории политических партий, истории реформ в России. Интерес к экономической истории резко упал. Вместо исследования классов в современной историографии стали изучать социальную историю, те социальные слои, которые не пользовались вниманием в советской историографии: предпринимательство, дворянство, купечество, казачество и т. д. Еще со времен перестройки началось изучение истории Русской православной церкви. Советская история по-прежнему была в центре внимания и общества, и исследователей. Она всячески противопоставлялась дореволюционному периоду. Революция 1917 года и Гражданская война в основном рассматривались как трагические события, прервавшие поступательный путь России к утверждению западных либерально-демократических ценностей.

Огромной популярностью в эти годы пользовался такой жанр исторической литературы, как историческая биография. Это было реакцией на обезличенную советскую концепцию прошлого, в которой действовали массы. Наблюдалась тенденция снижения интереса к личностям советской эпохи и повышения популярности исторических личностей дореволюционного периода: монархов, особенно династии Романовых, государственных и политических деятелей, дипломатов. По данным В. А. Козлова, в 1992–1994 годах всего было опубликовано более 300 научных и научно-популярных биографий политических и военных деятелей, представителей интеллектуальной элиты [1, с. 107].

Кризисное состояние научных исследований, преобразования в издательском деле (появились частные издания) и его коммерциализация, крушение картины прошлого в массовом сознании привели к тому, что историей стали заниматься люди, не являвшиеся историками-профессионалами. Эта тенденция, получившая развитие еще в годы перестройки, стала приобретать широкий размах. Полки книжных магазинов стали быстро пополняться литературой на историческую тематику, привлекательной для массового читателя увлекательными, сенсационными сюжетами. Однако авторы этих работ пренебрегали историческими источниками, не заботились об исторической достоверности своих версий прошлого, игнорировали научные принципы исследования. Профессиональные историки долгое время практически не реагировали на такую литературу, упуская шанс воздействовать на историческое сознание общества.

Важнейшим условием развития исторической науки в рассматриваемый период стало расширение *источниковой базы* исследований. Как известно, до 1985 года ученые, изучавшие советский период, были лишены доступа к важнейшим документам. Требования изучения «белых пятен» истории, поиска и открытия «исторической правды», звучавшие со стороны и власти, и общества, остро обозначали проблему доступности архивов. Первые ини-

циативы по этому вопросу прозвучали в годы перестройки со стороны власти. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов в октябре 1986 года член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев говорил о необходимости «разумного и взвешенного решения» этой проблемы. В декабре 1986 года решением Секретариата ЦК КПСС была создана специальная комиссия, по рекомендации которой в 1987 году начался процесс перевода архивных дел ЦСУ СССР из режима ограниченного пользования в открытое хранение [7]. Расширявшееся общественное движение требовало рассекречивания и доступности документов КПСС. Создание журнала «Известия ЦК КПСС» (выходил в свет с 1989 года по август 1991), в котором началась публикация многих не известных ранее широкому кругу исследователей документов партии 1920–1930-х годов, было явно недостаточной мерой. Наиболее решительно настроенные историки и архивисты требовали не только рассекречивания партийных архивов, прекращения уничтожения документов КПСС, которое осуществлялось с марта 1991 года [6, с. 24–25], но и разгосударствления архивных фондов.

Однако решение этих проблем стало возможным лишь после событий августа 1991 года. 24 августа 1991 года указом президента России архивы КПСС были переданы в ведение Архивной службы России. На государственное хранение поступили более 47 миллионов дел, связанных с деятельностью КПСС [3, с. 141]. Осложнения возникли лишь с архивом Политбюро ЦК КПСС («Кремлевским архивом»), первоначально вошедшим в архив президента СССР М. С. Горбачева, а затем в состав архива президента РСФСР Б. Н. Ельцина. Этот архив содержал высшие государственные секреты СССР, подлинные протоколы и материалы к ним заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, документы съездов и пленумов, личные фонды партийных лидеров. С 1992 года начался процесс передачи исторической части архива Политбюро ЦК КПСС в учреждения Государственной архивной службы. Передача архивов КПСС на государственное хранение

имела огромное значение для изучения прошлого, так как означала сохранение огромного документального комплекса по истории России XX века.

Процесс рассекречивания документов в 1990-е годы происходил на основе действовавшего законодательства, носил поэтапный и постепенный характер. В 1991–1992 годы рассекречивались, как правило, отдельные документы, имевшие сенсационный характер, использовавшиеся в качестве доказательной базы на процессе по делу КПСС в Конституционном суде РФ. Многие из этих документов передавались для публикации в СМИ и становились доступны широкой общественности [5, с. 86]. Расширению источниковой базы в первой половине 1990-х годов способствовало рассекречивание «Особого архива», содержащего документы по истории Второй мировой войны, фондов НКВД-МВД СССР, документов Государственного комитета обороны СССР, Коминтерна и т. д.

Архивная система была подвергнута в начале 1990-х г. реорганизации. На базе прежних архивов появились новые: РЦХИДНИ, ГАРФ, РГАЭ, ЦХДМО и др. Реорганизация архивной системы происходила и на местах. Фонды партийных архивов и часть фондов КГБ были на местах также переданы на государственное хранение. 7 июля 1993 года были приняты Основы законодательства РФ об архивном фонде РФ и архивах, которые создали базу для реформирования архивного дела в стране и предусматривали широкое участие архивохранилищ в публикации своих сокровищ [1, с. 101–102].

Архивы России приступили к публикации серийных изданий документов, особенно по истории XX века. Среди них следует отметить альманахи «Неизвестная Россия. XX век», «Невский архив», серии «Россия в лицах, документах, дневниках», «Архив новейшей истории России» и т. д. Исторические источники широко публиковались в исторической научной периодике: журналах «Вопросы истории», «Отечественная история» (до февраля 1992 года – «История СССР»), «Новая и новейшая история» и т. д. Появились специальные журналы, занимавшиеся публикацией исто-

рических источников: «Исторический архив» (1955–1962 годы, возобновил свою деятельность в 1992), «Источник», «Вестник архива Президента Российской Федерации» (приложения к журналу «Родина») и др.

Указанные процессы, во многом обусловленные общественно-политическим развитием страны, способствовали обновлению источниковой базы исследований отечественной истории. Публикации исторических источников в конце 1980–1990-е годы свидетельствуют о том, что, прежде всего, внимание и ученых, и общества в этот период привлекала политическая история.

Наиболее значительно была обновлена источниковая база изучения истории советского периода. В. А. Козлов, характеризуя процесс издания источников в первой половине 1990-х, писал: «Как количественно, так и качественно эти публикации позволяют говорить о настоящей «архивной революции», начавшейся в результате широкого открытия российских архивов после 1991 года» [Цит. по: 1, с. 104].

Кардинальным образом, по сравнению с советским периодом, изменилась историографическая база развития исторической науки. Если прежде советские историки в силу особенностей советской историографии вынуждены были вскрывать классовую ограниченность дореволюционной исторической науки, обличать фальсификаторский характер зарубежной буржуазной историографии, то уже в условиях перестройки ситуация изменилась.

Во-первых, началась переоценка отечественной историографической традиции. Методологические и концептуальные поиски историков привели к новому взгляду на труды дореволюционной исторической науки. Работы Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Я. Данилевского, И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова и других стали переиздаваться большими тиражами. Историки обратились к теоретическим трудам Н. Я. Данилевского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. С. Соловьева и др. Огромный интерес стали вызывать и исследования советских историков, относившихся прежде к инакомыслящим, чьи труды не

вписывались в официальную концепцию советской историографии (И. Я. Фроянова, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, Л. Н. Гумилева, А. Я. Авреха, К. Н. Тарновского, Н. Я. Эйдельмана и др.).

Во-вторых, пробуждается интерес к теоретическому и историографическому наследию русского зарубежья. Прежде всего, популярными становятся труды представителей русской религиозной философии и историософии Н. И. Бердяева, И. А. Ильина, Г. П. Федотова и других, в которых раскрывается «русская идея», постигается смысл российской истории с позиций, совершенно противоположных историко-материалистическому пониманию прошлого. Особый интерес на рубеже 1980–1990-х годов вызвала у читателей и исследователей работа Н. И. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Все с большим интересом воспринимались и исследования российских историков-эмигрантов, особенно тех, которые в 1920–1930-е годы создали труды по истории революции и Гражданской войны (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990; Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Наследники Ленина. – М., 1991 и др.). Для читателей открывался другой, небольшевистский взгляд на важнейшие события истории России первой половины XX века. В связи с пробуждением интереса к цивилизационному подходу оказалось востребованным наследие историков-евразийцев Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина и др.

В-третьих, меняется отношение к западным историкам, которые перестают восприниматься как «фальсификаторы». Исследования зарубежной науки вызывали большой интерес для отечественной историографии с точки зрения теоретико-методологических новаций, а также с позиций нового концептуального осмысления российской истории. В конце 1980-х годов были переведены и изданы труды наиболее известных западных историков-ревизионистов (Д. Боффа, Дойчер, Э. Карр, С. Коэн, А. Рабинович), которые более лояльно относились к советской истории, изучая ее с позиций социальных низов, исторической обусловленности

прихода большевиков к власти. Однако уже в 1991–1992 годах все больший интерес вызывали труды историков консервативного направления западной историографии Н. Верта, Д. Хоскинга, Р. Пайпса и других, которых часто называют историками тоталитарной школы. Делая акцент на политических аспектах советского прошлого в духе концепции тоталитаризма, эти историки отличались либеральным взглядом на российскую историю с ярко выраженным антикоммунистическим отношением. По подсчетам В. А. Козлова, в первой половине 1990-х годов было издано не менее 200 зарубежных исследований только по истории России XX века [1, с. 108]. Создавалась благоприятная ситуация для активизации научного сотрудничества отечественных и зарубежных ученых.

Историографическое наследие отечественной исторической науки, востребованное в новых условиях, стало доступно в результате открытия для широкого круга читателей специальных фондов библиотек, бурной деятельности издательств, которые не только выпускали в свет отдельные труды известных и не известных ранее историков, но приступили к созданию антологий, серий памятников исторической и историософской мысли. Важную роль в распространении исторических взглядов, альтернативных советской исторической концепции, сыграла научная историческая периодика, а также периодические издания научно-популярного характера, среди которых следует выделить журнал «Родина», начавший выходить в свет с 1989 года.

Таким образом, историографическая ситуация в российской исторической науке в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов коренным образом изменилась. В условиях формировавшегося научного плюрализма перестали существовать замалчиваемые, инакомыслящие историки, идеологические, политические препятствия для изучения, применения различных теоретико-методологических взглядов, исторических концепций исчезли. Эти изменения способствовали развитию, углублению исторических исследований, создавали условия для преодоления кризиса в отечественной исторической науке.

Библиографический список

1. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. – Тюмень, 2004. – 208 с.
2. Камынин В. Д. Российская историческая наука в первой половине 1990-х гг. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2008. – № 4. – С. 93–105.
3. Козлов В. П. Как российские архивисты спасали архивы похороненного СССР // Новая и новейшая история. – 2007. – № 3. – С. 135–155.
4. Невежин В. А., Пруцкова О. А. Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 22–36.
5. Павлова Т. Ф. Рассекречивание документов в государственных архивах РФ (1991–2006 годы) // Новая и новейшая история. – 2007. – № 4. – С. 86–92.
6. Пихоя Р. Г. О некоторых аспектах «историографического кризиса», или О «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 15–28.
7. Свешников А. В. Историческая наука в 1980-х. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaja nauka Rossii v konce XX – nachale XXI veka. – Tjumen, 2004. – 208 s.
2. Kamynin V. D. Rossijskaja istoricheskaja nauka v pervoj polovine 1990-h gg. // Vestnik Uralskogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. – 2008. – № 4. – S. 93–105.
3. Kozlov V. P. Kak rossijskie arhivisty spasali arhivy pohoronennogo SSSR // Novaja i novejschaja istorija. – 2007. – № 3. – S. 135–155.
4. Nevezhin V. A., Pruckova O. A. Izdanie istoricheskoy literatury: krizis ili stabilizacija? // Istoricheskie issledovanija v Rossii. Tendencii poslednih let. – M., 1996. – S. 22–36.
5. Pavlova T. F. Rassekrechivanie dokumentov v gosudarstvennyh arhivah RF (1991–2006 gody) // Novaja i novejschaja istorija. – 2007. – № 4. – S. 86–92.
6. Pihoya R. G. O nekotoryh aspektah «istoriograficheskogo krizisa», ili O «nepredskazuemosti proshlogo» // Novaja i novejschaja istorija. – 2000. – № 4. – S. 15–28.
7. Sveshnikov A. V. Istoricheskaja nauka v 1980-h. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794>

© Басырова С. Г., 2015

УДК 32:372.8

**АННОТАЦИЯ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ «НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ»**

В. П. Беляева

*Заместитель директора,
Школа № 97,
г. Москва, Россия*

**SUMMARY OF THE WORKING TRAINING MODULES «LATEST TRENDS
AND DIRECTIONS OF CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE»**

V. P. Belyaeva

*Head of department,
School № 97,
Moscow, Russia*

Summary. Discipline plays an important role in the training of specialists. It forms the professional skills in the field of political and scientific research activities. The course includes the development of the latest trends and directions of modern political science, history and development of modern ideologies and approaches the content of the concepts that define the modern development of political science. Consider the features of the development of political doctrines, philosophical and ideological grounds policy in the modern period.

Keywords: political science; politics; paradigm; concept; power analysis; the political system; modernization; political process; conflicts; international cooperation.

Целью учебной дисциплины «Новейшие тенденции и направления современной политологии» является получение студентами теоретических знаний и практических навыков в области современных политологических исследований для их дальнейшего использования в рамках выбранной образовательной программы.

Задачи дисциплины:

- формирование представлений о содержании направлений современных политологических школ;
- овладение навыками сравнительного анализа «нетипичных» парадигм современной политической науки;
- углубление представлений о зарубежных школах политической науки на современном этапе;
- выработка умения самостоятельно анализировать актуальные проблемы и находить оптимальные пути их решения в современной политической жизни России.

Место дисциплины в структуре общеобразовательной программы. Дисциплина относится к базовой части профессионального цикла основной образовательной программы магистратуры по направлению под-

готовки 030200.68 – «Политология», профилю подготовки «Политические отношения и процессы», степень выпускника – магистр.

Данная дисциплина находится в логической и содержательно-методической взаимосвязи с вариативными частями обязательных дисциплин профессионального цикла «Теория политических институтов», «Политическое управление», «Гражданские организации, гражданское общество», «Политические партии и электоральная политика», а также с разделами производственной, научно-исследовательской практики, научно-исследовательской работы.

Дисциплина предназначена для студентов, имеющих базовые знания, необходимые для освоения данной дисциплины и приобретенные в результате освоения предшествующих дисциплин: «Теория политических институтов», «Политическое управление», «Гражданские организации, гражданское общество».

В частности, предъявляются следующие требования к «входным» знаниям:

- знать категориальный аппарат, методы современной политической науки и политического анализа;

– глубоко понимать основные характеристики современной политической системы и политического процесса в России;

– уметь объяснить современные особенности политики российского государства, избирательного процесса, соотношения государства, местного самоуправления и гражданского общества, политической культуры и политического поведения в России.

Примерная тематика докладов по дисциплине «Новейшие тенденции и направления современной политологии»:

1. Соотношение основных понятий и категорий в свете современной российской политологии.

2. Сравнительные исследования в современной российской политологии.

3. Содержание направлений деятельности основных политологических школ в современной политической науке.

4. Американская школа политологии.

5. Немецкая школа политической науки.

6. Транспарентность органов государственной власти как фактор демократизации.

7. Опыт зарубежных стран по обеспечению транспарентности власти и его адаптация в России.

8. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и практики.

9. Механизмы повышения транспарентности власти в России.

10. Уровни показателей гражданской ответственности в России.

11. Местное самоуправление и гражданская культура в России.

12. Воспитание гражданственности и патриотизма в процессе образования.

13. Молодежные националистические организации в современной России.

14. Зарубежный опыт регулирования национальных отношений и методы противодействия национализму.

15. Межкультурный компонент образования как средство противодействия национализму.

16. Социально-коммуникативные аспекты проблем этномигрантов.

17. Роль образования в процессах трудовой этномиграции молодежи в РФ.

18. Зарубежный опыт адаптации этнических мигрантов.

19. Модернизация государственного управления в странах ЕС.

20. Социальные реформы в странах Восточной Европы.

21. Социальное партнерство как инструмент модернизации политической системы общества.

22. Эволюция теории глобализации.

23. Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории.

24. Проблема мирорегулирования.

25. Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка.

26. Контур будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности.

27. Международный конфликт.

28. О буржуазных теориях конфликта.

29. Казахстан: векторы взаимовыгодного сотрудничества.

30. Теория международного конфликта и реалии постсоветского геополитического пространства.

31. Межэтнические конфликты на рубеже веков (методологический аспект).

32. Глобальное управление и глобальное сотрудничество.

33. Мегатренды мирового развития.

34. Синдром поглощения в международной политике.

35. Контргегемония и контрглобализация: к проблеме выработки стратегии противодействия глобальной гегемонии капитала.

36. Стратегическая стабильность на современном этапе.

37. Концепция кооперативной безопасности.

38. Договор об обычных вооруженных силах в Европе и безопасность России.

39. Ядерная многополярность как новый фактор стратегического баланса.

40. Современная политическая ситуация на Украине.

41. Украина на геополитической «шахматной доске».

42. Внешний фактор и внутривнутриполитические процессы в Грузии и Армении.

43. Энергетический фактор: влияние на элиты и национальные интересы государств постсоветского пространства.

44. Культурно-образовательные и информационные проблемы в мировом политическом процессе.

45. Взаимосвязь бедности, демократии, коррупции, теневой экономики на примере одного из государств.

Примерные темы рефератов

1. Политологические исследования проблемы политических конфликтов.
2. Политологические исследования внешней политики.
3. Политологические исследования региональной интеграции.
4. Политологические исследования власти в международном сообществе.
5. Политологические исследования динамики общественного мнения.
6. Политологические исследования предпочтений избирателей.
7. Политологические исследования формирования политического имиджа.
8. Политологические исследования в отношении методов и инструментов проведения избирательных кампаний.
9. Политологические исследования в области информационного воздействия на массовое сознание и поведение.
10. Социологическое направление в развитии современной политологии.
11. Современные концепции политической элиты.
12. Современные концепции политических партий.
13. Современные концепции институционализма.
14. Современные концепции политического плюрализма.
15. Современные теории демократии.
16. Современные теории бюрократии.
17. Современные теории международных отношений.
18. Арабский национализм и панарабизм.
19. Решение проблем национализма в Японии как в развитии национальном государстве.
20. Решение проблем национализма в Израиле как в развитии национальном государстве.
21. Решение проблем национализма в Турции как в развитии национальном государстве.
22. Национализм и религия.
23. Национализм и глобализация.
24. Современная миграционная политика России и стран СНГ.
25. Терминология в исследованиях межэтнических отношений.
26. Этническая миграция в контексте межкультурного взаимодействия.

27. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма.

28. «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» (подход А. Этциони).

29. «Золотой миллиард» и остальное человечество.

30. Обзор модели униполярности.

31. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений.

32. О процессе международных переговоров (опыт зарубежных исследований).

33. Онтология террора.

34. О природе этнического и религиозного экстремизма.

35. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа.

36. «Многополярность вместо мира по-американски» (подход Фр. Нушелера).

37. Задачи контроля над вооружениями. Стокгольмская программа.

38. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом.

39. Россия в формировании европейской структуры безопасности.

40. Глобализация терроризма и ее последствия.

41. Хартия Европейской безопасности.

42. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индустриальной этики в теориях международных отношений.

43. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. (Извлечение).

44. Реализм и мораль в политике.

45. Международное право в документах.

Библиографический список

1. Авцинова Г. И., Атаев Т. Б., Ахрамеева Е. С., Гордеев Л. И., Гришин О. Е., Донай Л., Микитенко О. Е., Нестерчук О. А., Сквиков А. К., Рудакова А. Э. Политика. Инновации. Технологии: монография / под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой, Л. И. Гордеева. – М. : НИИ общественных и политических наук, 2014. – 204 с.
2. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М., Глебов В. А., Гришин О. Е., Давыдов В. Н.,

- Матвеевков Д. О., Молодчая Е. Н. Политика. XXI век. Инновационные технологии : монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М. : РУДН, 2013. – 435 с.
3. Бирюков С. В., Мороз Е. В. История политических и правовых учений XX века : основные направления развития отечественной и зарубежной политико-правовой мысли. – Кемерово : Кемеровский ин-т РГТЭУ, 2011.
 4. Бронников И. А., Буренко В. И., Горбачев А. А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации : монография / под ред. О. Е. Гришина, А. К. Сквикова. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – 294 с.
 5. Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. – М. : Логос, 2010.
 6. Жуков В. И., Авцинова Г. И., Анохин М. Г. и др. Политология : учебник / под общ. ред. академика РАН В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – 640 с.
- Bibliograficheskij spisok**
1. Avcinova G. I., Ataev T. B., Ahrameeva E. S., Gordeev L. I., Gri-shin O. E., Donaj L., Mikitenko O. E., Nesterchuk O. A., Skovikov A. K., Rudakova A. Je. Politika. Innovacii. Tehnologii: monografija / pod obshh. red. O. E. Grishina, G. I. Avcinovoj, L. I. Gordeeva. – M. : NII obshhestvennyh i politicheskikh nauk, 2014. – 204 s.
 2. Anohin M. G., Bochanov M. A., Vahovskij A. M., Glebov V. A., Grishin O. E., Davydov V. N., Matveenkov D. O., Molodchaja E. N. Politika. NHI vek. Innovacionnye tehnologii : monografija / pod obshh. red. M. G. Anohina, V. M. Platonova, O. E. Grishina. – M. : RUDN, 2013. – 435 s.
 3. Birjukov S. V., Moroz E. V. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij XX veka : osnovnye napravlenija razvitija otechestvennoj i zarubezhnoj politiko-pravovoj mysli. – Kemerovo : Kemerovskij in-t RGTJeU, 2011.
 4. Bronnikov I. A., Burenko V. I., Gorbachev A. A. i dr. Modernizacija politicheskikh institutov, processov i tehnologij v uslovijah globalizacii : monografija / pod red. O. E. Grishina, A. K. Skovikova. – M. : Izd-vo Mosk. гуманит. un-ta, 2012. – 294 с.
 5. Gadzhiev K. S. Vvedenie v politicheskiju filosofiju. – M. : Logos, 2010.
 6. Zhukov V. I., Avcinova G. I., Anohin M. G. i dr. Politologija : uchebnik / pod obshh. red. akademika RAN V. I. Zhukova. – M. : Izd-vo RGSU, 2011. – 640 s.

© *Беляева В. П., 2015*

УДК 808.51

**РАЗВИТИЕ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ
ВЫСШИХ ВОЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»**

Е. Н. Чулкова

*Кандидат педагогических наук,
Рязанское высшее воздушно-десантное
командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

**THE DEVELOPMENT OF RHETORICAL COMPETENCE OF CADETS
OF THE HIGHEST MILITARY INSTITUTIONS. METHODOICAL
DEVELOPMENT ON DISCIPLINE «RUSSIAN LANGUAGE
AND THE STANDARD OF SPEECH»**

E. N. Chulkova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Ryazan Airborne Academy
named after general V. F. Margelov,
Ryazan, Russia*

Summary. This methodical development is directed on improvement of rhetorical skills at cadets of the highest military institutions. In it carefully selected language material allowing to increase an active lexicon of cadets, to create skills of stylistic-grammatical correction of texts, to develop creative abilities of cadets in the speech sphere, and also to increase the level of language and personal culture of cadets is presented.

Keywords: rhetorical competence of cadets; language material; "imitation samples".

Цели занятия:

- увеличить активный словарный запас курсантов путём выполнения лексических заданий различной функциональной направленности;
- сформировать навыки стилистико-грамматической коррекции текстов;
- развивать творческие способности курсантов в речевой сфере;
- повышать уровень языковой и личностной культуры курсантов как необходимого условия формирования высокопрофессионального военного специалиста.

Организационно-методические указания

В целях достижения максимального образовательного эффекта рекомендуется разделить учащихся на микрогруппы по 6–7 человек, так как для развития речевых навыков им предлагается выполнение заданий, активизирующих творческое мышление. Совместное выполнение заданий вносит в занятие элемент соревновательности и реализует процесс стилистического анализа, позволяя советательно подобрать наиболее верный

вариант ответа. Все представленные упражнения можно выполнять как индивидуально, так и в составе микрогруппы.

Предлагаемое количество заданий несколько повышает временной лимит занятия. Это позволяет преподавателю варьировать информационное наполнение занятия в зависимости от уровня подготовленности и потенциальной обучаемости группы: в сильных группах количество заданий увеличивается, в слабых – уменьшается.

Результатом проведения данного занятия является получение оценок учащимися. Каждый член микрогруппы получает ту оценку, которую заработала вся микрогруппа в целом. Таким образом, курсанты заинтересованы в активной работе на протяжении всего занятия, так как преподаватель должен оценить ответы микрогрупп на каждый учебный вопрос и, суммировав, оценить работу каждого учащегося.

Вводная часть

Доклад дежурного о наличии личного состава и его готовности к занятию. Проверка наличия, внешнего вида

обучающихся и готовности их к занятию, отметка отсутствующих в журнале.

Проверка выполнения задания для самостоятельной работы.

Объявление темы занятия и изучаемых вопросов, целей занятия и того, что должны узнать курсанты в результате проведенного занятия, о чем должны иметь представление.

Актуальность занятия заключается в том, что представленный в нем языковой материал способствует формированию у курсантов навыков составления и произнесения публичной речи. Данное практическое занятие является логическим продолжением предыдущих лекций.

Основная часть

Одним из основных условий эффективного, результативного речевого воздействия на аудиторию является мастерское владение родным языком, знание его норм и коммуникативных особенностей. Выдающиеся ораторы различных эпох и народов выделяли в качестве одного из приемов совершенствования своих риторических навыков «подражание образцам», а также умение анализировать речь, выделять ее достоинства и недостатки.

Задание 1. Подберите одно общее существительное ко всем данным прилагательным.

- 1) святая, великая, светлая, Киевская, языческая, Московская;
- 2) народная, мелодичная, лихая, широкая;
- 3) пешеходный, висячий, канатный, железобетонный, автомобильный;
- 4) яркий, пахучий, осенний, увядший, сорванный;
- 5) солёный, бушующий, тихий, далёкий;
- 6) парадный, торжественный, пеший, подтянутый;
- 7) белый, далёкий, волнующий, лёгкий, скользкий;
- 8) справедливый, умный, сильный, знающий;
- 9) шумная, тихая, зелёная, современная, старинная, транспортная;
- 10) крепостная, каменная, белая, сторожевая, кирпичная.

Ключ:

- 1) Русь;
- 2) песня;
- 3) мост;
- 4) цветок;

- 5) океан;
- 6) строй;
- 7) парус;
- 8) отец/человек;
- 9) улица;
- 10) стена/башня.

Задание 2. Определите происхождение следующих слов.

Гений (лат.), генерал (лат.), маршал (фр.), майор (лат.), мандат (лат.), марш (нем.), лейтенант (фр.), капитан (фр.), патриот (греч.), штурман (голл.), сервис (англ.), сержант (фр.), ефрейтор (нем.), поручик (слав.), прапорщик (слав.), практика (греч.), штаб (нем.), снайпер (англ.), машина (фр.), солдат (нем.), матрос (голл.), офицер (нем.), бригада (фр.), корпус (лат.), армия (фр.), гвардия (фр.), край (нем.), бинокль (фр.), блиндаж (фр.), бомба (фр.), система (греч.).

Задание 3. Закончите фразеологизмы.

- 1) Между Сциллой и ...;
- 2) меньше говори, больше ...;
- 3) он для красного словца не пожалеет и ...;
- 4) большой говорун – плохой ...;
- 5) жребий ...;
- 6) быть с врагами на ...;
- 7) стрелять из пушки по ...;
- 8) доброе начало полдела ...;
- 9) буря в стакане ...;
- 10) за добро добром и ...;
- 11) на войне как на ...;
- 12) капля по капле и камень ...;
- 13) посеешь ветер – пожнёшь ...;
- 14) игра не стоит ...;
- 15) слово не воробей, вылетит ...;
- 16) на ловца и зверь ...;
- 17) охота пуце ...;
- 18) учись смолоду, не умрёшь...;
- 19) не годы старят, а ...;
- 20) дорог не подарок, дорога

Ключ:

- 1) Харибдой;
- 2) делай;
- 3) отца;
- 4) работник;
- 5) брошен;
- 6) ножах;
- 7) воробьям;
- 8) откачало;
- 9) воды;
- 10) платят;
- 11) на войне;
- 12) долбит;
- 13) бурю;
- 14) свеч;
- 15) не поймаешь;
- 16) бежит;
- 17) неволи;
- 18) с голоду;
- 19) горе;
- 20) любовь.

Задание 4. Поставьте ударение в словах.

Нача́ть, углуби́ть, за́суха, гусени́ца, алфави́т, ожи́ть, о́жил, ожила́, приня́ть, приня́л, приняла́, приня́ли, стату́я, це-ме́нт, све́кла, каучу́к, кúхонная, запыха́ться, запыха́юсь, запыха́ешься, за-ня́ть, за́нял, за́няли, заняла́, сколько, сколькоими, обеспе́чение, изобре́тение, облегчи́ть, нача́ть, мизе́рный, дис-пансе́р, смягчи́ть, суе́тный, воспри́нял, воспри́няла́, однове́менно, избало́ван-ный, (он) сторо́нится, остро́та, веро-испове́дание, на́глухо, призы́в, до-су́т, экспе́рт, зна́мение, гористы́й, об-щи́на, огово́рено, гражда́нство, мыш-ле́ние, форми́ровать, наме́рение, бом-барди́ровать, взрыва́чатый.

Задание 5. Назовите автора дан-ных высказываний.

1) Белеет парус одинокий в тумане моря голубом, что ищет он в краю далёком, что потерял в краю родном.

2) Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит, ночь тиха, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит.

3) На свете счастья нет, а есть покой и воля.

4) Я к вам пишу, чего же боле.

5) Кому на Руси жить хорошо?

6) Храни честь смолоду.

7) Служить бы рад, прислуживать-ся тошно.

8) Красота спасёт мир.

9) Жди меня, и я вернусь.

10) Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия.

Ключ:

1–2 – М. Ю. Лермонтов;

3–4, 6 – А. С. Пушкин;

5 – Н. А. Некрасов;

7 – А. С. Грибоедов;

8 – Ф. М. Достоевский;

9 – К. Симонов;

10 – П. Столыпин.

Задание 6. Вставьте подходящие по смыслу слова.

Не бывает дерева без...; предательство и ... – противоположны по своему смыслу; труд и ... – противоположны по смыслу; первой столицей России является ..., второй – ...; фраза не существует без ...; взаимная уступка в споре

называется ...; комментарий по-русски означает ...; если человек не любит новшества, он называется ...; если человек любит новшества, то он – ...; мысль, что все люди честны, является ...; если поэт, то стихотворение, если скульптор, то ...; если дерево, то ствол, если трава, то....

Ключ: корней; верность; леность (безделье); Москва, Санкт-Петербург; слов; компромисс; объяснение; консерватор; новатор; абсурдной; скульптура; стебель.

Задание 7. Найдите и исправьте ошибки в предложениях.

1) Благодаря высокой профессиональности и подготовки курсантов русской речи, возрождается и поднимается самосознание у курсантов, а потом свои навыки они передают после выпуска другим курсантам, или солдатам, или в общество.

2) Русский язык – драгоценнейшее, дорожайшее и величайшее богатство русской словесности, которое наш русский народ должен и обязан оберегать от искажения и посягательств.

3) При повседневном общении люди перестали уважать во многой мере собеседника и способ выражения – язык.

4) Падение нравственности, утрата патриотизма к своей стране и в том числе к языку – все это сказывается на наш русский язык.

5) Иностранная лексика быстро въелась в русский язык, что привело к падению и прекращения влияния языка.

6) Современный русский язык сильно засорен взаимодействующими из других народов словами, утрачивает свое многообразие.

7) И если сейчас услышать разговор простых крестьян или горожан того времени, можно почерпать из него много простых и в то же время сильных своими оборотами выражений.

8) Офицеры большевиков не могли сравниться в воспитании, образовании с офицерами царской армии, но постепенно их уровень начал заметно увеличиваться.

9) Но, несмотря на это, заглянем далеко назад в нашу историю, в те времена, когда офицеры были поистине вершущей высшей обществу.

10) К сожалению, в наше время этот красивейший язык загрязняется безграмотностью, бескультурией.

Заключительная часть

Подведение итогов занятия, оценка работы курсантов.

Вопросы для обобщения материалов занятия.

Задание для самостоятельной работы:

– задание № 7;

– изучить материал в учебнике: № 1 с. 156–162, 180–211.

Ответы на вопросы курсантов.

Библиографический список

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Капаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – С. 156–162, 180–211.

2. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – М. : Логос, 2005. – С. 348–362.
3. Мартыанова И. А. Основы риторики. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – С. 73–101.
4. Штрекер Н. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 180–211.

Bibliografičeskij spisok

1. Vvedenskaja L. A., Pavlova L. G., Kashaeva E. Ju. Russkij jazyk i kultura rechi: ucheb. posobie dlja vuzov. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2011. – S. 156–162, 180–211.
2. Golub I. B. Russkij jazyk i kultura rechi: ucheb. posobie. – M. : Logos, 2005. – S. 348–362.
3. Martjanova I. A. Osnovy ritoriki. – M. : Jeksmo-Press, 2002. – S. 73–101.
4. Shtreker N. Ju. Russkij jazyk i kultura rechi: ucheb. posobie dlja vuzov. – M. : JuNITI-DANA, 2003. – S. 180–211.

© Чулкова Е. Н., 2015

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ

Дата	Название
10–11 сентября 2015 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2015 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2015 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2015 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2015 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2015 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2015 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
10–11 ноября 2015 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ
«СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	<ul style="list-style-type: none">• РИНЦ (Россия),• Directory of open access journals (Россия),• Open Academic Journal Index по адресу,• Research Bible (Китай),• Global Impact factor (Австралия),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада)	<ul style="list-style-type: none">• РИНЦ (Россия),• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада)

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ПЕДАГОГОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ «ПЕДИННОВАЦИИ»**

Конкурс проводится в дистанционной форме через сеть Интернет.
Официальный сайт конкурса <http://sociosphera.com>

Приглашаем к участию педагогов:

- Общеобразовательных организаций (школ, гимназий, лицеев).
- Профессиональных образовательных учреждений.

Конкурсная работа представляет собой учебно-методическую разработку, относящуюся к одному из видов:

- Технологическая карта и конспект учебного занятия, составленные на основе инновационных методик преподавания.
- Комплекс авторских интерактивных педтехнологий для внеклассных и воспитательных мероприятий.
- Разработка контрольно-оценочных критериев и средств.

Конкурс проводится с 15 апреля по 15 августа 2015 года. Итоги будут объявлены 1 сентября 2015 года.

Все конкурсные работы будут размещены на сайте и доступны для обсуждения посетителями сайта.

Участники конкурса получают **дипломы участников, лауреатов или победителей конкурса.**

Победители, набравшее наибольшее количество баллов, получают дипломы за 1-е, 2-е и 3-е место, а также возможность бесплатной публикации учебно-методической разработки (до 5 страниц) в научно-методическом и теоретическом журнале «Социосфера».

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «ACTA HUMANITAS»
INFORMATION ABOUT THE JOURNAL
«ACTA HUMANITAS»

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на чешском и английском языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sarik@vspsv.cz. Формат страницы А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются бесплатно.

Образец оформления статьи

**Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních
volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací
síla stran a racionalita aktérů**

Jiří Kohoutek

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifictějšími tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspsv.cz**.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Europeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Říchová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»).

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок);
- изготовление оригинал-макета;
- дизайн обложки;
- печать тиража в типографии;

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премимум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.

(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) ;
- making an artwork;
- cover design;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 2, 2015

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information. Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – А. Колесникова
Корректор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – Г. А. Кулакова

Подписано в печать 01.06.2015. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Учет.-изд. л. 17,09. Усл.-печ. л. 19,25. Тираж 100 экз. Заказ № 2/15.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
Тел. (8412)21-68-14,
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Буква»: 410005, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 102. Тел. (8452) 24-85-33